

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Мойса Анна Александровна

**РОЛЬ НЕМЕЦКОЙ РЕФОРМАЦИИ
В КОНСТРУИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ (1815-1848 ГГ.)**

5.6.2. Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель Ростиславлева Наталья Васильевна,
доктор исторических наук, профессор

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Особенности формирования немецкого национального самосознания в первой половине XIX в.	32
1.1. Развитие национального дискурса в германских государствах первой половины XIX в.	32
1.2. Национальный дискурс сквозь призму переосмысления патриотических понятий	50
Глава 2. Наследие Мартина Лютера в контексте германского вопроса	65
2.1. Формирование немецкой идентичности в рамках празднования 300-летнего юбилея Реформации (1817 г.)	65
2.2. Рецепция Реформации в периодической печати Германского союза	80
2.3. Наследие М. Лютера в научно-историческом дискурсе	92
2.4. Феномен Реформации в энциклопедических изданиях	108
Глава 3. Роль ценностей Бидермайера в конструировании образа немецкой Реформации	119
3.1. В тени «спасительного халата»: германский вопрос сквозь призму эпохи Бидермайер	119
3.2. Мартин Лютер в контексте визуальной рецепции Реформации	128
3.3. Семейная идиллия Мартина Лютера как воплощение ценностей Бидермайера	149
Заключение	160
Список источников и литературы	163
Приложения	180

Введение

Актуальность темы исследования. Реформация является одним из важнейших событий немецкой истории. Подвергнув сомнению устоявшиеся религиозные догмы в XVI в., дело Мартина Лютера задало направление для пересмотра не только церковных, но и самых разных аспектов социально-политической жизни на многие столетия вперед. Наглядным свидетельством служит востребованность наследия реформатора — в контексте формирования и укрепления немецкой национальной идентичности.

Роль Реформации в консолидации немецкой нации трактуется исследователями неоднозначно. С одной стороны, существует позиция, что раскол немцев по конфессиональному признаку на долгие годы затруднил процесс национального единения. С другой стороны, отмечается, что лютеровский перевод Библии заложил основу для формирования литературного немецкого языка, благодаря которому немецкая нация смогла сплотиться в едином культурном поле. С учетом амбивалентности исторических последствий в настоящей работе предлагается иной ракурс рассмотрения проблемы: влияние феномена Реформации на национальное самосознание в рамках ее реактуализации в социально-политическом климате Германского союза первой половины XIX в.

Войны памяти, развернувшиеся вокруг наследия Мартина Лютера, отражают конфликт между разными представлениями о решении германского вопроса в условиях отсутствия единого национального государства. Общим моментом становится инструментализация исторического события в целях консолидации общества, создания основы для национальной самоидентификации, воздействия на массовое сознание и конструирования коллективной идентичности. Изучение данных аспектов в настоящее время является **актуальным** как для развития исторической науки XXI в., так и для анализа современного общественного дискурса.

Научная проблема диссертационного исследования заключается в раскрытии ключевых причин реактуализации феномена Реформации в качестве основы для конструирования немецкой национальной идентичности, что сопряжено с необходимостью выявления механизмов распространения и закрепления новой интерпретации в коллективной памяти в свете политических дискуссий о путях решения германского вопроса в первой половине XIX в.

Степень изученности темы. Роль Реформации в формировании немецкой национальной идентичности в Предмартовский период (1815–1848) прежде не становилась объектом полноценного научного изучения, тем не менее в своей работе автор опирается на ряд отечественных и зарубежных трудов, в которых затрагиваются отдельные аспекты избранной темы.

В первую группу вошла литература, посвященная формированию немецкого национального самосознания. Специфике развития немецкого национализма отведено достаточно значимое место в мировой историографии. Данное проблемное поле не перестает привлекать исследователей разнообразием ракурсов, о чем наглядно свидетельствует широкий спектр тем, поднимаемых в трудах последних десятилетий. Среди них: генезис германского национализма, пути решения германского вопроса, роль символики и языка в распространении национальных идей, трансформация национальной идеологии в контексте разных эпох и последствия радикализации национализма для глобальной истории¹.

В рамках настоящего исследования особое внимание было уделено работам, затрагивающим развитие немецкого национального самосознания в первой половине XIX в. Вопрос формирования национальной идеологии в данный период неоднократно затрагивался в трудах немецких историков², что позволяет выделить общепринятые моменты в характеристике эпохи.

¹ См.: Müller S.O. Die Politik der Nation: Deutscher Nationalismus im Krieg und Krisen 1760 - 1960. München, 2002; Benz U., Benz W. (Hrsg.) Stolz deutsch zu sein? Aggressiver Anspruch und selbstverständlicher Patriotismus. Berlin, 2005; Ahlzweig K. Muttersprache—Vaterland: Die deutsche Nation und ihre Sprache. Opladen, 1994; Haupt H. G., Langewiesche D. Nation und Religion in der deutschen Geschichte. Frankfurt, 2001.

² См.: Willms J. Nationalismus ohne Nation: deutsche Geschichte von 1789 bis 1914. Würzburg, 1983; Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat: die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert

Зарубежные исследователи в целом сходятся во мнении, подчеркивая отсутствие единого представления о нации в рассматриваемый период. Американский германист Дж. Дж. Шиэн высказывает мысль: немцы обрели четкое понимание себя как гомогенной нации лишь после основания Империи в 1871 г.³ О. Данн отмечает, что для немецких земель первой половины XIX столетия была характерна «политическая конкуренция двух наций»⁴: национального союза князей и «современной нации», представленной народными слоями. Согласно Д. Лангевисе, многие князья поддерживали духовный патриотизм, но не стремились к созданию централизованного национального государства, в то время как эту цель преследовали представители «народной нации», желая построить государство, в котором суверенитет будет принадлежать его гражданам⁵.

Немецкие историки также связывают истоки формирования германской нации с реакцией на вызовы со стороны Франции. Х. Шульце подробно описывает консолидирующий эффект, вызванный французской военной угрозой, и показывает, как влияние революционных веяний западного соседа отразилось на сторонниках либерального и демократического развития Германии⁶. В. Зиманн, в свою очередь, выделяет два вида патриотизма, присущего Германскому союзу: защитно-интегральный, направленный против Франции, и эмансипационный, в основе которого лежали ценности народной свободы⁷.

bis zur Reichsgründung. München, 1985; Hardtwig W. Vormärz: der monarchische Staat und das Bürgertum. München, 1985; Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993; Siemann W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Einheit der Nation und Zwietracht der Nationalitäten // Die deutsche Nation: Geschichte-Probleme-Perspektiven. Vierow bei Greifswald, 1995. S 24-34; Echternkamp J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770–1840). Frankfurt, 1998; Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000.

³ Sheehan J. J. What is German history? Reflections on the role of the nation in German history and historiography // The Journal of Modern History. 1981. Vol. 53. №. 1. P. 2-23.

⁴ Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993.

⁵ Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat: Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Neue Politische Literatur. Berichte aus Geschichts- und Politikwissenschaft. 1995. Vol. 40. S. 190-236.

⁶ Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat: die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München, 1985.

⁷ Siemann W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Einheit der Nation und Zwietracht der Nationalitäten // Die deutsche Nation: Geschichte-Probleme-Perspektiven. Vierow bei Greifswald, 1995. S. 24-34.

Предметом дискуссии остается вопрос генезиса немецкой нации. Среди зарубежных исследователей преобладает мнение, что «культурная» (в некоторых трудах используются термины «языковая» или «интеллектуальная») немецкая нация зарождается еще в конце XVIII в. вместе с расцветом бюргерской культуры, однако именно первая половина XIX в. придает абстрактному понятию материальные очертания – с формированием специальных организаций и проведением акций в поддержку национального движения⁸.

Среди отечественных германистов можно наблюдать разные точки зрения. К примеру, А.М. Филитов допускает существование культурной национальной общности в первой половине XIX в., однако находит более корректным датировать политическую нацию второй половиной столетия⁹. А.С. Медяков считает, что столкновение с Наполеоном положило начало «первому и во многом определяющему этапу немецкого национализма»: несмотря на то, что с 1815 г. активность национального движения стихает, вплоть до революции 1848/49 наблюдается «широкое распространение и одновременная дифференциация национальной идеи»¹⁰. Сосредотачиваясь на локальном патриотизме Пруссии, Д.В. Стерхов приходит к выводу: в наполеоновскую эпоху немецкая нация продолжала оставаться «абстракцией», в то время как процесс нациестроительства в начале XIX в. шел «не на уровне всей Германии в целом, а на уровне территориальных государств»¹¹.

Обзор историографии, посвященной развитию немецкой нации, убеждает в необходимости тщательного изучения контекста, который не только влиял на конструирование образов прошлого, но и обуславливал разные дефиниции

⁸ Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat: die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München, 1985; Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993.

⁹ Филитов А.М. Германская нация и германское национальное сознание в исторической ретроспективе // Политика. 2005. №2. С. 22-38.

¹⁰ Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005. С. 394-459.

¹¹ Стерхов Д.В. Король, отечество и прусская нация: государственный патриотизм в Пруссии в годы освободительных войн (1813-1815 годы) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 67-78.

национальных понятий. Проблема формирования национального самосознания в 1815–1848 гг. по сей день представляет собой широкое дискуссионное поле, в фокус которого, однако, едва ли попадает наследие М. Лютера.

Ко второй группе литературы по теме исследования относятся научные труды, затрагивающие **особенности эпохи Бидермайер**, культурно-исторического конструкта, который принято ассоциировать с периодом немецкой истории с 1815 по 1848 гг. Несмотря на то, что хронологические рамки эпохи Бидермайер совпадают с Предмартовским периодом, представляется продуктивным уделить особое внимание ее специфике и привлечь литературу, которая позволяет изучить механизмы популяризации национальных идей не только в контексте политически направленных нарративов, но и рамках бюргерской повседневной культуры.

К одной из первых работ о Бидермайере можно отнести книгу Г. Херманна¹², в которой были опубликованы и прокомментированы многочисленные документы личного происхождения. Исследователь демонстрирует, как период, насыщенный многочисленными экономическими и политическими волнениями, сумел создать столь безмятежный идеал в культуре. В дальнейшем более подробно о роли политико-экономического контекста и его влиянии на бидермайерский уют писали Г. Глазер и В. Хардтвиг¹³.

Подмеченная двойственность способствовала различным интерпретациям духа времени в историографии. Для Ф. Зенгле¹⁴ Бидермайер, прежде всего, образ жизни, существенной частью которого стала материальная культура. В. Зиманн¹⁵, сосредотачиваясь на социальных настроениях, называет Бидермайер периодом, которому были свойственны равнодушие к вопросу национальности, сильное влияние конфессий, идеи народного просвещения и пр. Иная оценка наблюдается

¹² Das Biedermeier im Spiegel seiner Zeit; Briefe, Tagebücher, Memoiren, Volksszenen und ähnliche Dokumente / gesammelt von Georg Hermann. Berlin, 1913.

¹³ Glaser H. Industriekultur und Alltagsleben. Vom Biedermeier zur Postmoderne. Frankfurt, 1994; Hardtwig W. Vormärz: der monarchische Staat und das Bürgertum. München, 1998.

¹⁴ Sengle F. Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848. 3 Bde. Stuttgart, 1971-1980.

¹⁵ Siemann W. Vom Staatenbund zum Nationalstaat: Deutschland 1806–1871. München, 1995.

в трудах Р. Крюгер¹⁶ и Х. Оттомайера¹⁷, которые рассматривают, как Бидермайер с его частым обращением к идеализированному прошлому дал новый толчок к развитию национальной идентичности. Как в их работах, так и в книге В. Гайсмайера¹⁸ отмечается феномен возвышения и развития семейных ценностей, популяризация которых также осуществлялась в рамках идеи воспитания нации.

В отечественной историографии Бидермайер всё ещё остаётся мало изученной темой. Можно выделить отдельные работы, посвящённые эстетике, литературе и культурным ценностям периода¹⁹, но исследований, рассматривающих эпоху Бидермайер с точки зрения исторического конструкта по-прежнему единицы²⁰.

К третьей историографической группе относятся работы, посвященные изучению немецкой Реформации.

Историография, предметом которой является немецкая Реформация, также обширна, наглядно отражая трансформацию исторического концепта под влиянием времени. Объект теологической полемики получил научно-историческое обрамление стараниями Л. фон Ранке²¹, закрепившим в исторической науке триаду периодизации: Реформация, Контрреформация и Тридцатилетняя война. Гегемония его национально-государственной оптики привела к тому, что

¹⁶ Krüger R. Biedermeier: Eine Lebenshaltung Zwischen 1815 und 1848. Leipzig, 1979.

¹⁷ Biedermeiers Glück und Ende. Die gestörte Idylle 1815-1848 / Hrsg. von H. Ottomeyer. München, 1987.

¹⁸ Geismeyer W. Biedermeier. Das Bild vom Biedermeier. Zeit und Kultur des Biedermeier. Kunst und Kunstleben des Biedermeier. Leipzig, 1986.

¹⁹ Федотова Е.Д. Бидермайер. М., 2005; Данилкова Ю.Ю. Античная культура в эстетике стиля Бидермайер: к вопросу об интеграции // Новый филологический вестник. 2012. №1 (20). С. 103-108; Устюгова Е.Н. Бидермайер как культурно-стилевой феномен // Tempus et Memoria. 2016. Т. 11. №. 2. С. 161-174; Бидермейер в славянском и европейском контексте. Коллективная монография / Л. Н. Полубояринова, М. Войтех, Т. Е. Аникина и др. СПб., 2016; Костко О.Ю. Метафоричность пространства в контексте феномена Бидермайера // Художественное произведение в современной культуре: творчество - исполнительство - гуманитарное знание. Сборник статей и материалов. Челябинск, 2025. С. 75-78.

²⁰ Ростиславлева Н.В. Идеи Вильгельма фон Гумбольдта в ракурсе понятия «Бидермайер» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. № 25/1. С. 376-390; Ростиславлева Н.В. Проблема детерминантов в определении эпох и культурно-исторических категорий истории Германии первой половины XIX века // Новое в Новой истории М., 2023. С. 214-229.

²¹ Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. 6 Bde. Berlin, 1839-1847.

противопоставление прогрессивных идей Реформации антинемецкой политике католических сил стало константой в работах многих последующих историков вне зависимости от их религиозных взглядов²².

Полемизируя с Ранке, альтернативный взгляд на значение наследия Лютера предложил К. Лампрехт. Для немецкого историка-позитивиста Реформация, в первую очередь, представляла важный рубеж культурно-исторического развития нации: дело Лютера дало толчок к осуществлению социальной революции и закрепило эпоху индивидуализма, распространив ее принципы среди широких слоев населения²³. Однако осозанный отход от политической истории государства, фактологические неточности и критика Ранке настроили немецкое историческое сообщество против выдвинутой концепции: таким образом, изучение Реформации сквозь оптику, предложенную Лампрехтом, не нашло отклика в академических кругах на стыке XIX-XX вв.

Влияние Л. фон Ранке распространилось на отечественную историографию. Проблема Реформации в Европе была затронута в лекциях Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева, В.Н. Петрова, В.В. Бауэра, в учебнике П.Г. Виноградова²⁴. Характеризуя события XVI в., российские историки по большей части опирались не столько на источники, сколько на интерпретации немецкой историографии, с которой многие из них познакомились во время своего обучения за рубежом²⁵. Общим местом для их работ было позиционирование Реформации как части эволюционного прогресса общества, а также отстаивание консерватизма взглядов Лютера вопреки революционным интерпретациям его наследия.

²² Möller G.K. Lehrbuch der Kirchengeschichte. Bd. 3. Reformation und Gegenreformation. Freiburg, 1894; Ritter M. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges (1555-1648). Bde 3. Stuttgart, 1908.

²³ Lamprecht K. Deutsche Geschichte. Bd. 5. Berlin, 1896.

²⁴ См.: Грановский Т.Н. Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья: (записи слушателей с авторской правкой). М., 1971; Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М., 1991; Лекции по новой истории профессора В. В. Бауэра, читанные в С.-Петербургском университете. Т.1. СПб., 1886; Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. Ч. 3. Новое время. М., 1896.

²⁵ Например, Т.Н. Грановский, стажировавшийся в 1830-е гг. в Берлинском университете, рекомендовал своим студентам к прочтению труды Ф.Х. Мархайнеке и Л. фон Ранке.

Важной вехой дореволюционной историографии становятся лекции по Реформации В.И. Герье в Московском университете и Н.И. Кареева в Петербургском университете, содержание которых также отражено в публикациях ученых по истории Нового времени²⁶. В данных трудах подробное внимание уделяется эволюции взглядов Мартина Лютера, а также подчеркивается значение национального фактора в развитии Реформации в Германии.

Ранкеанское разделение на Реформацию и Контрреформацию, унаследованное и отечественной историографией, было поставлено под сомнение австрийским историком и социологом О. Бруннером, который ввел в научный оборот новый термин для обозначения периода до 1648 г. – «конфессиональная эпоха»²⁷. Идеи Бруннера в дальнейшем получили развитие в работах Э.В. Цеедена, В. Райнхарда и Х. Шиллинга²⁸, которые развернули немецкую историческую науку в сторону широкой социальной парадигмы, позволившей обнаружить новые причины неудач реформационного движения. С начала 1950-х гг. сам термин «Контрреформация» стал употребляться реже, уступив место католической Реформе, католическому ренессансу, католическому обновлению и т.д.²⁹

В историографии ГДР, базировавшейся на принципах марксизма, ранкеанская традиция не утратила своих позиций, лишь немного видоизменившись, чтобы соответствовать формационному подходу. В целом историки ГДР не были заинтересованы в изучении церковных преобразований, поэтому за весь период существования страны не вышло ни одного крупного исследования, освещавшего события после Аугсбургского мира. Вместо этого в центре изучения оказалась Крестьянская война, признанная первой неудавшейся

²⁶ См.: Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб., 1868; Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. II. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. СПб., 1893.

²⁷ Brunner O. Das Konfessionelle Zeitalter 1555–1648 // Deutsche Geschichte im Überblick: Ein Handbuch. 1953. S. 284-316.

²⁸ Zeeden E.W. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe // Historische Zeitschrift. 1958. Bd. 185. №. 1. S. 249-299; Reinhard W. Gegenreformation als Modernisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // Archiv für Reformationsgeschichte. 1977. Bd. 68. S. 226-25; Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648-1750. Berlin, 1988.

²⁹ Подробнее о данной историографической тенденции см.: Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. СПб., 2002.

буржуазной революцией и предтечей будущего образования ГДР. Празднование 450-летнего юбилея данного исторического события ознаменовалось обилием публикаций, также демонстрировавших смещение фокуса со спорного для пролетарской идеологии наследия Лютера на революционный вклад Томаса Мюнцера³⁰.

Похожие тенденции наблюдались и в ранней советской историографии, для которой было характерно пристальное внимание к глобальным социально-экономическим процессам и скорее негативное отношение к Мартину Лютеру³¹. Лишь к концу 40-х гг. XX в. советская историография начинает расширять затрагиваемые аспекты: работы М.М. Смирин, В.Е. Майера, Ю.К. Некрасова, А.Н. Немилова освещают зарождение раннего капитализма в германских землях, пересматривают причины и последствия Крестьянской войны, роль городского населения в ходе Реформации и выстраивают корреляцию с идеями гуманизма³².

К середине 1980-х гг. на первый план начинает выходить личность в истории: так к 500-летию со дня рождения Лютера была опубликована знаменитая монография Э. Соловьева, а одним из «титанов Возрождения» реформатор стал благодаря выпущенной в 1991 г. одноименной книге В.И. Рутенбурга³³. Существенный вклад в перевод источников, изучение историографии и «оправдание» Лютера внес Ю.А. Голубкин³⁴.

³⁰ Laube A., Steinmetz M., Vogler G. *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution*. Berlin, 1974; Heitz G., Laube A. Steinmetz M. *Der Bauer im Klassenkampf. Studien zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges und der bäuerlichen Klassenkämpfe im Spätfeudalismus*. Berlin, 1975; Bartel H. *Der deutsche Bauernkrieg in der Tradition der deutschen Arbeiterbewegung* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1975. 23 Jg. S. 133-151; Steinmetz M. *Thomas Müntzer in der Forschung der Gegenwart* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1975. 23 Jg. S. 666 - 685.

³¹ Вознесенский С.В. *Экономический поворот в Западной Европе и Реформация*. Л., 1925.

³² Смирин М.М. *Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война*. М., 1947; Смирин М.М. *О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации* // *Вопросы истории*. 1957. №. 6. С. 84-101; Майер В.Е. *Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте* // *Культура эпохи Возрождения и Реформация*. Л., 1981. С. 123-130; Некрасов Ю.К. *О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.)* // *Вестник МГУ*. 1977. № 4. С. 63-79; Немилов А.Н. *Немецкие гуманисты XV века*. Л., 1979.

³³ Соловьев Э. Ю. *Непобежденный еретик*. М., 1984; Рутенбург В.И. *Титаны Возрождения*. Л., 1991.

³⁴ Голубкин Ю.А. *Из любви к истине. Историко-биографический очерк* // *Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения (1520—1526)*. Харьков, 1992.

После объединения Германии в 1990 г. в научной среде стал доминировать концепт конфессиональной эпохи, ученые сосредоточились на преемственности Реформации, находя её предпосылки в XIV-XV вв., наконец была подчеркнута важность междисциплинарного подхода к данной проблеме, что заложило основу для тесного сотрудничества историков, социологов, культурологов, лингвистов и специалистов в области теологии

XXI в. привел к возникновению новых дискуссий, например, о плюрализме Реформации. В 2009 г. американский историк Т. Брэди выпустил книгу «Германские истории в эпоху Реформаций, 1400–1650 гг.»³⁵. Название критикует ранкеанскую концепцию и подчеркивает раздробленность немецких земель, в которых, по мнению автора, не было единого религиозного движения. В этот же год выходит книга немецкого историка церкви Т. Кауфманна «История Реформации», в которой исследователь позиционирует Реформацию как единый процесс «теологических поисков, борьбы за свободу слова и изменения традиционной церковности»³⁶.

Комплексный обзор значения Реформации для развития исторического процесса представляют У. Ди Фабио и Й. Шиллинг³⁷. Авторы не только делают акцент на политических, социальных и экономических последствиях, проявившихся в мире повсеместно, но и обращают внимание читателя на значимость фигуры Лютера, который для многих европейских стран стал символом новой эпохи. Его многочисленные сочинения, направленные на создание «современного, актуального» христианства, затрагивали животрепещущие для общества вопросы, тем самым становясь одним из ключевых источников для изучения раннего Нового времени. Схожие идеи высказываются и в работе британской исследовательницы Х.Л. Пэриш, которая в емком формате демонстрирует, как Реформация изменила восприятие сверхъестественного,

³⁵ Brady T.A. *German Histories in the Age of Reformations, 1400-1650*. Cambridge, 2009.

³⁶ Kaufmann T. *Geschichte der Reformation*. Leipzig, 2009.

³⁷ Di Fabio U., Schilling J. *Weltwirkung der Reformation. Wie der Protestantismus unsere Welt verändert hat*. München, 2017.

интерпретацию прошлого, гендерные роли, а также размышляет о значении книгопечатания в популяризации нового учения³⁸.

Более открытой к пересмотрам устоявшихся концепций становится отечественная историография. Стоит выделить монографию А.Ю. Прокопьева, в которой автор подробно раскрывает современные тенденции немецкой историографии, знакомя читателя с термином «конфессиональная эпоха», и проводит собственное исследование социальной сферы Германии в период с подписания Аугсбургского религиозного мира и до завершения Тридцатилетней войны³⁹.

Новые интерпретации наследия Мартина Лютера наглядно продемонстрировал 500-летний юбилей Реформации в 2017 г., активно праздновавшийся в российских академических сообществах и привлекший внимание к аспектам истории повседневности, гендерной истории, культурной истории и следам Реформации в истории России⁴⁰.

В четвертой группе представлена научная литература, рассматривающая трансформацию наследия Мартина Лютера в исторической памяти.

Особое внимание зарубежных историков в данном вопросе обращено на конец XIX-нач. XX в.: политическая инструментализация наследия Мартина Лютера в большинстве случаев затрагивается в связи с генезисом арийской идеологии. Косвенно данная тема также поднимается в работах, посвященных отношению Лютера к евреям⁴¹.

Проблема национализации образа Мартина Лютера поднимается немецкими историками церкви в контексте секуляризации его теологического наследия. К

³⁸ Parish H.L. A Short History of the Reformation. London, New York, 2018.

³⁹ Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. СПб., 2002.

⁴⁰ «Время молчания прошло!»: Пять веков Реформации в меняющемся мире: Сб. науч. ст. СПб., 2019; Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России. Сб. науч. ст. СПб., 2017.

⁴¹ Brinks J. H. Luther and the German state // The Heythrop Journal. 1998. Vol. 39. № 1. P. 1-17; Hayden-Roy P. The Luther Myth: The Image of Martin Luther from Religious Reformer to Völkisch Icon. Oxford, 2024; Kaufmann T. Luthers Juden. Stuttgart, 2014; Lehmann H. Luther und die Juden. Stolpersteine auf dem Weg zur Fünfhundertjahrfeier der Reformation 2017 // Communio. 2017. R. 37. Nr. 2-3. S. 37-54.

примеру, В. Мединг с помощью анализа дискурсов выявляет политическую ангажированность 300-летия тезисов⁴². Д. Вендебург, рассматривающая различные юбилейные проекты, заключает: «синтез между Лютером и германством, протестантизмом и немецкой нацией, за исключением Вартбургского праздника буршей в 1817 г., не играл никакой роли»⁴³. Противоположную позицию занимает А. Лексутт, настаивающая, что преодоление конфессиональных разобщений было продуманным шагом светской власти на пути к «национальному единению»⁴⁴.

Переход от религиозной интерпретации к восприятию наследия Мартина Лютера сквозь призму немецкой философии в конце XVIII в. подробно освещает М. Принти в книге «Реформация Просвещения: религия и философия в Германии, 1750–1830»⁴⁵. По мнению американского исследователя, философы, вписавшие Реформацию в контекст идеи прогресса, сыграли ключевую роль в популяризации ее образа в немецкой интеллектуальной культуре первых десятилетий XIX в.

Среди отечественных историков-германистов можно наблюдать интерес к изучению консолидирующего потенциала символических фигур. Однако на фоне таких национальных героев как Бисмарк и Арминий⁴⁶ проблема рецепции Мартина Лютера в XIX в. представлена в российской историографии достаточно скромно⁴⁷.

⁴² Meding W. Jubel ohne Glauben? Das Reformationsjubiläum 1817 in Württemberg // Zeitschrift für Kirchengeschichte Stuttgart. 1982. Bd. 93 (1). S. 119–160.

⁴³ Wendebourg D. Die Reformationsjubiläen des 19. Jahrhunderts: Bernd Moeller zum 80. Geburtstag // Zeitschrift für Theologie und Kirche. 2011. Bd. 108 (3). S. 270–335.

⁴⁴ Lexutt A. Kernobst auf dem Markt der Möglichkeiten. Das Reformatorische in den Herausforderungen des langen 19. Jahrhunderts // Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 2018. S. 186–196.

⁴⁵ Printy M. Enlightenment's Reformation: Religion and Philosophy in Germany, 1750–1830. Cambridge, 2024.

⁴⁶ Ростиславлева Н.В. Бисмарк, Германия и Россия: размышления о новейших немецких изданиях к юбилею Отто фон Бисмарка // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 101–115; Медяков А.С. Образ "Германии" на открытках времен Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 167–177; Медяков А.С. "Хайль Бисмарк!" "Железный канцлер" как символическая фигура немецкого национализма в открытках рубежа XIX–XX вв. // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 201–223; Заиченко О.В. Борьба с «Римом» – I. «Германский миф» как инструмент конструирования немецкой идентичности // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2020. С. 318–357.

⁴⁷ Стерхов Д.В. Битва под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г. в отражении немецкой патриотической проповеди // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 2(24). С. 72–80; Ивонин Ю.Е.

Хотя историки и связывают с его именем зарождение первой волны немецкого самосознания путем унификации языка и усиления германско-римской бинарной оппозиции, выстраивание национального нарратива вокруг событий Реформации пока остается темой для будущих исследований.

Объект исследования – образ немецкой Реформации в исторической памяти германских государств.

Предмет исследования – значение Реформации М. Лютера в контексте формирования немецкой нации 1815–1848 гг.

Цель диссертационной работы – выявить причины реактуализации Реформации в рамках конструирования немецкой национальной идентичности в первой половине XIX столетия.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) выявить специфику формирования немецкого национального самосознания в первой половине XIX в.;
- 2) рассмотреть наследие Мартина Лютера в контексте решения германского вопроса;
- 3) раскрыть влияние культурных ценностей эпохи Бидермайер на рецепцию Реформации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1815 по 1848 гг., от образования Германского союза до кануна Мартовской революции, ознаменовавший новый этап в решении германского вопроса. В немецкой историографии⁴⁸ обозначенный период принято называть «Предмартовским» (Vormärz) и характеризовать как столкновение национального подъема с

Был ли Мартин Лютер апологетом авторитарного государства? // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3(47). С. 297-306.

⁴⁸ Hardtwig W. Vormärz: der monarchische Staat und das Bürgertum. München, 1985; Siemann W. Vom Staatenbund zum Nationalstaat: Deutschland 1806–1871. München, 1995.

ограничениями «системы Меттерниха», диктовавшей политический курс германских земель по итогам Венского конгресса.

С целью дать более полную характеристику трансформации национального дискурса диссертант в необходимых случаях позволяет себе также затронуть период Наполеоновских войн, который во многом определяет дальнейший вектор национальной консолидации.

Источниковая база исследования представлена различными историческими документами, которые могут быть подразделены на несколько групп в соответствии с их видовыми характеристиками.

Для контекстуализации изучаемой эпохи пристальное внимание уделено *источникам официального происхождения*, среди которых можно выделить обращения, акты и законопроекты германских земель. Ярким примером национального нарратива в рамках официальной риторики служит воззвание «К моему народу»⁴⁹, с которым король Пруссии Фридрих Вильгельм III выступил в 1813 г., чтобы консолидировать нацию в борьбе с Наполеоном. Германский Союзный акт⁵⁰, принятый Венским конгрессом 8 июня 1815 г., не только дает представление об устройстве Германского союза, но и проливает свет на причины недовольства образовавшейся конфедерацией со стороны национального движения. Карлсбадские решения⁵¹ и «Десять статей»⁵² свидетельствуют об активности национальных акций, для ограничения которых понадобились контрмеры, и обозначают нормы, которые необходимо принимать во внимание при анализе публицистики и периодической печати.

⁴⁹ Aufruf des Königs von Preußen Friedrich Wilhelm III. "An Mein Volk!". Vom 17. März 1813. URL: http://www.documentarchiv.de/nzjh/preussen/1813/an-mein-volk_friedrich-wilhelmIII-aufruf.html (дата обращения: 10.10.2025).

⁵⁰ Deutsche Bundesakte vom 8. Juni 1815. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/dtba.html> (дата обращения: 10.10.2025).

⁵¹ Karlsbader Beschlüsse. Universitätsgesetz vom 20. September 1819. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/bduniges.html> (дата обращения: 10.10.2025);

Karlsbader Beschlüsse. Preßgesetz vom 20. September 1819. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/bdprsges.html> (дата обращения: 10.10.2025).

⁵² Die „Zehn Artikel“ vom 5. Juli 1832. URL: https://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/1_C_NS_Sechs_Artikel_Zehn_Artikel.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

В вопросах социально-политической жизни германских государств одну из самых репрезентативных групп источников представляет публицистика. Конструирование базиса немецкой национальной идентичности можно наблюдать в сочинениях, возникших на фоне борьбы с Наполеоном⁵³. Критика акций национального движения демонстрирует разницу в понимании дальнейшей судьбы Германии⁵⁴. Рупором немецкой национальной мысли выступает политическая лирика: германский вопрос красной нитью проходит сквозь творчество Арндта, иную грань национальной свободы во время Рейнского конфликта затрагивает Прутц⁵⁵. В публикациях, приуроченных к памятным датам Реформации, также заметно постоянное обращение к актуальным заботам общества, которое либо пытается брать за образец героев прошлого, либо рефлексировать над их интерпретацией в новых реалиях⁵⁶.

Важное место в диссертационном исследовании занимают опубликованные отчётные документы о коммеморативных практиках, реактуализировавших память о Реформации. Среди них отчеты об организации мероприятий к 300-летнему юбилею, охватывающие в обзоре все германские земли⁵⁷, отчетные документы Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд для

⁵³ Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808; Jahn F.L. Deutsches Volksthum. Lübeck, 1810.

⁵⁴ Ascher S. Die Germanomanie. Skizze zu einem Zeitgemälde. Berlin, 1815; Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Dritter Teil. Mannheim, 1839.

⁵⁵ Arndt M. Des Deutschen Vaterland. URL:

<http://www.zeno.org/Literatur/M/Arndt,+Ernst+Moritz/Gedichte/Gedichte/Des+Deutschen+Vaterland> (дата обращения: 10.10.2025); Prutz R.E. Der Rhein. URL:

<http://www.zeno.org/Literatur/M/Prutz,+Robert+Eduard/Gedichte/Gedichte/Der+Rhein> (дата обращения: 10.10.2025).

⁵⁶ Bretschneider K.G. Luther an unsere Zeit, oder Worte Luthers, welche von unserm Zeitalter besonders beherzigt zu werden verdienen. Erfurt, 1817; Kayser G.H. Wie feyern wir Luthern und die Reformation am Stiftungstage der letztern am Würdigsten? Augsburg, 1817; Ascher S. Die Wartburgs-Feier. Mit Hinsicht auf Deutschlands religiöse und politische Stimmung. Leipzig, 1818; Beste W. Luther's Kinderzucht, in Lehren und Lebensbildern dargestellt. Ein Vortrag am Abende vor Luther's Todesfeier, den 17. Februar 1846. Braunschweig, 1846.

⁵⁷ Schreiber C., Veillodter V. K., Hennings W. Allgemeine Chronik der dritten Jubel-Feier der deutschen evangelischen Kirche im Jahre 1817: Nebst einigen Nachrichten von dieser Feier in auswärtigen Ländern. Erfurt, 1819.

сбора средств на возведении памятника Мартину Лютеру⁵⁸, доклад о торжественном открытии монумента в 1821 г. в Виттенберге⁵⁹.

В качестве отдельной группы стоит выделить документированные речи и проповеди. Привлечение проповедей в качестве источника позволяет не только продемонстрировать влияние духовного наследия Мартина Лютера и его единомышленников, но и зафиксировать вкрапление национального пафоса в религиозную риторику первой половины XIX в.⁶⁰ Для сравнения исследование обращается к светским мероприятиям, проводимым по инициативе университетов и студентов⁶¹. Самой узнаваемой в данном контексте становится публикация речей буршей и профессуры в рамках Вартбургского праздника 1817 г., которая подчеркнула недовольство политикой Германского союза и закрепила за Лютером роль национального героя-освободителя⁶².

Разнообразие национальных нарративов, характерное первой половине XIX в., наиболее ярко прослеживается в немецкой периодической печати. Неоднородность представлений о решении германского вопроса наглядно отразилась в прессе периода Венского конгресса и начала 1830-х гг., когда произошло временное ослабление цензуры, позволившее проявиться мнению, отличному от реставрационного курса Меттерниха. Компаративный анализ

⁵⁸ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge zur richtigen Beurtheilung des Unternehmens diesem großen Manne ein würdiges Denkmal zu errichten. Halle, 1804; Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe, Ideen und Vorschläge zu demselben. Eisleben, 1805.

⁵⁹ Doctor Martin Luther's Denkmal zu Wittenberg, und die Feyer zur Einweihung desselben. Magdeburg, 1821.

⁶⁰ Bugenhagen J. Leichen-Predigt bei der feierlichen Beerdigung unseres unsterblichen Reformators Dr. Martin Luther, gehalten am 22ten Februar 1546. Berlin, 1843. Die Feier des dreihundertjährigen Jubelfestes der Reformation in der vereinigten-evangelischen Kirche zu Mainz. Mainz, 1817.

⁶¹ Paulus H.E.G. Auch zu Heidelberg war Doctor Martin Luther. Heidelberg, 1817; Hagen F.H. von der. Beweis, daß Dr Martin Luther nie existiert hat. Berlin, 1837.

⁶² Kieser. D.G. Das Wartburgfest am 18 October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Jena, 1818.

либеральной⁶³, демократической⁶⁴ и консервативной⁶⁵ периодической печати демонстрирует активное обращение к историческим примерам и переосмысление сквозь призму разных идеологических программ. В рамках исследования особое внимание уделяется реакции католических и протестантских изданий на национализацию образа Мартина Лютера, свидетельствующей об ослаблении теологической интерпретации его наследия. Для характеристики культурных норм эпохи привлекаются сатирические рассказы⁶⁶, публикации в иллюстрированных газетах и журналах, в которых также обнаруживаются завуалированные призывы к немецкой нации⁶⁷.

Важным видом источников являются *биографии*, спрос на которые возрос в первой половине XIX в., укрепив тенденцию к персонализации Реформации. В рамках национального переосмысления Мартин Лютер ставился в пример не только как борец за правое дело, но и как учитель, друг и семьянин, олицетворявший немецкие ценности и идеалы. Таким образом, вместе с главой Реформации в фокусе оказалось и его окружение⁶⁸, о чем также свидетельствует появление первых подробных трудов о его жене и детях⁶⁹.

Представляется продуктивным рассмотреть восприятие Реформации сквозь призму *исторических сочинений* первой половины XIX в. Актуальность наследия Лютера отразилась в рамках празднования 300-летнего юбилея Реформации,

⁶³ Rheinischer Merkur. Hrsg. von J. Görres. Koblenz, 1814-1816; Der Freisinnige. Freiburger politische Blätter. Hrsg. von C. von Rotteck und C. Welcker. Freiburg im Breisgau, 1832; Kölnische Zeitung. Hrsg. von Joseph DuMont. Köln, 1831-1861; Deutsche Zeitung. Heidelberg, 1847-1850.

⁶⁴ Deutsche Tribüne. Hrsg. von J.G.A. Wirth. Homburg, 1831-1832; Telegraph für Deutschland. Hamburg, 1838-1848.

⁶⁵ Evangelische Kirchen-Zeitung. Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Berlin, 1827-1869; Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland. Hrsg. von G. Görres und G. Phillips. München, 1832-1849.

⁶⁶ Brennglass Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. Leipzig, 1832-1850.

⁶⁷ Fliegende Blätter. München, 1844-1928; Illustrierte Zeitung. Leipzig, 1843-1944.

⁶⁸ Becker G.W. Luther und seine Zeitgenossen: oder Ursachen, Zweck und Folgen der Reformation. Leipzig, 1817; Effner A. T. Dr. Martin Luther und seine Zeitgenossen: dargestellt in einer Reihe charakterisirender Züge und Anekdoten: zur würdigen Feyer des III-ten Jahrhunderts der Reformation. Augsburg, 1817.

⁶⁹ Beste W. Die Geschichte Catharina's von Bora: nach den Quellen bearbeitet. Halle, 1843; Hofmann F. G. Katharina von Bora oder Dr. Martin Luther als Gatte und Vater: ein Beitrag zur Geschichte der Priesterehe sowie des ehelichen und häuslichen Lebens des großen Reformators nach den Quellen bearbeitet. Leipzig: Julius Klinkhardt, 1845.

который привел не только к публикации источников и расширению тематической литературы⁷⁰, но и к составлению перечней, фиксирующих вышедшие труды⁷¹. По завершении юбилейных мероприятий Реформация продолжила быть востребованным объектом исследований, о чем свидетельствуют труды немецких исторических школ. Чтобы охарактеризовать специфику научной рецепции, исследование опирается на работы двух наиболее влиятельных исторических объединений — Берлинской школы Л. фон Ранке⁷² и Гейдельбергской школы Ф.К. Шлоссера⁷³.

Значимую роль в формировании исторического сознания в первой половине XIX в. играли *справочные издания*, популярность которых отразилась не только в цифрах тиража, но и в нормах светской культуры. Трансформацию представлений о национальных концептах можно проследить на страницах разных изданий «Разговорного лексикона» Брокгауза⁷⁴, «Энциклопедического словаря наук, искусств и ремесел»⁷⁵ Пирера, национальные идеи сквозь призму либеральной мысли нашли свое место в «Государственном лексиконе» Роттека и Велькера⁷⁶, в то время как «Дамский разговорный лексикон» Херлосзона⁷⁷ продемонстрировал спрос на популяризацию национальных понятий среди самой широкой аудитории. Все вышеперечисленные издания, несмотря на разные тематические ориентиры, содержали статьи, посвященные Мартину Лютеру и/или Реформации, свидетельствуя о востребованности данных исторических образов в коллективной

⁷⁰ Marheineke P. Geschichte der teutschen Reformation. Erster Teil. Berlin, 1816; Moser A. Luther oder die Reformationsgeschichte. Leipzig, 1817.

⁷¹ Michahelles K. F. Literatur der dritten Reformations-Säkularfeier: oder möglichst vollständiges Verzeichniß aller der Schriften welche in näherer oder entfernterer Beziehung auf das im Jahr 1817 gefeierte dritte Reformations-Jubelfest erschienen sind. Nürnberg, 1820.

⁷² Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. 6 Bde. Berlin, 1839–1847.

⁷³ Schlosser F.C. Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 11. Frankfurt am Main, 1850; Schlosser F.C. Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 12. Frankfurt am Main, 1850.

⁷⁴ Brockhaus Conversations-Lexikon. 6 Bde. Amsterdam, 1809; Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. 4 Bde. Leipzig, 1837-1841.

⁷⁵ Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. 26 Bde. Altenburg, 1822-1836.

⁷⁶ Staats-Lexicon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands. 15 Bde. Altona, 1834-1843.

⁷⁷ Damen Conversations Lexikon. Hrsg. von C. Herloßsohn. 10 Bde. Leipzig, 1834-1838.

памяти немцев. Переосмысление наследия реформатора находит отражение и в специализированном католическом издании, которое, несмотря на критику новых господствующих интерпретаций, идет на компромисс в характеристике самого реформатора⁷⁸.

С целью пролить свет на сокровенные мысли в условиях строгой цензуры и приблизиться к пониманию проблем, которые волновали современников, автор обращается к *источникам личного происхождения*. Доказательства сознательного проектирования памятных дат в рамках празднования юбилея Реформации, к примеру, обнаруживаются в личной переписке писателя и поэта И.В. фон Гёте⁷⁹, в то время как дневниковые заметки дипломата и историка К. А. Фарнхаген фон Энзе⁸⁰ констатируют кризис немецкой национальной культуры.

Привлечение *визуальных источников* позволяет проследить не только различные стратегии популяризации исторических образов, но и наглядно демонстрирует конфликт рецепций вокруг формирования нового национального символа. Различия в толкованиях образа Мартина Лютера показаны на примере проектирования первого монумента реформатору. Отчетные документы Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд включают в себя приложения с эскизами различных проектов⁸¹, отразивших неоднозначное представление об идее национального памятника. Эволюция в символике Реформации прослеживается на примере опубликованной коллекции монет, посвященной юбилеям 1617, 1717 и 1817 гг.⁸² На основе графических циклов

⁷⁸ Allgemeine Realencyclopädie oder Conversationslexicon für das katholische Deutschland. Hrsg. von W. Binder. 12 Bde. Regensburg, 1846-1850.

⁷⁹ Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. Bd. 6. Berlin, 1834.

⁸⁰ Varnhagen K.A. Vermischte Schriften. Cit. ex: Hermann G. (hrsg). Das Biedermeier im Spiegel seiner Zeit: Briefe, Tagebücher, Memoiren, Volksszenen und ähnliche Dokumente. Berlin, 1913. S. 182-183.

⁸¹ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge zur richtigen Beurtheilung des Unternehmens diesem großen Manne ein würdiges Denkmal zu errichten. Halle, 1804; Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe, Ideen und Vorschläge zu demselben. Eisleben, 1805.

⁸² D. Martin Luthers Andenken in Münzen nebst Lebensbeschreibungen merkwürdiger Zeitgenossen desselben. Leipzig, 1818.

Вильгельма фон Лёвенштерна, Карла Августа Швердгембурга и Густава Кёнига⁸³ изучается специфика персонализации исторического события.

Теоретические и методологические основания. В диссертации востребованы общие принципы модернистской теории национализма⁸⁴. Согласно Э. Геллнеру, нация представляет собой не только объединение вокруг «общей системы идей, условных знаков, связей и способов поведения и общения», но и «продукт человеческих убеждений», добровольное «признание» этой общности⁸⁵. Соглашаясь с Геллнером, Э. Хобсбаум также рассматривает нацию не как «первичное образование», а как результат «искусственного конструирования, целенаправленного изобретения и социальной инженерии»⁸⁶. В знаменитом труде Б. Андерсона нация позиционируется как «воображаемое сообщество», т.к. общность подобного объединения существует лишь «в умах» его представителей⁸⁷. По мнению О. Данна, нации также не являют собой «естественную данность», а возникают как продукт культурного и исторического развития, в ходе которого формируется национальная идентичность, разграничивающая «свое» и «чужое»⁸⁸. Таким образом, теоретический базис исследования обусловлен пониманием «нации» как конструкта, осознанно формируемого в коллективном сознании.

В исследовании также используются аналитические стратегии в рамках теоретико-методологических подходов истории памяти, истории понятий и иконологии.

Ключевая для исследования проблема рецепции раскрывается с опорой на разработки историков памяти. М. Хальбвакс одним из первых ввел представление о том, что индивидуальная память социально детерминирована и зависима от

⁸³ Löwenstern W. von. Luther-Zyklus. Stuttgart, 1827; König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg, 1851.

⁸⁴ См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993.

⁸⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991 С. 35.

⁸⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С.19.

⁸⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30-31.

⁸⁸ Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993. S. 10.

коллективной памяти, которая постоянно трансформируется, чтобы соответствовать практическим приоритетам общества. Таким образом, реконструкция элементов прошлого напрямую зависит от «актуальных забот индивида» и окружения⁸⁹. Развивая его идеи, Я. Ассман заключил: прошлое не существует самостоятельно и само по себе «является результатом культурного конструирования и изображения», вызванного «специфическими мотивами, ожиданиями, надеждами и целями» современности⁹⁰. А. Ассман более подробно сосредоточилась на причинах подобного конструирования, подчёркивая, что «память придает смысл настоящему», позиционируя его как ступень необходимого развития, и создает мотивирующие нарративы, охватывающие как прошлое, так и будущее. Таким образом, прошлое народа или нации нельзя свести к совокупности «фактов»: в его бытовании должен раскрываться смысл исторического существования, воплощаться система ценностей⁹¹.

Л.П. Репина отмечает, что проектам национальных историй свойственно опираться на устоявшиеся исторические мифы, представляющие собой актуализированные архетипы. Само написание всеохватывающего линейного нарратива, включающего в себя все «места памяти», «национальные ценности» и «культурные символы», имеет цель резонировать с настоящим⁹². Так память о ключевых событиях прошлого «формирует идентичность, <...> детерминируя жизненную ситуацию настоящего»⁹³.

Обращение к определённым событиям, идеям и личностям прошлого задает вектор развития исторической идентичности и согласно П.Х. Хаттону. В книге

⁸⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М., 2007. С. 279.

⁹⁰ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004. С.74

⁹¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. С нем. Бориса Хлебникова. М., 2014. С. 40-41.

⁹² Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. Под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2020. С. 11-36.

⁹³ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.С. 464-465.

«История как искусство памяти» ученый отмечает достижения П. Нора, который отвлек историков от реконструкции и обратил их внимание на репрезентацию, предложив двигаться от настоящего к прошлому⁹⁴.

Принимая во внимание разработки *memory studies*, основная гипотеза диссертации строится на том, что образ Реформации, конструируемый в первой половине XIX в., отсылает непосредственно к настоящему его создателей, выявляя их интересы и ценности.

Чтобы составить более полное представление о специфике патриотической риторики первой половины XIX в. был проведен анализ с опорой на *методологию истории понятий Р. Козеллека*. Именно с конца XVIII в., под влиянием Французской революции, наблюдается тенденция как к абстрагированию многих понятий, которые все реже означают материальный предмет, так и к политизации терминов, в основе которых теперь заложен призыв к действию. Таким образом, изучение национальных нарративов сквозь призму таких категорий как «пространство опыта» и «горизонт ожиданий»⁹⁵ позволило диссертанту не только выявить ключевые особенности различных политических программ эпохи, но и проследить эволюцию семантических значений терминов, используемых при конструировании национальной идентичности.

Один из параграфов диссертации посвящен визуальной репрезентации Реформации. Междисциплинарное изучение вербальных и визуальных медиа активно поддерживается современными гуманитарными исследованиями. Теории образности и визуальной культуры давно вышли за рамки частных задач истории искусств, обратившись к «метафизике образа», во многом благодаря иконологии⁹⁶. В рамках данного подхода, зародившегося в Варбургской школе в первой половине

⁹⁴ Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 351.

⁹⁵ Koselleck R. Einleitung // Brunner O., Konze W., Koselleck, R. *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd.1. Stuttgart, 1972. S. XIII-XXVII.

⁹⁶ Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. М., 2017.

XX в., особое внимание уделяется духовному, культурному и социальному контексту, в котором создавалось произведение⁹⁷.

А. Варбург и его последователи (Э. Панофски, Э. Винд, У. Дж. Т. Митчелл, Э. Гомбрих) считали, что визуальные образы впитывают, «синтезируют» эпоху. А. Варбург доказывал, что пластика и жестикация на картинах являются не просто удачными композиционными решениями, а представляют собой устойчивые «формулы», которые несут в себе чёткий посыл из прошлого, вызывая у зрителя определённые эмоции. «Узнавание» мотива не только проводит связь между прошлым и настоящим, но и служит эффективным инструментом для популяризации тех или иных образов. В отличие от текста визуальный ряд схватывается человеческим сознанием почти моментально и запоминается куда чаще⁹⁸. Таким образом, анализ визуальной рецепции Реформации может быть достаточно продуктивен в исследовании способов конструирования общего исторического прошлого.

Данный подход также представляется особенно эффективным для рассмотрения гравюр эпохи Бидермайер, которые хоть и иллюстрировали исторические события, модернизировали образы, отражая нормы своего времени.

В своем исследовании диссертант также руководствуется традиционными методами исторического анализа.

Историко-сравнительный метод лег в основу компаративного анализа конструируемых версий о прошлом, позволив сопоставить различные способы реактуализации памяти о Реформации, выявляя общие и особенные черты. Исследование опирается как на сравнение синхронных объектов для выявления специфики конкурирующих версий памяти в конкретный период, так на диахронное сравнение для прослеживания трансформации устойчивых понятий во времени.

⁹⁷ Торопыгина М.Ю. Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. М., 2015. С. 7-8.

⁹⁸ Гомбрих Э. О задачах и границах иконологии / Пер. М.Г Селезнёв // Мигунов С.А., Хренов Н.А. Эстетика и теория искусства XX века. М., 2008. С. 657-684.

Историко-типологический метод был применен для классификации образов, идей и сюжетов, фигурирующих как в текстовых, так и визуальных источниках с целью формирования базиса национальной идентичности. Систематизация характерных особенностей национальных нарративов первой половины XIX в. позволила выявить матрицу для анализа национального переосмысления Реформации и выявления уникальных черт в рецепции современников.

Историко-генетический метод был использован для установления причин реактуализации памяти о Реформации и трансформации ее исторического образа в контексте развития национальных идей. Определение причинно-следственных связей и закономерностей в переосмыслении наследия Мартина Лютера дало возможность проследить изменения в актуальных запросах и ожиданиях немецкого общества после Наполеоновских войн.

Научная новизна диссертационной работы состоит в комплексном изучении рецепции Реформации в контексте формирования немецкой национальной идентичности в первой половине XIX в. С учетом различных форм коммеморативных практик, характерных для изучаемой эпохи, впервые предпринимается попытка продемонстрировать войны памяти вокруг наследия Мартина Лютера и раскрыть причины возникших разночтений в указанный период. На примере конструирования мифа о Реформации автор раскрывает механизмы формирования и функционирования исторической памяти, уделяя особое внимание персонализации исторического события с целью создания образа национального героя.

Элементом новизны представленной диссертации является анализ семантических значений ключевых понятий, лежащих в основе немецких национальных нарративов. Обращение к инструментарию истории понятий позволяет выявить различия в представлениях о нации на уровне используемых дефиниций.

Изучение механизмов формирования немецкой национальной идентичности в контексте эпохи Бидермайер и анализ корреляции культурно-исторического фона

с политическим климатом Предмартовского периода также представляет мало затронутый ракурс в рассмотрении немецкой истории.

Кроме того, диссертант вводит в научный оборот широкий пласт документов (отчетные документы и перечни, визуальные источники, справочные и периодические издания), раскрывая потенциал данных источников для дальнейшего изучения наследия Реформации.

Положения, выносимые диссертантом на защиту:

1) В первой половине XIX в. в германских землях не существовало гомогенного представления о немецкой нации. С одной стороны, политический курс Германского союза диктовала преимущественно консервативная властная элита, поддерживающая абстрактное духовное единство и защитно-интегральный патриотизм, направленный против революционных веяний. С другой стороны, в обществе шел процесс активного формирования «гражданской» нации, преследовавшей цель расширить политические права граждан и добиться создания единого национального государства. Разные представления о решении германского вопроса способствовали реактуализации образов прошлого с целью отстоять и закрепить свою версию национального развития в массовом сознании.

2) Для популяризации национальных идей и воспитания общества были востребованы яркие исторические личности, воплощавшие лучшие черты «немецкого духа» — такие как смелость, преданность своим убеждениям и трудолюбие. Одним из универсальных образцов для подражания стал Мартин Лютер, что привело к переосмыслению значения Реформации в немецкой истории.

3) Осознанное конструирование иной, прежде нетипичной для рецепции Реформации, идентичности, выходящей за рамки конфессиональной полемики, прослеживается на протяжении всего Предмартовского периода (1815–1848). Усиление данной тенденции подтверждается критикой со стороны ученых-теологов, выступавших против национальной мифологизации наследия Лютера.

4) Тенденция к рассмотрению Реформации сквозь призму национального становления укоренилась под влиянием немецкого исторического знания первой половины XIX в. Дело Мартина Лютера стало востребованным объектом изучения

ведущих исторических школ Германского союза, которые, вопреки своим политическим и методологическим разногласиям, сошлись в оценке его положительного вклада в развитие нации. Данная интерпретация в дальнейшем нашла отражение в широко тиражируемых энциклопедических изданиях, которые закрепили за Реформацией роль консолидирующего события немецкой истории.

5) Параллельно с политическим переосмыслением в контексте Предматровского периода наследие Реформации было пересмотрено в культуре эпохи Бидермайер, ценности и запросы которой привели к популяризации образа Лютера-семьянина и визуализации его исторического вклада в монетах, гравюрах, скульптурах и иных формах, способствовавших закреплению исторического образа в национальной памяти.

Практическая значимость результатов исследования: результаты диссертации могут быть востребованы для изучения особенностей формирования и функционирования исторической памяти и механизмов конструирования коллективной идентичности. Наработки и выводы исследования могут также использоваться при подготовке курсов по всеобщей истории, истории Германии, истории исторической науки и истории идей.

Апробация материалов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры всеобщей истории исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Ключевые положения, выдвигаемые диссертантом на защиту, были представлены в 6 научных статьях, 4 из которых были опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК. Отдельные аспекты изучаемой проблематики были реализованы в виде докладов на научных конференциях и семинарах:

1) Международная научная конференцию «Религиозные сюжеты в исторических нарративах России и Европы XVIII-XXI вв. (к 500- летнему юбилею Крестьянской войны в германских землях)»; Москва, РГГУ, 13.11.2025 – «Войны памяти вокруг наследия Мартина Лютера: рецепция Крестьянской войны в первой половине XIX в.».

- 2) Международный культурно-исторический семинар 2022 «Культурное наследие российских немцев»; Москва, МСНК, 05.12.2022 – «Рецепция юбилеев Реформации в России и Германии XIX – начала XX в.: особенности формирования национальной идентичности».
- 3) Всероссийская научная конференции "Память и идентичность – VI. Историческая политика и пропаганда", Москва, РГГУ, 18-19. 10.2023 – «Праздник «с правильным посылом»: метаморфозы образа Реформации в рамках празднования ее 300-летнего юбилея».
- 4) Четвертая всероссийская научная конференция «Чтения памяти Н.И. Басовской», Москва, РГГУ, 21.05.2024 – «В поисках «своего Лютера»: метаморфозы образа реформатора в немецкой прессе и публицистике первой половины XIX в.».
- 5) Всероссийская научная конференции "Память и идентичность – VII. От истории государств к истории людей"; Москва, РГГУ, 30-31.10. 2024 – «Мартин Лютер в контексте визуальной репрезентации Реформации в первой половине XIX в.».
- 6) Пятая всероссийская научная конференция «Чтения памяти Н.И. Басовской», Москва, РГГУ, 21.05.2025 – «Наследие Мартина Лютера в формировании имперского национального нарратива: на примере развития немецких исторических школ XIX в.».
- 7) Заседание студенческого научного семинара "Немцы в социально-экономической и культурной жизни России XVIII – начала XXI вв.", Москва, РГГУ, 15.12.2023 – «Рождественские традиции немецкого Бидермайера»
- 8) Заседание студенческого научного семинара «Традиции российской исторической германистики в исследованиях молодых ученых», Москва, РГГУ, 29.03.2024 – «Наследие Мартина Лютера сквозь призму отечественной историографии».

Структура исследования. В основе структуры диссертации лежит проблемный принцип. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, разбитых

на параграфы, заключения, списка источников и литературы и пятнадцати приложений.

Во **введении** обоснованы актуальность темы исследования, представлена степень изученности темы, выделены объект и предмет, обозначены цель и задачи исследования, его хронологические рамки, проанализирована источниковая база, теоретические и методологические принципы исследования, его научная новизна, выделены положения, выносимые на защиту, обоснована практическая значимость результатов и структура диссертации.

В **первой главе** «Особенности формирования немецкого национального самосознания в первой половине XIX в.» рассматривается социально-политический контекст, повлиявший на специфику развития и трансляции национальных идей в данный период немецкой истории. Первый параграф раскрывает конфликт между немецким национальным движением, зародившимся в ходе освободительной борьбы против Наполеона, и системой Меттерниха, консервативным режимом, определявшим официальный курс Германского союза по итогам Венского конгресса. Подробно рассмотрены разные представления о решении германского вопроса и выявлены основные причины разногласий. Во втором параграфе с опорой на методологию истории понятий Р. Козеллека проведен анализ ключевых понятий, используемых в национальных нарративах. На основе популярных справочных и энциклопедических изданий продемонстрирована трансформация представлений о нации и раскрыт «горизонт ожидания» немецких интеллектуалов.

Во **второй главе** «Наследие Мартина Лютера в контексте германского вопроса» автор обращается к инструментализации образа Реформации в рамках конструирования национального мифа. Первый параграф посвящен консолидации немецкого общества в ходе празднования 300-летнего юбилея Реформации в 1817 г. В фокусе параграфа – споры, развернувшиеся вокруг «правильного посыла» праздника. Во втором параграфе автор сосредотачивается на рецепции дела М. Лютера и конфликте интерпретаций в либеральной, демократической и консервативной прессе Германского союза в период, когда была ослаблена

цензура. Третий параграф раскрывает специфику образа Реформации, формируемого в германской историографии первой половины XIX в. – на примере трудов основателей Берлинской и Гейдельбергской исторических школ: Л. фон Ранке и Ф.К. Шлоссера. Четвертый параграф построен на анализе справочных изданий с целью выявить особенности образа Реформации, транслируемого для широких социальных кругов.

Третья глава «Роль ценностей Бидермайера в конструировании образа немецкой Реформации» посвящена рецепции наследия Лютера в социокультурном контексте Германского союза. Первый параграф проясняет специфику культурно-исторического конструкта «Бидермайер», показывая корреляцию размеренной повседневной жизни эпохи с актуальными проблемами Предмартовского периода. Второй параграф отведен визуальной рецепции Реформации в первой половине XIX в., демонстрирующей влияние запросов эпохи на особенности конструирования национального символа. Третий параграф отражает роль эпохи Бидермайер в популяризации образа Лютера-семьянина, который становится примером для воспитания нации в традиционных ценностях.

В заключении подведены итоги исследования и представлены основные выводы.

Глава 1. Особенности формирования немецкого национального самосознания в первой половине XIX в.

1.1. Развитие национального дискурса в германских государствах первой половины XIX в.

Большинство исследователей, изучающих бытование исторической памяти, сходятся во мнении, что актуализация прошлого неразрывно связана с запросами настоящего. Выдвигая тезис о том, что в первой половине XIX в. Реформация Мартина Лютера стала востребованным конструктом для формирования немецкого национального самосознания, необходимо, прежде всего, обозначить специфику данного процесса. Несмотря на то, что обращение к «славному прошлому» чаще всего преследовало консолидирующую цель, представление о «нации», которое должно было сложиться в ходе общего вспоминания, сильно отличалось в зависимости от политических воззрений мнемонического актора.

С целью подтвердить гетерогенность национального концепта, повлиявшую на неоднородную рецепцию Реформации в рассматриваемую эпоху, сосредоточимся на ключевых событиях и процессах, обостривших конфликт представлений о будущем Германии. Обозначенные в теме исследования хронологические рамки ограничиваются Предмартовским периодом (1815–1848 гг.). Однако, чтобы понять истоки критики Германского союза, создание которого определяет нижнюю границу исследования, будет продуктивным вернуться немного назад и взглянуть на настроения немецкого общества в самом начале XIX столетия.

Анализ немецкой историографии⁹⁹ позволяет заключить, что на рубеже веков в германских землях образовались два полюса. С одной стороны, рейхспатриотизм консервативного толка, поддерживаемый князьями, активно боролся с французской революционной угрозой, характеризуя немецкую нацию как сторонницу традиционализма. С другой стороны, приверженцы демократии

⁹⁹ См.: Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat: die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München, 1985; Hardtwig W. Vormärz: der monarchische Staat und das Bürgertum. München, 1985; Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993.; Siemann W. Metternich: Strategie und Visionär. Eine Biografie. München, 2016.

пытались адаптировать французское представление о нации как о прогрессивном, независимом обществе, власть в котором принадлежит народу. Наиболее заметно данное противостояние проявлялось в контексте событий-триггеров, реактуализировавших германский вопрос.

Значительную роль в пересмотре национальных концептов сыграли вызовы с французской стороны. С ростом наполеоновской угрозы раскол в понимании германского пути, посеянный Французской революцией, временно отошел на второй план. Сокрушительные проигрыши Аустерлица и Йены утвердили мысль, что у немцев появился общий внешний враг, победа над которым не будет возможна без продуктивной консолидации общества.

Наиболее узнаваемым популяризатором данной идеи становится Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814). Его «Речи к немецкой нации» были прочитаны в виде курса лекций в Берлине зимой 1807–1808 гг. с последующей публикацией в 1808 г.¹⁰⁰ В период, когда после катастрофических поражений германские земли находились на грани упадка, данные выступления стали манифестом непреклонности немецкого духа.

В своем воззвании Фихте обращался не только к прусскому народу, но ко всем немцам, а именно «к образованной части всей немецкой нации, из всех земель, по которым она рассеяна»¹⁰¹. Учитывая, что образованное население все еще представляло народное меньшинство, философ начинал с тех, кто мог его понять и в дальнейшем помочь «воспитать немцев к единой общности»¹⁰². Его главной целью было «распространить новое образование на всё без исключения, что есть немецкого», не оставляя без внимания ни одного сословия¹⁰³. Тогда уже можно будет говорить о единой нации, способной противостоять «слиянию с заграницей».

Базисом национальной идентичности Фихте называл родной язык, считая, что «в гораздо большей степени язык образует людей, нежели люди образуют

¹⁰⁰ Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808.

¹⁰¹ Ibid. S. 19.

¹⁰² Ibid. S. 41.

¹⁰³ Ibid. S. 42.

его»¹⁰⁴. Таким образом, он продолжал развивать идею Иоганна Готфрида Гердера о национальной индивидуальности народа, воплощенной в родной речи¹⁰⁵. Еще ярче подобную мысль выразит поэт и публицист Эрнст Мориц Арндт (1769–1860) в своем известном патриотическом стихотворении 1813 г., определив границы Отечества «звоном немецкого языка»¹⁰⁶.

Речи Фихте отразили и кризис доверия к правящей немецкой элите. К примеру, в историческом экскурсе философ воспевал расцвет немецких городов и немецкого бюргерства, принесших нации «блеск и славу», которые в дальнейшем были попорчены «алчностью и жаждой власти князей»¹⁰⁷. Несмотря на подобные замечания, Фихте не отрицал возможности диалога: он утверждал, что постарался «самым мягким способом» описать вину правителей, призывая их не слушать льстивые речи и начать все с начала, внемля нуждам своих верноподданных, жаждущих независимости и свободы¹⁰⁸.

Взлет патриотических чувств на фоне борьбы с общим иностранным врагом способствовал возникновению первых национальных объединений, подхвативших идею Фихте о воспитании нации. Из-за зоркого ока оккупантов подобным обществам приходилось вести свою деятельность тайно. Показательной стала судьба открытого в 1808 г. в Пруссии «Тугендбунда» («Союза добродетели»). Хотя официальная организация и пыталась маскировать свое антифранцузское целеполагание, по требованию Наполеона власти были вынуждены подвергнуть преследованиям её членов и распустить объединение¹⁰⁹.

После закрытия «Тугендбунда», вновь обнажившего неготовность князей отстаивать свое Отечество, инициатива перешла в руки берлинских студентов и профессуры. В 1810 г. Фридрих Фризен (1784–1814) и Фридрих Людвиг Ян (1778–

¹⁰⁴ Fichte J.G. Op. cit. S. 119.

¹⁰⁵ Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat: die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München, 1985. S. 63.

¹⁰⁶ Arndt M. Des Deutschen Vaterland. URL:

<http://www.zeno.org/Literatur/M/Arndt,+Ernst+Moritz/Gedichte/Gedichte/Des+Deutschen+Vaterland>

(дата обращения: 10.10.2025).

¹⁰⁷ Fichte J.G. Op. cit. S. 202-203.

¹⁰⁸ Ibid. S. 478.

¹⁰⁹ Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993. S. 72-73.

1852) основали тайный «Немецкий союз», стремящийся привести к единству «разобщенный и разделенный немецкий народ». С именем Яна также связано созданное в 1811 г. «Турнбевегунг» («Гимнастическое движение»), которое в физических упражнениях поддерживало моральный дух цвета нации и готовилось дать отпор врагу¹¹⁰. Забегая вперед, важно подчеркнуть, что именно эти инициативные группы заложили основу для дальнейшего движения буршей.

Представление об основных лозунгах данных объединений можно составить, ознакомившись с работой Ф.Л. Яна «Немецкая народность», которая была опубликована в 1810 г. В данном сочинении любопытно гармоничное сосуществование локального и общенационального патриотизма. Автор хоть и сокрушается, что ему еще не доводилось видеть «покоренных высот искусства человеческого управления в прусском государстве», именно Пруссию признает «спасительной звездой Германии» и пророчит ее гражданам «обновление старой почтенной Германской империи», а вместе с ней и создание «великой нации, которая пройдет благородный путь к бессмертию в мировой истории»¹¹¹.

Ян отказывался признавать Австрию равноценной наследницей Германии, считая, что Габсбургская монархия никогда в полной мере не сможет «германизировать» всех своих многонациональных подданных¹¹². Обращаясь к Вене, можно заметить, что ответ Австрии на французские вызовы действительно отличался. Образованный в 1805 г. венский кружок писателей, куда входили Ф. Шлегель, А. Мюллер, Г. фон Клейст, Ф. Гентц и другие, в первую очередь, критиковал модернизаторскую деятельность Наполеона, нарушившую старинные порядки. Для австрийских национал-консерваторов было чуждо стирание границ между сословиями или разговоры о единении по языковому принципу, однако в условиях борьбы с общей угрозой они готовы были пойти на компромиссы¹¹³.

В 1813 г., когда с ослаблением Наполеона была снята официальная цензура: брошюры, листовки, песни, газеты с национальными лозунгами вновь обрели

¹¹⁰ Schulze H. Op. cit. S. 65.

¹¹¹ Jahn F.L. Deutsches Volksthum. Lübeck, 1810. S. XIV.

¹¹² Ibid. S. XII.

¹¹³ Dann O. Op. cit. S. 69.

массовую аудиторию. Константой патриотических нарративов стало слово «свобода». Однако речь в основном шла об освобождении от «чужого», время «своих» еще не пришло. Смягчало критиков и то, что воля нации была наконец услышана. 17 марта 1813 г. прусский король Фридрих Вильгельм III опубликовал воззвание «К моему народу», открыто призывая к борьбе¹¹⁴.

Этот источник интересен тем, что в нарративе монарха ярко отразилось уже знакомое нам переплетение локального и общенационального патриотизма. Борьбаться и побеждать французов нужно, чтобы «не перестать быть пруссаками и немцами», потому что «пруссак и немец не могут жить без чести»¹¹⁵. Таким образом, важность консолидации в решающей битве заставляла правителя адаптировать широкое понимание нации.

Несмотря на подъем патриотических чувств, стиравших границы между германскими государствами, былая проблема никуда не исчезла. Идея языковой нации все еще не подразумевала материальных границ и программ их достижения, потому она, как и «интеллектуальная нация» XVIII в., бытовала, скорее, в качестве утопического идеала, альтернативного менее привлекательным вариантам: возврату к устаревшим имперским устоям или повторению ошибок Французской революции. В то время как на земле по-прежнему оставались Пруссия и Австрия, которые охотно отождествляли себя с легендарной Германией¹¹⁶.

По итогам именно эти державы возглавили национальную войну. Австрийский министр иностранных дел Клеменс фон Меттерних (1773–1859) понимал, что с исчезновением внешнего врага обострятся требования внутренней эмансипации, поэтому, начиная с 1813 г., приложил все усилия, чтобы погасить пыл национального движения¹¹⁷. Таким образом, союз между князьями и народом,

¹¹⁴ Schulze H. Op. cit. S. 68.

¹¹⁵ Aufruf des Königs von Preußen Friedrich Wilhelm III. "An Mein Volk!". Vom 17. März 1813. URL: http://www.documentarchiv.de/nzjh/preussen/1813/an-mein-volk_friedrich-wilhelmIII-aufruf.html (дата обращения: 10.10.2025).

¹¹⁶ Schulze H. Op. cit. S. 69.

¹¹⁷ Siemann W. Metternich: Stratege und Visionär. Eine Biografie. München, 2016. S. 656.

надеявшимся на усиление своих позиций, канул в Лету, а мечты об общей Германии были вновь вытеснены проблемами локального характера.

8 июня 1815 г. был основан Германский союз. Подписанный по результатам Венского конгресса Союзный акт должен был решить проблему безопасности и единства Германии, при этом не нарушив баланс политических сил в Европе. Таким образом, было принято решение вместо прежней Священной Римской империи создать «постоянный союз», в который вошли 38 германских государств (в 1817 г. к нему присоединился 39 участник – ландграфство Гессен-Гомбург).

«Все взгляды обращены к Венскому конгрессу, от результата которого зависит столь многое в немецком Отечестве. Храбро и свободно каждый немец должен говорить о важных темах, которые могут повлиять на благо Германии»¹¹⁸, – писала либеральная газета «Райнишер Меркур» («Рейнский Меркурий») в октябре 1814 г. У участников национального движения были причины для опасений: речь шла не только о распределении территорий, но и о дальнейшем политическом курсе Германии. В Вену специально приехали многие деятели, посвятившие свои труды германскому вопросу, в т.ч. барон фон Штейн (1757–1831) и Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835)¹¹⁹. Однако, несмотря на их готовность отстаивать свои позиции, за столом переговоров оказались лишь представители властвующей элиты.

Сложившийся альянс князей оказался далек от мечты о едином национальном государстве. Анализ положений Союзного акта показывает, что в качестве общего органа управления функционировал лишь Союзный сейм («Бундестаг»), заседавший во Франкфурте-на-Майне. Больше никакой связи для решения внутривополитических вопросов между германскими государствами не предполагалось¹²⁰.

Несмотря на то, что третья статья акта подчеркивала равноправие между членами Союза, четвертая и шестая статьи, фиксировавшие специфику

¹¹⁸ Rheinischer Merkur. Nr. 135. Koblenz, 1814.

¹¹⁹ Dann O. Op. cit. S. 91.

¹²⁰ Deutsche Bundesakte vom 8. Juni 1815. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/dtba.html> (дата обращения: 10.10.2025).

голосования в Союзном сейме, показывали, насколько оно условно. На пленарных заседаниях Бундестага количество голосов обуславливалось величиной территории. К примеру, в случае принятия новых законов у Пруссии, Австрии, Саксонии и Баварии было по четыре голоса на каждого, в то время как у свободных городов – по одному¹²¹.

В состав участников Союза входили пять крупных монархий, три из них – со столицами за пределами самого Германского союза. Речь идет о Дании, владевшей Гольштейном, Нидерландах по отношению к Люксембургу и Ганновере, находившимся под английской короной¹²². Таким образом, монархи иностранных государств могли напрямую влиять на положение дел в германских землях, вовлекая Союз в тесную зависимость от международной ситуации.

Союзный акт, прежде всего, фокусировался на правителях и их территориях. О подданных говорилось лишь в шестнадцатой статье, посвященной вопросу веротерпимости. В правах уравнивались две христианские конфессии, в дальнейшем предполагалось рассмотреть вопрос о гражданских правах представителей иудейской веры. Больше вопросов, чем ответов давала статья № 13, обещавшая во всех государствах «сословно-земельные конституции». Используемый термин, как отмечают исследователи, мог обозначать и просто «представительства»: в дальнейшем широта интерпретации была использована для утверждения более консервативной трактовки¹²³.

Показательна пятая статья, объявлявшая Австрию председателем Земельного сейма. Согласно седьмой статье, именно председатель имел решающий голос в случае разделения мнений¹²⁴. Получить почетное место *primus inter pares* Австрии

¹²¹ Deutsche Bundesakte vom 8. Juni 1815. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/dtba.html> (дата обращения: 10.10.2025).

¹²² Ibid.

¹²³ Даценко П.А. Преемственность или разрыв? О конституционных актах Германского союза 1815 и 1820 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 68.

¹²⁴ Deutsche Bundesakte vom 8. Juni 1815. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/dtba.html> (дата обращения: 10.10.2025).

удалось благодаря движущей силе Венского конгресса – Клеменсу Венцелю Непомуку Лотару князю фон Меттерниху-Виннебургу.

С именем австрийского министра иностранных дел, ставшего в 1821 г. государственным канцлером, в немецкой историографии принято связывать понятие «система Меттерниха», представлявшей собой политическую доминанту Реставрации в Германском союзе. Главной задачей политического курса канцлера было вернуть немецкое общество к дореволюционному порядку и поддержать стабильность вопреки выступлениям сторонников свободы¹²⁵.

Видя, что мечты о свободном и едином Отечестве рушатся у них на глазах, молодое поколение чувствовало себя преданным. Война с Наполеоном дала толчок к развитию форм юношеской самоорганизации: накопившееся недовольство, подкрепляемое разбуженными патриотическими чувствами, вылилось в проведение открытой акции, приуроченной к знаковым историческим событиям. 18 октября 1817 г. состоялся Вартбургский праздник, который, согласно тексту приглашений, преследовал три повода: отпраздновать юбилей Реформации, годовщину битвы под Лейпцигом и первую дружескую встречу немецкого студенчества¹²⁶.

«Четыре долгих года утекло с Лейпцигской битвы; прекрасные надежды немецкого народа – все они были разбиты. Всё прошло иначе, чем мы ожидали; всё великое и замечательное, что могло и должно было произойти, не сложилось; множество святых и благородных чувств сделались предметом насмешек и издевательств»¹²⁷. С подобных укоров начинала Вартбургский праздник речь представителя Йенских буршей, Генриха Арминиуса Риманна (1793–1872).

¹²⁵ Ростиславлева Н.В. Проблема детерминантов в определении эпох и культурно-исторических категорий истории Германии первой половины XIX века // Новое в Новой истории М., 2023. С. 222-223.

¹²⁶ Kieser. D.G. Das Wartburgfest am 18. October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Jena, 1818. S. 92.

¹²⁷ Aus der Festrede des Studenten Heinrich Arminius Riemann auf dem Wartburgfest am 18. Oktober 1817. Cit. ex: Kieser. D.G. Das Wartburgfest am 18. October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Jena, 1818. S. 106.

Сплоченные общим разочарованием, Вартбургский замок посетили более 400 студентов из 11 немецких университетов¹²⁸.

Данное мероприятие заняло особое место в эволюции немецких национальных настроений: именно здесь зазвучали открытые призывы, направленные не против внешнего врага, а против родных правителей. К несбывшейся мечте о едином национальном государстве примешивался осадок из-за нереализованных проектов конституций и усиления полицейских мер, которые власти принимали в стремлении подавить революционные настроения. Князья не сдержали своих обещаний, поэтому друзей нации не должно более «слепить сияние господствующего трона, когда речь заходит о правде и праве». Пришла пора «сказать сильное свободное слово»¹²⁹. Доказательством решительного настроения стало публичное сожжение сочинений, признанных «вредными для народного духа»: среди них работы «русского агента» Августа фон Коцебу, воспевателя Реставрации Карла Людвиг фон Галлера и т.д. За ними пламя поглотило кодекс Наполеона и символы монархической тирании – прусский уланский корсет и австрийскую палку капрала¹³⁰.

Символическое предание огню вызвало предсказуемо негативную реакцию у власть имущих. Директор прусского министерства полиции, тайный советник Карл Альбрехт Кристоф Генрих фон Камптц (1769–1849) отзывался о Вартбургском празднике как о буйстве «несовершеннолетних мечтателей», австрийский министр Клеменс фон Меттерних назвал проведенное мероприятие крамолой¹³¹. Высказываемые опасения оказались небеспочвенными: среди студентов начался процесс радикализации, жертвой которого пали уже не только книги, но и сами авторы. Убийство Августа фон Коцебу (1761–1819), заколотого йенским студентом

¹²⁸ См. подробнее – п. 2.1.

¹²⁹ *Aus der Festrede des Studenten...* S. 106.

¹³⁰ Hardtwig W. *Op. cit.* S. 12.

¹³¹ Лённекер Х. *Несовершеннолетние мечтатели – исконно немецкие крепкие мужи – строптивые мятежники – деятели будущего: студенты Германии в XIX и XX вв.* // Гумбольдтовские чтения. М., 2010. С. 57.

Карлом Людвигом Зандом (1795–1820) в марте 1819 г., стало точкой невозврата для движения бурсы¹³².

Ответ властей не заставил себя долго ждать. 20 сентября 1819 г. на Союзном сейме были утверждены Карлсбадские решения, направленные на ограничения свободы прессы и университетов. Вновь актуализировались законы против тайных и несанкционированных организаций; преподаватели, «пагубно влияющие на умы молодежи», отстранялись от педагогической работы во всех землях; не могли восстановиться на учебу и студенты, уличенные в неправоверной деятельности. Для отслеживания любых отклонений в политическом климате университетов назначались чрезвычайные уполномоченные, одобренные сверху¹³³.

Чтобы взять под контроль печатную пропаганду, власти запретили публиковать без предварительного рассмотрения любые издания, превышающие 20 листов. Газеты и листовки во всех германских государствах предписывалось подвергнуть строжайшей цензуре¹³⁴. Хотя в Карлсбадских решениях и было зафиксировано, что ограничительные меры вводятся на ближайшие пять лет для урегулирования ситуации, в 1824 г. они были продлены на неопределённый срок¹³⁵.

Строгость контроля ограничений варьировалась в зависимости от земель: так если в Пруссии и Австрии они действовали в полную силу, то, к примеру, в Баварии и Вюртемберге на некоторые аспекты закрывали глаза¹³⁶. Тем не менее официальные постановления значительно замедлили развитие организованного национального движения в Германском союзе. Вплоть до начала 1830-х гг. консолидирующий национальный импульс будто бы «ушел в себя», скромно тлея в бидермайерской тоске по старому доброму прошлому.

Вслед за переговорами в Карлсбаде последовала новая конференция в австрийской столице, результатом которой стало принятие Венского

¹³² Schulze H. Op. cit. S. 72.

¹³³ Karlsbader Beschlüsse. Universitätsgesetz vom 20. September 1819. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/bduniges.html> (дата обращения: 10.10.2025).

¹³⁴ Karlsbader Beschlüsse. Preßgesetz vom 20. September 1819. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/bdprsges.html> (дата обращения: 10.10.2025).

¹³⁵ Hardtwig W. Op.cit. S. 39.

¹³⁶ Schulze H. Op. cit. S. 73.

заключительного акта 15 мая 1820 г. Данный конституционный документ служил прямым продолжением Союзного акта 1815 г., проясняя ряд спорных моментов. Характер уточнений также отражал укрепление политического курса Меттерниха: больше не рассматривалась возможность создания общегерманских учреждений, за Германским союзом закреплялось лишь постоянное пассивное дипломатическое право (позволяющее, к примеру, Австрии и Пруссии вести международные переговоры от имени всей Германии), существенно увеличивался внутренний суверенитет князей¹³⁷. Принятые меры наглядно свидетельствовали о том, что Германский союз не намерен воплотить мечту о едином национальном государстве.

Общее представление об установках правящей элиты в данный период можно также получить, ознакомившись с очерком Фридриха фон Гентца (1764–1832) «Французская критика германских союзных решений 1819 г.», который был впервые опубликован в газете «Дер эстеррайхише Беобахтер» («Австрийский обозреватель») 20 ноября 1819 г. Гентц, будучи высокопоставленным представителем австрийского двора и советником Меттерниха, представлял собой одну из ключевых фигур Реставрации, поэтому его сочинения наглядно отражали консервативную позицию Германского союза и официальную интерпретацию национальной повестки дня.

Комментируя необходимость Карлсбадских решений, Гентц писал, что «неожиданно значительное количество беспокойных умов, часть из них в качестве искусителей, часть из них в качестве искушенных, приняли участие в открытых планах по радикальному переустройству Германии, руководствуясь то одной, то другой глупой моделью»¹³⁸. Подобное опасное обострение вольнодумства никогда бы не случилось, если бы «в последние годы не распространилось мнение, что Германия, рассматриваемая как целое государство в федеративном отношении, имеет в сущности только свое название, не обладает никакими подлинными

¹³⁷ Даценко П.А. Преемственность или разрыв? О конституционных актах Германского союза 1815 и 1820 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 67-68.

¹³⁸ Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Dritter Teil. Mannheim, 1839. S. 198.

средствами для самосохранения и с каждым днем ожидает своего распада»¹³⁹. Таким образом, в своей статье Гентц стремился решительно опровергнуть самый популярный оппозиционный тезис.

Советник Меттерниха настаивал, что «объединение всех германских племен в единое неделимое государство» оставалось «опровергнутой тысячелетним опытом, окончательно изжившей себя мечтой», которую «до сих пор могут преследовать лишь безумцы»¹⁴⁰. Текущая форма Германии, в которой князья перед лицом чрезвычайных обстоятельств не действуют в одиночку, а руководствуются общим благом, напротив, оправдала лучшие ожидания. По мнению Гентца, принимаемые властями меры способствовали процветанию страны, «сохранению, укреплению, порядку», развивая «дух патриотизма и гражданской свободы» в правильном смысле этих слов¹⁴¹. Однако, описывая свою идеальную Германию, Гентц желал говорить не столько о благополучии Отечества, сколько о «безопасности и долговечности всех государств Европы», тем самым подтверждая европоцентризм официального курса, что отнюдь не являлось достоинством в глазах его оппонентов.

Новый стимул для немецкого национального движения вновь последовал с французской стороны. Июльская революция 1830 г. взволновала всю Европу. Последовавшие события в Бельгии и Польше вернули надежду сторонникам либерального и демократического развития Германии: во избежание волнений князья в некоторых германских государствах пошли на уступки и приняли ряд послабляющих реформ¹⁴².

Резкий подъём национальных надежд вылился в Гамбахский праздник, состоявшийся 27 мая 1832 г. Вновь праздничные акции как нельзя ярче отражали национальные настроения, закрепляя преемственность традиций. Участники торжества снова собрались под черно-красно-золотым знаменем, цвета которого отсылали как к Добровольческому корпусу барона Адольфа фон Лютцова (1782–

¹³⁹ Schriften von Friedrich von Gentz... S.198.

¹⁴⁰ Ibid. S. 199.

¹⁴¹ Ibid. S. 202.

¹⁴² Schulze H. Op. cit. S. 77.

1834), так и к Вартбургскому празднику, уже поместившему данный триколор в контекст новой национальной борьбы¹⁴³.

Инициатором Гамбахского праздника выступил «Германский союз прессы», во главе которого стояли журналисты Иоганн Август Вирт (1798–1848) и Филипп Якоб Зибенпфайфер (1789–1845). Приглашение на мероприятие, составленное последним, было размещено в свободной прессе: к примеру, за месяц до назначенной даты его можно было обнаружить на страницах либеральной газеты «Дер Фрайзинниге» («Свободомыслящий»). В заметке под названием «Немецкий май» предлагалось собраться не в честь громкого повода, достижения или славной победы, а в честь «того, что должно быть достигнуто», в честь «мужественной борьбы», которая продолжает идти ради обретения «законной свободы и немецкого национального достоинства». Проведение праздника в мае также выступало данью традициям предков: «в мае, по германскому обычаю, наши отцы, увенчанные славой, проводили свои национальные собрания»¹⁴⁴.

Организаторы желали, чтобы «праздник надежды» смогли посетить все равнодушные к судьбе Германии. В связи с этим, приглашались не только «мужи и юноши всех сословий, которым священна искра Отечества», но и «женщины и девушки, игнорирование политических прав которых является ошибкой и преступлением европейского порядка»¹⁴⁵. Однако мечта собрать цвет нации в одном месте быстро оказалась под угрозой: уже спустя день после публикации приглашения Гамбахский праздник пытались объявить несанкционированным и запретить его посещение под предлогом, что таким мероприятием «партия недоброжелателей пытается покачнуть существующий порядок, прикрываясь кажущейся законностью»¹⁴⁶.

Эскалация протестов не позволила сорвать планы «друзей Отечества». Несмотря на предостережения со стороны властей, под эгидой национального

¹⁴³ Dann O. Op. cit. S.108.

¹⁴⁴ Der Freisinnige. Freiburger politische Blätter. Freiburg im Breisgau, 1832. Nr. 61. S. 250.

¹⁴⁵ Ibid.

¹⁴⁶ Der Freisinnige... Freiburg im Breisgau, 1832. Nr. 77. S. 313.

единства 27 мая в Гамбахском замке собрались более 20 тысяч человек¹⁴⁷. Политические взгляды присутствующих варьировались от либерально-конституционных требований до социально-революционных настроений. Подобное разнообразие не могло не поставить германский вопрос по-новому: что должно стать приоритетом – свобода или единство Германии?

Ответы были самыми разными. Один из организаторов мероприятия, Иоганн Август Вирт, в своей речи подчеркивал, что, хотя ценности свободы важны как для немцев, так и для других угнетаемых народов Европы, объединение Отечества должно быть первостепенной задачей. Баденский либерал Карл фон Роттек (1775–1840) возражал, что единство страны не стоит риска потери свободы. Осторожная умеренность Роттека, который также являлся депутатом Баденского парламента, оправдала себя: после Гамбаха народные демонстрации охватили все германские земли, что заставило уже настороженные власти принять немедленные меры¹⁴⁸.

В этот раз ответом стали «Десять статей»¹⁴⁹, опубликованные 5 июля 1832 г. Данные постановления упраздняли послабления, созданные Июльской революцией: к примеру, был отменен закон о снятии цензуры в Бадене. Вновь был ужесточен контроль над печатью, реактуализированы предписания Карлсбадских решений.

Гамбахский кейс повлѣк и новые запреты: отменялись любые народные празднества, организуемые без предварительного разрешения компетентного органа власти. Даже если разрешение было получено, ни одному оратору не разрешалось публично затрагивать политические темы: за нарушение предусматривалось «суровое наказание»¹⁵⁰.

Неприемлемость альтернативных национальных концепций проявилась в полном запрете уже закрепившейся национальной символики. Черно-красно-золотой триколор был объявлен вне закона. Ношение лент, кокард и цветов,

¹⁴⁷ Dann O. Op. cit. S.108.

¹⁴⁸ Schulze H. Op. cit.S.78.

¹⁴⁹ Die „Zehn Artikel“ vom 5. Juli 1832. URL: https://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/1_C_NS_Sechs_Artikel_Zehn_Artikel.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁵⁰ Ibid.

«отличных от цветов страны, к которой лицо, носящее их, принадлежит как подданный», «несанкционированная» демонстрация знамен и флагов и «тому подобные знаки восстания» предписывалось «карать незамедлительно»¹⁵¹.

Произошедшие события выявили раскол в «гражданской» нации. С одной стороны, представители либерального крыла, зачастую занимавшие место в государственном аппарате своей земли, придерживались монархически-конституционных взглядов, желая решать национальный вопрос миролюбивым путем реформ, с помощью натуральной эволюции. Схожие взгляды разделяла промышленная элита, имевшая тесные связи с прусским, гессенским и баварским дворами.

С другой стороны, выступали группы, которым нечего было терять. Более радикальных позиций придерживались бурши, ремесленники, фермеры, редакторы мелких газет и т.д. Их требования к созданию немецкого национального государства имели уже демократическо-республиканские оттенки. Однако обе фракции все еще были едины общей национальной идеей и желанием перемен¹⁵².

Новым поводом для оживления немецкого национального самосознания стал общий враг, портрет которого даже не пришлось писать с чистого листа. Рейнский кризис 1840 г. был вызван желанием кабинета Адольфа Тьера восстановить естественную границу по Рейну, вернув левобережные территории в состав Франции. Однако по результатам Венского конгресса Рейнская провинция принадлежала Пруссии, а покушение на отдельное государство Германского союза (тем более на одного из гегемонов) означало конфликт со всеми германскими землями¹⁵³.

Когда к осени 1840 г. стало очевидно, что привычная Меттерниху европейская дипломатия проблему не решит, население пограничных земель начал охватывать страх: память о потерях в ходе столкновения с Наполеоном еще не успела пережить и поколение. Так как запреты на собрания и организации союзов

¹⁵¹ Die „Zehn Artikel“ vom 5. Juli 1832. URL: https://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/1_C_NS_Sechs_Artikel_Zehn_Artikel.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁵² Schulze H. Op. cit. S.79.

¹⁵³ Ibid.

все еще действовали, подогреваемому внешней угрозой национальному импульсу оставалось найти свое воплощение лишь в лирическом творчестве. «Они не должны его заполучить. Свободный немецкий Рейн» – взывало стихотворение Николауса Беккера (1809–1845)¹⁵⁴, опубликованное в «Тририше Цайтунг» («Трирской газете») в сентябре 1840 г. и в дальнейшем положенное на музыку более 100 раз¹⁵⁵.

Рейнское движение, давшее новое дыхание национальному пафосу и воскресившее дух освободительной войны 1813 г., также послужило мостом для восстановления доверия между властями и народом. Несмотря на протесты осторожного Меттерниха, новый прусский король Фридрих Вильгельм IV (1759–1861) вместе с Баварским королем и великим герцогом Баденским открыто поддержали пробудившийся национальный порыв¹⁵⁶.

Тем не менее Рейнский кризис ещё четче обозначил раскол в германской оппозиции. «... [немецкая молодежь] не желает ни грабежа, ни анархии, ни нового распределения всех богатств, ни женского сообщества. Она хочет только победы, а через победу – мира и славы. Она хочет пройти последнюю национальную войну новой политической цивилизации»¹⁵⁷, – звучал призыв со страниц либеральной Кёльнской газеты, полностью отрицающий необходимость перемен в самой Германии. Однако переключение внимания с внутренних проблем на внешнего врага не входило в планы демократически настроенных друзей Отечества.

В ответ на подобные заявления была написана «Рейнская песня» поэта Роберта Эдуарда Прутца (1816–1872), в которой вместо свободы реки требовалась свобода прессы¹⁵⁸. Левое крыло национального движения, находящееся в эмиграции, также выступало с критикой слепой ненависти к Франции, которая очередным маятником грозила обрушить позиции ценностей свободы.

¹⁵⁴ Becker N. Der deutsche Rhein // Trierische Zeitung. Nr. 257, 18. September 1840.

¹⁵⁵ Schulze H. Op. cit. S.81-82.

¹⁵⁶ Dann O. Op. cit. S. 119.

¹⁵⁷ Kölnische Zeitung. Nr. 240. Köln, 1840.

¹⁵⁸ Prutz R.E. Der Rhein. URL:

<http://www.zeno.org/Literatur/M/Prutz,+Robert+Eduard/Gedichte/Gedichte/Der+Rhein> (дата обращения: 10.10.2025).

Негативному влиянию Рейнского движения отчасти посвящено эссе «Патриотизм» (1844 г.) Арнольда Руге (1802–1880), в котором высказывалась мысль, что истинный патриотизм не может быть лишь внешне направленным¹⁵⁹.

После урегулирования Рейнского кризиса национальный дух и не думал стихать. Большую роль в данном процессе сыграла Пруссия, которая при новом монархе отказалась следовать строгости Меттерниха, сняв, к примеру, в 1842 г. запрет на гимнастическое движение и национальное воспитание в духе Людвига Яна¹⁶⁰.

1840-е гг. прошли под знаменем возрождения национальных самоорганизаций, принявших самые разные формы. К ним можно причислить патриотические песенные сообщества, организацию общегерманских фестивалей, конгрессы немецких ученых, стиравшие границы между землями. Важным инструментом консолидации служила актуализация общего исторического прошлого, наиболее ярко воплотившаяся в идее национальных памятников: с начала десятилетия планируются памятник Арминию в Тевтобургском лесу, в 1842 г. возведена Вальхалла под Регенсбургом, устроена праздник в честь возобновления строительства Кёльнского собора¹⁶¹.

Однако расцвет национальной культуры едва ли мог привести к мартовским событиям 1848 г. Конституционный вопрос, поднимавшийся после каждого всплеска национальных настроений, так и не был решен. Терпение надеющихся на князей либералов подходило к концу, о чем свидетельствовали тексты «Дойтче Цайтунг» («Немецкой газеты»), с 1847 г. ставшей рупором «германского вопроса» и конституционных требований: «на смену княжеской власти пришла власть народа, политическое образование начало распространяться все больше <...>, дух действия, независимости и самосознания, который совсем исчез в XVII-XVIII вв., вновь проник в массы»¹⁶². Не дремали и демократы: поддерживаемые мелкой

¹⁵⁹ Dann O. Op. cit. S. 118.

¹⁶⁰ Schulze H. Op.cit. S.83.

¹⁶¹ Ibid. S.84.

¹⁶² Deutsche Zeitung. Nr. 84. Heidelberg, 1847.

буржуазией и сельским населением, они все еще надеялись увидеть Германию республикой.

Таким образом, за время существования Германского союза различия в политических взглядах немецкой оппозиции привели к ее окончательному разделению на либеральное конституционное движение и демократическое движение протеста. Однако в ходе национальных акций обе стороны забывали о своих противоречиях, объединенные общей идеей решения германского вопроса. Официальные власти, охотно поддерживающие патриотические порывы против внешнего противника и благосклонно смотревшие на идею культурной нации, не ставили в приоритет создание единого национального государства, что и стало одним из основных поводов к началу Мартовской революции 1848 г.

1.2. Национальный дискурс сквозь призму переосмысления патриотических понятий

«Что есть Отечество для немца?» Вопрос, поднятый в патриотическом стихотворении Э.М. Арндта в 1813 г., четко обозначил проблему, охватившую умы немецких интеллектуалов в первой половине XIX в. Универсального ответа не существовало: разногласия начинались уже на уровне понятий, интерпретации которых могли значительно отличаться в зависимости от направления национального нарратива.

В прошлом параграфе были рассмотрены основные векторы развития немецкой национальной мысли, различия между которыми отчетливо обозначились в реакции на вызовы эпохи. Чтобы сложить более полную картину о конструируемом идеале каждой группы, представляется продуктивным провести анализ с опорой на методологию истории понятий Р. Козеллека. Для выполнения поставленной задачи обратимся к источникам, дающим определения ключевым концептам патриотической риторики первой половины XIX в.

Выбор методологии обусловлен хронологическими рамками исследования. Согласно Р. Козеллеку, с конца XVIII в. под влиянием Французской революции привычные слова и выражения переосмысляются и получают новые значения. Наблюдается тенденция как к абстрагированию многих понятий, которые все реже означают реально существующий предмет, так и к политизации терминов, в основе которых теперь заложен призыв к действию¹⁶³.

К уточнению политического языка привело и свойственное предмартовской Германии расширение публичной сферы, пригласившей в свое пространство представителей самых разных слоев населения¹⁶⁴. Данный процесс сопровождался выпуском многочисленных словарей, энциклопедий и справочных пособий. Подобные источники, с точки зрения Козеллека, наиболее ярко отражали «знания и

¹⁶³ Koselleck R. Einleitung // Brunner O., Konze W., Koselleck, R. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd.1. Stuttgart, 1972. S. XIII-XXVII.

¹⁶⁴ Ibid.

самопонимание поколений», обращаясь не только к интеллектуалам, но и к «миру широкой общественности, составлявшей читательскую аудиторию публицистики»¹⁶⁵.

Учитывая вышесказанное, для раскрытия понятий и интенций, скрытых за ними, рассмотрим, как самые известные словари изучаемого периода, направленные на широкую аудиторию, так и более специализированные издания, ориентированные на определенные социополитические группы. Эволюция терминов во времени прослеживается благодаря заметным отличиям в переизданиях. При анализе текстов по возможности учтены такие категории подхода Козеллека, как «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», наиболее продуктивные для характеристики различных политических программ эпохи. Особое внимание уделено историческим примерам, приводимым в подтверждение ключевых идей. Таким образом, задача данного параграфа продемонстрировать многообразие смыслов, вкладываемых в одни и те же «национальные понятия» в рамках общественного дискурса первой половины XIX в.

Стремясь соответствовать уровню высшего общества и непринужденно вести изящные беседы, жители Германского союза охотно черпали свои знания из энциклопедических изданий. «Если девушки и женщины имеют ненасытный аппетит к беллетристике, то юноши изучают «Разговорные словари» и другие энциклопедические сборники, чтобы увенчать себя венцом образования»¹⁶⁶, – подтрунивал над своими современниками сатирик Адольф Гласбрэннер (1810–1876). Его слова подтверждались статистикой: среди всех издаваемых книг словари достигали наибольшего тиража – к 1840-м гг. речь шла уже не о сотнях, а о тысячах и десятках тысяч экземпляров¹⁶⁷, при этом немецкий читатель мог выбрать сразу между несколькими уважаемыми изданиями.

¹⁶⁵ Koselleck R. Einleitung... S. XXII.

¹⁶⁶ Glassbrenner A. Berlin wie es ist und trinkt. Cit. ex: Hermann G. (hrsg). Das Biedermeier im Spiegel seiner Zeit: Briefe, Tagebücher, Memoiren, Volksszenen und ähnliche Dokumente. Berlin, 1913. S. 238.

¹⁶⁷ Hardtwig W. Op. cit. S. 113.

Одним из наиболее узнаваемых справочников Германского союза можно по праву назвать «Разговорный лексикон Брокгауза»: к началу 1830-х гг. общий тираж достигал около 30 тысяч экземпляров¹⁶⁸. Известный под разными названиями и в разных форматах проект Брокгауза насчитывал не одно переиздание. В контексте нашего исследования будет полезно взглянуть на истоки данного труда.

Все началось с книжной ярмарки в Лейпциге в 1808 г., когда Фридрих Арнольд Брокгауз (1772–1823), за плечами которого был уже издательский опыт в Амстердаме, выкупил права на «Разговорный лексикон» под редакцией Р.Г. Лёбеля (1767–1799) и К.В. Франке (1765–1831). На момент выкупа данная серия насчитывала пять полных томов, вышедших с 1796 по 1806 гг., но смерть одного из редакторов и отсутствие финансирования привели к веренице перепродаж между издателями. В 1809 г. под руководством Брокгауза и с повторным привлечением К.В. Франке удалось завершить шестой финальный том, однако к этому времени стало очевидно, что из-за турбулентных событий на стыке веков материал словаря успел значительно устареть и требовал срочной доработки¹⁶⁹.

Беспощадность стремительно развивающихся политических событий легко угадывается при сравнении первых и более поздних изданий «Разговорного лексикона» Брокгауза. К примеру, в оригинальном шеститомнике читатель не найдет дефиниции понятий «нация», «народ», «Отечество». Просматривая статью о «Германии», можно обнаружить лишь общие сведения о топографических, климатических, экономических и культурных аспектах «Германской империи». Намеки на национальную гордость прерывают сдержанное пространство опыта лишь тогда, когда речь заходит о науке и литературе, достаточно явно намекая на период написания статьи: «Французским беженцам мы обязаны <...> пробуждением и распространением хорошего вкуса в литературе, в которой немец сейчас преуспевает так же, как давно превосходил всех в глубине своих

¹⁶⁸ Spree U. Das Streben nach Wissen: eine vergleichende Gattungsgeschichte der populären Enzyklopädie in Deutschland und Großbritannien im 19. Jahrhundert. Tübingen, 2000. S. 124.

¹⁶⁹ Brockhaus H.E. Die Firma F.A. Brockhaus von der Begründung bis zum hundertjährigen Jubiläum. 1805–1905. Leipzig, 1905. S. 24.

познаний»¹⁷⁰. Сразу после этого замечания проявляется и горизонт ожиданий: «Если у немца и остается еще справедливое желание в отношении общественного духа, равного распределения культуры, торговли и т.д., то осуществлению этих желаний в значительной степени препятствует политическая структура Германии, в силу которой она разделена на множество государств»¹⁷¹. Таким образом, автор статьи четко обозначил проблему раздробленности, мешающую желаемому процветанию нации.

После первых шести книг в свет вышли еще два тома дополнений, которые расширили и актуализировали информацию о некоторых понятиях. Статья о Германии не стала исключением: ее переработка была необходима, чтобы отразить «потерю земель» и серьезные «изменения, которые претерпела Германия в результате Французской революционной войны и ее последствий»¹⁷². С этой целью, начиная с XVI в., подробно рассматривался процесс разделения германских государств, затем сквозь призму международных договоров и мирных соглашений освещалось влияние французской стороны на распределение земель на стыке XVIII–XIX вв.

Для сравнения: в первом томе статья о Германии занимала всего три страницы, когда в дополнительном – шестнадцать. Принимая во внимание, что «судьбы некоторых немецких земель отчасти до сих пор не решены», автор находил необходимым создание подробного очерка об утраченных территориях. Таким образом, обновление информации хоть и говорило о неопределенности будущего отдельных частей Германии, но при этом не исключало их из нового для словаря концепта – «нашего немецкого Отечества»¹⁷³.

На этом метаморфозы «Разговорного лексикона» не заканчивались. Изменения в запросах общества наглядно проглядывались в эволюции его форматов с каждым новым изданием. Проект Брокгауза учитывал тенденции растущего книжного рынка, направленного на распространение общепольного

¹⁷⁰ Brockhaus Conversations-Lexikon. Bd. 1. Amsterdam, 1809. S. 344.

¹⁷¹ Brockhaus Conversations-Lexikon. Bd. 1. Amsterdam, 1809. S. 344.

¹⁷² Brockhaus Conversations-Lexikon. Bd. 7. Amsterdam, 1809. S. 274.

¹⁷³ Ibid.

знания и развлечение, поэтому в 1837 г. в продажу был запущен «Иллюстрированный разговорный лексикон для германского народа». Помимо сопроводительного визуального ряда, представленного 320 иллюстрациями и 17 картами, данное издание включало в себя и обновленные тексты: так в нем уже подробно расписаны понятия «нация», «Отечество», «народ», «патриотизм» и т.д.

Любопытно, что в данном словаре понятия «нация» и «народ» не являются взаимозаменяемыми. Каждый термин получил свое определение, несмотря на очевидные схожести в базовой части: в обоих случаях речь идет о «группе людей, объединенных узами общего происхождения, языка и обычаев»¹⁷⁴. Признавая, что данные слова могут использоваться в качестве синонимов, «Разговорный лексикон» объяснял и разницу между ними. Понятие «народ» представлялось «менее определенным» и применялось «только к жителям страны», в то время как «нация» включала в себя и правителей¹⁷⁵. Таким образом, словарь Брокгауза закреплял положение князей над народом, но не выделял их в отдельную категорию, чуждую нации.

Отмечались в источнике и две формы бытования нации: нация, «объединенная в одно государство, как, например, французская» и «разделенная на множество государств» форма, которая присуща немцам. Раздробленность нации нормализовалась сравнением с античной Грецией и её полисной жизнью¹⁷⁶. Тем не менее в статье, посвященной понятию «народ», угадывалось, что в качестве идеала составителю куда ближе французский вариант: «<...> народ начинает образовывать государство, хотя может существовать и разделенным на несколько государств, как немцы; но всегда предпочтительнее, когда народ и государство едины, причем оба могут только выиграть в силе и престиже при наличии соответствующей организации»¹⁷⁷.

Схожие характеристики также давались прилагательным «национальный» и «народный», отражавшим «особенности, которые наиболее последовательно

¹⁷⁴ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 4. Leipzig, 1841. S. 619.

¹⁷⁵ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 3. Leipzig, 1839. S. 243.

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 4. Leipzig, 1841. S. 619.

проявляются во внешности, поведении, мышлении, образе жизни и образе действий»¹⁷⁸. Описывая национальный характер немцев, «Иллюстрированный разговорный лексикон» выделял множество похвальных черт: добросовестность и преданность, повышенное чувство справедливости, неустрашимое трудолюбие, благоразумие. С другой стороны, отмечалось, что немецкое «благоразумие» имело печальное свойство перерастать в «излишнюю задумчивость» и «пагубную приверженность традициям».

В упрек современникам ставилось и то, что они больше тяготеют к домашней, нежели к активной общественной жизни. Согласно словарю Брокгауза, скромность в отношении собственных заслуг и ориентир на чужие ценности лишали немцев «истинной национальной гордости»¹⁷⁹. Несмотря на это, дефиниция «патриотизма» уточняла, что «истинный друг Отечества, активно стремящийся принести пользу своей стране», не смотрит с презрением на соседей, а старается перенести их лучшие достижения и институты на родную почву¹⁸⁰.

Источник подчеркивал, что любовь к Родине еще нельзя назвать патриотизмом. Она обретает нравственную ценность «только благодаря доброжелательному отношению к согражданам и разумному стремлению содействовать общему благу»¹⁸¹. Таким образом, под Отечеством подразумевалась не та страна, в которой человек родился (привязанность к ней естественна и инстинктивна, но ничем не отличает людей от животных), а та, ради которой индивид будет готов «с радостью пожертвовать собственным благополучием»¹⁸².

Подобное чувство должно подпитываться личным вкладом в развитие общества: «Чем больше свободы и признания прав получит народ от государственной власти, тем существеннее будет чувство патриотизма, посему гражданская добродетель чаще всего наблюдается в свободных государствах»¹⁸³. В

¹⁷⁸ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 4. Leipzig, 1841. S. 619.

¹⁷⁹ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd 1. Leipzig, 1837. S. 536.

¹⁸⁰ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 3. Leipzig, 1839. S. 428.

¹⁸¹ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 4. Leipzig, 1841. S. 559.

¹⁸² Ibid. S. 560.

¹⁸³ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 3. Leipzig, 1839. S. 428.

этом контексте примечательно, что, говоря о современном положении Германии, составители словаря в деталях описывали ограничительные меры, принятые для борьбы с волнениями после Гамбахского праздника (1832 г.). Тем не менее после фактологического описания делался вывод, что «будущее нашего общего Отечества должно вызывать самые счастливые надежды», если подобные ограничения будут сочетаться с «исполнением благоприятных пожеланий»¹⁸⁴.

Лейтмотивом «Разговорного лексикона» Брокгауза, прослеживаемым во всех «национальных» терминах, становилась проблема образования. К примеру, под «народной литературой», в первую очередь, подразумевались издания, написанные доступным языком для «восприятия и осмысления низшими слоями населения». Неустанно подчеркивалась и необходимость народных авторов и народных школ, которые будут заботиться о воспитании и просвещении нации¹⁸⁵.

Подобная задача ставилась и перед одним из конкурентов Брокгауза на книжном рынке: «Энциклопедическим словарем наук, искусств и ремесел» (также известным под названием «Универсальный лексикон настоящего и прошлого»). Генрих Август Пирер (1794–1850), возглавивший данный проект, рассчитывал, что по итогам его работы «немецкая нация получит такой труд», который будет совершенен в своей общей полезности «как для ученых, так и для неученых представителей всех слоев общества»¹⁸⁶.

Первое издание словаря выходило с 1822 по 1836 гг. и состояло из 26 томов. Хотя тираж значительно уступал Брокгаузу, насчитывая к 1839 г. около 8000 экземпляров¹⁸⁷, «Энциклопедический словарь» Пирера выгодно отличали большая информативность и эффективный подход к организации материала. Так количество рассмотренных понятий почти в 100 раз превышало полноту первого издания Брокгауза¹⁸⁸, а в конце каждого тома помещался алфавитный указатель.

¹⁸⁴ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 1. Leipzig, 1837. S. 552.

¹⁸⁵ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 4. Leipzig, 1841. S. 619.

¹⁸⁶ Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.1. Verlag den Hahnschen Buchhandlung Altenburg, 1822. S. III.

¹⁸⁷ Spree U. Das Streben nach Wissen: eine vergleichende Gattungsgeschichte der populären Enzyklopädie in Deutschland und Großbritannien im 19. Jahrhundert. Tübingen, 2000. S.124.

¹⁸⁸ Ibid. S. 224.

Большая содержательность угадывалась и в обилии рассмотренных терминов, так или иначе связанных с «нацией»: в словаре даны определения «национальному характеру», «национальной жизни», «национальному образованию». «национальному празднику», «национальной литературе», «национальному костюму» и т.д. В дефиниции «нации» словарь Пирера четко обозначал ее отличие от понятия «народ»: нацией называлось «человеческое объединение, возникшее в силу рождения и общего происхождения», в то время как «народ» составлял лишь отдельную его часть, некое «множество», в отличие от нации не тяготеющее к «естественному объединяющему единству»¹⁸⁹.

Закрепляя за «нацией» естественность происхождения, «Энциклопедический словарь наук, искусств и ремесел» прописывал и горизонт ожиданий в плане ее эволюции. Неоднократно подчеркивалось важность «мудрой политики, которая признаёт преимущества внутреннего развития государства в нацию». В идеале Пирера власти должны были «остерегаться попыток противостоять направлению, в котором развивается нация»¹⁹⁰ и, напротив, оказывать всяческую поддержку, создавая просветительские организации и не перекрывая доступ для обмена духовными идеями среди населения.

Отношение к достаточно далекому от данных установок курсу Германского союза проглядывалось в заметке, посвященной «национальному празднику». Заявляя о консолидирующем эффекте подобных мероприятий («ничто не объединяло различные народы и племена в единое государство лучше»), Пирер упоминал о возможности учредить торжественный день в честь годовщины битвы под Лейпцигом (18 октября), который мог бы как «ярче обозначить политическое существование Германии в качестве единой нации», так «убедительнее продемонстрировать необходимость солидарности в период опасности»¹⁹¹. Однако с сожалением автор был вынужден признать, что «настоятельные рекомендации

¹⁸⁹ Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.14. Altenburg, 1830. S. 452.

¹⁹⁰ Ibid. S. 454.

¹⁹¹ Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.14. Altenburg, 1830. S. 456.

были проигнорированы, а период энтузиазма безвозвратно упущен» из-за разногласий среди власть имущих.

«Энциклопедический словарь наук, искусств и ремесел» Пирера и «Разговорный лексикон» Брокгауза демонстрируют – как национальные идеи транслировались в изданиях, рассчитанных на самую широкую публику. Для полноты картины будет продуктивно взглянуть, как подобные послы отражались и в менее известных справочниках, предназначенных для интеграции в актуальный дискурс определенного читательского круга. Наглядным примером служит десяти томный «Дамский разговорный лексикон», издававшийся писателем и журналистом Карлом Херлосзоном (1804–1849) с 1834 по 1838 гг. В предисловии редактор ставил перед собой цель «принять во внимание женский интерес» и «рассмотреть все полезное, прекрасное, достойное знания в сознании женщин», при этом представив информацию в «более легком, более вкусном обличье, нежели чем в других лексикографических трудах»¹⁹².

«Облегченный» для понимания словарь не включал в себя статьи о сложных национальных понятиях, однако в нем можно было прочесть заметку о «любви к Отечеству». В приводимом определении, хотя и приобретшем поэтические метафоры (так тоска по Родине сравнивалась со слезами шотландца, который слышит звуки волынки на чужбине), легко угадывался посыл, закладываемый в лексиконах Брокгауза и Пирера. Абстрактное стремление к дому «должно расцвести в разумное самосознание», и затем воплотиться в «твердую и верную привязанность к Родине и ее институтам», проявиться в «гражданском духе, который всегда подчиняет частное и личное общим интересам»¹⁹³.

Давая определение «Германии», дамский лексикон публиковал целых три статьи: о географическом положении страны, об ее истории и о немецких женщинах. Однако, в отличие от Брокгауза и Пирера, составитель не делился горизонтами своих ожиданий, возводя пространство опыта в идеал: после Наполеоновских войн «в Германии царит благословенный мир под защитой

¹⁹² Damen Conversations Lexikon. Bd. 1. Leipzig, 1834. S. III.

¹⁹³ Damen Conversations Lexikon. Bd. 10. Adorf, 1838. S. 300.

законов и владычеством благоразумных правителей». Показательна и характеристика самой «освободительной войны»: покоренный народ заставили подняться с колен «любовь к свободе, с давних времен уже жившая в груди старого германца, и любовь к родовым князьям». Таким образом, монархам отдавалась ключевая роль в «святом волнении, охватившем все сословия, вне зависимости от пола» – все сплотились «под знаменами доблестного короля Пруссии и всепобеждающего императора Австрии»¹⁹⁴.

Более сдержанную позицию по отношению к текущим правителям занимали представители либеральной мысли. Хотя разобщенность Германского союза не позволяла либерализму оформиться в единое централизованное движение, надежный приют он обрел в юго-западных землях. Таким образом, колыбелью либеральной доктрины стали Баден, Бавария и Вюртемберг.

Продуктивная либеральная деятельность в этих уголках Германского союза была обусловлена рядом факторов. Во-первых, географическим положением – юго-западные земли граничили со свободомыслящими Францией и Швейцарией, в них достаточно сильно была развита внутренняя и внешняя миграция, сказывалось и влияние торговых путей. Во-вторых, вхождением этих государств в 1806-1813 гг. в Рейнский союз: распространенный на их территории Кодекс Наполеона заложил основу для дальнейшего конституционного развития¹⁹⁵.

По французскому образцу в 1818 г. была составлена либеральная конституция Бадена. Жители герцогства не только получали гражданские и политические права, но и возможность выдвигать законодательные проекты на рассмотрение в парламент (ландтаг). Однако последнее слово в принятии решения оставалось за великим герцогом Баденским¹⁹⁶.

В Предмартовский период наиболее узнаваемыми лицами баденского либерального движения стали Карл фон Роттек и Карл Теодор Велькер. Они отстаивали идеи конституционализма в парламенте и активно боролись за свободу

¹⁹⁴ Damen Conversations Lexikon. Bd. 3. Adorf, 1835. S. 130.

¹⁹⁵ Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999. С. 8.

¹⁹⁶ Там же. С. 10.

печати, скованную Карлсбадскими решениями. Результатом их стараний стало снятие цензуры, которое, однако, продлилось лишь полгода и завершилось закрытием газеты «Дер Фрайзинниге» («Свободомыслящий»), публиковавшейся Роттеком и Велькером в качестве рупора либеральных ценностей¹⁹⁷.

Однако баденские либералы не отчаивались. Несмотря на то, что участие в Гамбахском празднике 1832 г. закрыло для коллег двери к преподавательской деятельности, они не отказались от своих взглядов. Поэтому, когда летом 1832 г. Фридрих Лист, экономист национально-либеральной школы, обратился к Роттеку и Велькеру с предложением стать редакторами «Государственного лексикона», они, уже имея богатый публикационный опыт, охотно согласились¹⁹⁸.

«Государственный лексикон» под их редакцией начал публиковаться с 1834 г. Роттек и Велькер позиционировали его как «энциклопедию всех учений о государстве для всех сословий», в которую входили статьи по праву, истории, экономике, теологии и т.д. По сути, данное издание представляло собой расширенный словарь, определявший устойчивые концепты сквозь призму либеральных взглядов.

При поиске определения «нации» сразу бросается в глаза, что составители ставили знак равенства между этим термином и понятием «народ». Они также признавали, что народом нельзя назвать «просто толпу, у которой общие происхождение, язык и обычаи». Подобная группа людей не консолидируется естественным путем: полноценным народом она может стать только тогда, когда в ней оживет «осознание и чувство народного единства»¹⁹⁹.

Чтобы пробудить подобное ощущение, потенциальную нацию нужно «как и каждого человека, воспитать». Процесс должен идти без спешки и без принуждений, добровольно, «с помощью свободных дискуссий»²⁰⁰. Однако кому,

¹⁹⁷ Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма... М., 1999. С. 24-25.

¹⁹⁸ Там же. С. 26.

¹⁹⁹ Staats-Lexicon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 15. Altona, 1843. S. 727.

²⁰⁰ Staats-Lexicon ... Bd. 15. Altona, 1843. S. 729.

как не редакторам «Государственного лексикона», было знать о строгих ограничениях своего времени. Посему главной помехой в образовании нации называлась скованность «воли народа», которая «не может быть озвучена в истинной форме, коль нет свободной прессы, коль нельзя выражать мнение на свободных народных собраниях, коль народное представительство обладает лишь юридической функцией»²⁰¹.

С одной стороны, «Лексикон» высоко оценивал потенциал немецкой нации, которой от природы свойственны «любовь к истине и справедливости». С другой стороны, в вину немцам вновь вменялось то, что они слишком увлекаются духовными поисками и не обращают внимания на свою жизнь, робки в защите своих предпочтений и прав, не желая задеть права чужие. Чтобы преодолеть эти слабости, интеллектуалам эпохи давался следующий совет: не заниматься абстрактными штудиями, а обратиться «к реальной жизни, стать полезными их согражданам»²⁰².

Помимо активной гражданской позиции в настоящем стоило иметь и четкое представление о прошлом: «нужно знать почву, в которую сажаешь, и плуг, которым пашешь»²⁰³. Важность отечественной истории для либералов заключалась в «дефиниции нации, определении свободной, национальной немецкой сущности»²⁰⁴. Так идеалом для них становились средневековые города, в которых они видели гармоничное сочетание «древнегерманской национальной свободы» и государственной идеи²⁰⁵.

Несмотря на порицание «абсолютно ненемецкой и губительной неограниченности княжеской власти»²⁰⁶, «Государственный лексикон» осуждал и «неверные крайности», к которым относил Французскую революцию. Таким образом, народ и князья (которые не причислялись к нации в либеральном

²⁰¹ Staats-Lexicon ... Bd. 15. Altona, 1843. S. 728.

²⁰² Ibid. S. 730.

²⁰³ Ibid. S. 728.

²⁰⁴ Staats-Lexicon oder Encyklopädie... Bd. 4. Altona, 1837. S. 334.

²⁰⁵ Ibid. S. 335.

²⁰⁶ Staats-Lexicon oder Encyklopädie... Bd. 4. Altona, 1837. S. 335.

понимании) должны были действовать сообща, чтобы общество смогло «достичь соответствующего уровня национальности и свободы»²⁰⁷.

В прошлом параграфе уже упоминалось, что по сравнению с либеральными взглядами сторонники республиканского будущего Германии не стеснялись в острой критике правящего режима. Надежным инструментом для пробуждения немецкой нации и донесения необходимости «организации Германского рейха в демократическом смысле»²⁰⁸ для них были не энциклопедии, а пресса. Для достижения поставленной цели на страницах «Дойтче Трибюне» («Немецкой трибуны»), газеты, публиковавшейся с 1831 по 1832 гг. под редакцией Иоганна Августа Вирта, давались четкие дефиниции Германскому союзу и его политике.

В идеале «под понятием “Германский союз” должно было бы подразумеваться объединение немецких народов для поддержания и продвижения общих национальных интересов»²⁰⁹. С демократической точки зрения, в общих интересах нации было: назначение конституированного правительства, снятие таможенных внутренних границ, открытое правосудие во внутренней политике, поддержка гражданских и политических свобод, снятие цензуры и т.д.

В действительности же Германский союз был «мертв». Такой страны даже не существовало в европейской дипломатии: «на конференциях европейских держав все знают только австрийского и прусского министров, но никто никогда не слышал о министре Германского союза»²¹⁰. Таким образом, по мнению «Дойтче Трибюне», текущие власти придерживались «антигерманской» политики: вместо того чтобы быть гласом народа, они представляли собой ничто иное как «группку немецких дворов, поддерживающих сугубо аристократические цели»²¹¹.

В эти цели отнюдь не входило просвещение нации, о чём подробно было написано в заметке с говорящим названием «Почему союз князей пытается держать

²⁰⁷ Ibid. S. 337.

²⁰⁸ Dann O. Nation und Nationalismus... S. 107.

²⁰⁹ Deutsche Tribüne. Homburg, 1832. Nr. 3. S. 21.

²¹⁰ Ibid. S. 22.

²¹¹ Deutsche Tribüne. Homburg, 1832. Nr. 3. S. 21.

народ в дураках?»²¹². В безразличии к «грубости и глупости народа», в маленьких заработках учителей, в распространении образования лишь среди привилегированных слоев общества «Дойтче Трибюне» усматривала вполне осознанное бездействие князей. Ведь если простой человек перестанет быть неучем, прочтет законы и осознает свои права, то он не будет более «ослеплен сиянием короны» и заметит «жалких людей, притаившихся за ним»²¹³.

Этим же самозванцам «Дойтче Трибюне» вменяла в вину раскол среди немцев. Изначально народ был един и жил счастливо, но потом «пришли короли и начали делить землю и людей». Чтобы закрепить свою власть, каждый из них говорил своим новоявленным подданным: «вы не немцы, вы баварцы, пруссаки, австрийцы, вюртембергцы, саксонцы и т.д.»²¹⁴. Таким образом, с демократических позиций, сама история Германии лишний раз доказывала, что князьям чужд патриотизм и любовь к Отечеству: они готовы в любой момент разорвать его, преследуя свои корыстные интересы.

Итак, важным подспорьем в распространении национальных идей в Предмартовский период служили различные просветительские проекты. Энциклопедические издания и газеты стремились расширить свою читательскую аудиторию, интегрировав все слои немецкого общества в актуальный политический дискурс. Таким образом, популяризируя ценности свободы и характеризуя единое национальное государство в качестве самого благополучного варианта развития Германии, немецкие интеллектуалы первой половины XIX в. стимулировали национальное самосознание и способствовали пробуждению активного гражданского патриотизма.

Подводя итоги, можно заключить, что в первой половине XIX в. представление о немецкой нации детерминировалось двумя полюсами, расстояние между которыми увеличилось под влиянием революционных вызовов. С одной

²¹² Deutsche Tribüne... Nr.56. S. 441-443.

²¹³ Ibid. S. 443.

²¹⁴ Deutsche Tribüne... Nr.20. S. 156.

стороны, политический курс определяла преимущественно консервативно настроенная элита, воспринимавшая как угрозу демократические веяния французского соседа. С другой стороны, пробудилась «гражданская» нация, преследовавшая цель пересмотреть устройство государства, расширить свои политические права и объединить Германию.

Анализ понятий показывает, что дефиниция «нации» в изучаемый период допускала существование в раздробленном государстве (пространство опыта), но горизонтом ожиданий признавалось единое национальное государство, создание которого, однако, не входило в приоритеты князей. Поддерживая абстрактность культурной нации и защитно-интегральный патриотизм, официальные власти продолжали препятствовать национальным акциям и проектам, оспаривающим благотворность итогов Венского конгресса.

Неоднозначное отношение к текущим правителям стало одной из главных причин для разделения «друзей Отечества» на либеральное конституционное движение и демократическое движение протеста. Подобное расщепление прослеживается на уровне терминологии: вопрос о том, стоит ли включать князей в концепт «нации» оставался предметом дискуссий.

В определении «патриотизма», вне зависимости от специфики издания, звучал постоянный призыв к осознанной и активной гражданской деятельности. Положить начало пробуждению должен был процесс воспитания и образования нации, являвшийся целеполаганием всех крупных просветительских изданий первой половины XIX в. Таким образом, для консолидации в рамках национальных идей требовались яркие и понятные примеры для самоидентификации, отвечавшие переосмысленным представлениям о любви к Родине.

Глава 2. Наследие Мартина Лютера в контексте германского вопроса

2.1. Формирование немецкой идентичности в рамках празднования 300-летнего юбилея Реформации (1817 г.)

XIX в. можно справедливо назвать столетием юбилеев: ещё никогда круглые даты различных оснований и изобретений, переломных событий и побед, дней рождений и дней смерти не отмечались с такой завидной регулярностью. Подобная тенденция была характерна большей части европейских стран, которые, столкнувшись с революционными и военными потрясениями в начале века, стремились сплотить население и напомнить о славном прошлом. Исключением не стал и Германский союз, продолжавший поиски консолидирующей идеологии.

Согласно исследователям коммеморативных практик, яркие коллективные мероприятия оказывали непосредственное влияние на историческое сознание социума²¹⁵. Воскрешая в памяти «обосновывающее прошлое», праздники закладывали базис «идентичности вспоминающей группы»²¹⁶, массово распространяя «знания, закрепляющие идентичность»²¹⁷. Таким образом, представляется достаточно продуктивным рассмотреть 300-летний юбилей Реформации 1817 г. в качестве инструмента конструирования немецкой общности.

Вопрос влияния национального дискурса на проведение 300-летнего юбилея Реформации остается предметом дискуссий историков церкви, сосредоточенных на проблеме секуляризации духовного наследия Мартина Лютера. В немецкой историографии, с одной стороны, признается политическая ангажированность торжества²¹⁸, с другой стороны, выдвигается мнение, что синтез между Лютером и германством пока не обрел четкую форму. Исключением называется лишь

²¹⁵ Решина Л.П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М., 2020. С. 30.

²¹⁶ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 55

²¹⁷ Там же. С. 60.

²¹⁸ Meding W. Jubel ohne Glauben? Das Reformationsjubiläum 1817 in Württemberg // Zeitschrift für Kirchengeschichte Stuttgart. 1982. Bd. 93 (1). S. 119–160.

Вартбургский праздник буршей, чьи национальные призывы не подвергаются сомнению²¹⁹. Рассматривается и позиция властей, выдвинувших лозунг преодоления конфессиональных расколов, за которым, по мнению некоторых исследователей, скрывался продуманный шаг к национальному единству²²⁰.

Чтобы занять позицию в данной дискуссии, возьмем немного иной ракурс и сосредоточимся на консолидирующей и идентифицирующей риторике юбилейных текстов 1817 г. Выдвигая предположение, что коллективная идентичность, транслируемая в ходе 300-летней годовщины Реформации, имела уже не только конфессиональный характер, отметим основные признаки национальных нарративов. Исследователи обычно выделяют несколько шаблонов: централизацию мира вокруг одной нации, подчёркивание уникальности её опыта²²¹, героический образ «своих» и негативный образ «Другого», фокус на общих ценностях (традициях, культуре, языке), преемственность между славным прошлым и текущим настоящим (может использоваться как для легитимации существующего порядка, так и для ностальгии по утраченному)²²². Иначе говоря, если в рассматриваемых источниках прослеживаются приёмы, запускающие процесс национальной самоидентификации, можно говорить, что юбилей 1817 г. внёс свою лепту в развитие германской идентичности.

Единства в определении «посыла» юбилея не наблюдалось с самого начала: праздник стал полем столкновения мнемонических акторов, каждый из которых пытался закрепить свою версию «памяти» о Реформации. Выборка источников учитывает данный конфликт: так в основу параграфа легли официальные указы властей, выступления бурсы в Вартбурге, публикации лиц, не принадлежащих к

²¹⁹ Wendebourg D. Die Reformationsjubiläen des 19. Jahrhunderts: Bernd Moeller zum 80. Geburtstag // Zeitschrift für Theologie und Kirche. 2011. Bd. 108 (3). S. 270–335.

²²⁰ Lexutt A. Kernobst auf dem Markt der Möglichkeiten. Das Reformatorische in den Herausforderungen des langen 19. Jahrhunderts // Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 2018. S. 186.

²²¹ Гутнер Г.Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. Т. 17. №. 1. С.101.

²²² Заиченко О.В. Борьба с «Римом» — I. «Германский миф» как инструмент конструирования немецкой идентичности // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М., 2020. С. 351-352.

протестантской конфессии, надрегиональные и локальные нарративы и т.д. Идеологический эффект юбилея можно оценить, раскрыв, как различные стороны конструировали новый образ Реформации и как, несмотря на противоречия между ними, в коллективной памяти сложилась единая картина.

Базис к национальному переосмыслению наследия Мартина Лютера в рамках 300-летнего юбилея был заложен еще в период Наполеоновских войн. Обращаясь к немецкой нации в своих знаменитых речах, Фихте называл реформатора не иначе, как олицетворением «немецкой серьёзности и душевности»²²³. По мнению философа, «честное рвение» позволило Лютеру в своё время найти больше, чем он искал, сделало его «примером для всех будущих столетий». Таким образом, виттенбергский богослов служил наглядным воплощением «немецкого духа», который может достичь небывалых высот, коль приложит необходимые усилия и желание²²⁴.

Схожие характеристики давал Лютеру еще один вдохновитель немецкого национального движения – Фридрих Людвиг Ян. «Имя Лютера вечно славится среди великих умов его народа, даже среди противников его веры», – писал он в 1808 г., подчеркивая «бессмертную заслугу» реформатора в развитии немецкого языка²²⁵. В контексте пробуждения «народного духа» Ян также отмечал победу над папистами²²⁶.

Наглядным свидетельством неугасающего интереса к фигуре реформатора служит письмо Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832), датированное августом 1817 г.: «Боюсь только, что всеми этими стараниями дело [Реформации] станет столь ясным, что фигуры утратят свой поэтический, мифологический облик. Ведь, между нами говоря, во всём этом нет ничего интересного, кроме характера Лютера, и это вообще единственное, что импонирует толпе». Сетуя на «старания», писатель ссылался на «сотни сочинений», которыми «досаждающие» священники и учителя жаждали «восславить Реформацию». Столь необдуманная популяризация казалась

²²³ Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808. S. 143.

²²⁴ Ibid. S. 146.

²²⁵ Jahn F.L. Deutsches Volksthum. Lübeck, 1810. S.161.

²²⁶ Ibid. S. 19.

ему губительной, в связи с чем Гёте предлагал взять ситуацию под контроль, пока идеологический потенциал события не был окончательно утерян²²⁷.

Что поэт, что неодобряемые им популяризаторы смотрели на историю как на объект инструментализации. Хотя Гёте и признавал, что сама Реформация ему не слишком интересна, он, как и многие его современники, активно разрабатывал проекты для её празднования и искал «верную» интерпретацию, способную положительно повлиять на его эпоху. Таким образом, Гёте и его оппоненты были связаны усиленным переживанием настоящего, которое они пытались усовершенствовать с помощью примеров из прошлого, сконструированных по определенным жанровым правилам.

Не менее красноречиво о популярности обращения к прошлому свидетельствовало обилие публикаций, приуроченных к празднованиям 1817 г. «Мои ожидания были не то чтобы удовлетворены, они были значительно превышены,» – отмечал Карл Фридрих Михаеллес (1773–1847), составитель первого, «наиболее полного», перечня «Литературы трёхсотлетнего юбилея Реформации»²²⁸. В составленном собрании упоминалось более 600 работ, опубликованных в самых разных уголках Германского союза. При этом, в список были включены как сочинения, славящие Реформацию, так и труды, выступающие с её критикой.

К.Ф. Михаеллес намеренно не скрывал развернувшуюся «войну перьев»²²⁹, считая её дополнительным свидетельством равнодушия его современников. Однако рецепция Реформации отнюдь не ограничивалась её положительной или отрицательной оценкой. В первую очередь, споры велись о посыле самого празднования, об идеях, которое оно должно распространить.

Несмотря на то, что консолидирующий мотив красной нитью проходил сквозь праздничные тексты (автор даже выделял отдельную рубрику для

²²⁷ Von Goethe J. W. Briefwechsel zwischen Goethe und Knebel (1774-1832). Leipzig, 1851. S. 229

²²⁸ Michahelles K. F. Literatur der dritten Reformations-Säkularfeier: oder möglichst vollständiges Verzeichniß aller der Schriften welche in näherer oder entfernterer Beziehung auf das im Jahr 1817 gefeierte dritte Reformations-Jubelfest erschienen sind. Nürnberg, 1820. S. 3.

²²⁹ Ibid. S.4.

«Vereinigungsschriften»), а в пассажах, раскрывающих значение Реформации, то и дело встречались слова «Германия», «Отечество» и «свобода», необходимо признать, что в отобранной литературе речь шла, прежде всего, о духовном «единении» – будь то объединение лютеранской и реформаторской церкви или же примирение между католиками и протестантами.

Кейс о слиянии между лютеранской и реформаторской церквями Пруссии по инициативе короля Фридриха Вильгельма III (документ об унии был опубликован 27 сентября 1817 г. и приурочен непосредственно к юбилею) особенно показателен, наглядно отражая вмешательство светской власти в церковные дела с целью консолидации подданных. В своем обращении монарх открыто сожалеет, что «несчастный сектантский дух» разделял протестантскую церковь так долго, преувеличивая «несущественные» различия. Таким образом, и без того ослабленная идеями пиетизма и Просвещения, конфессиональная идентичность постепенно уступала место потребностям времени, что, однако, вызывало возмущение у приверженцев религиозного порядка²³⁰.

Представители официальной власти имели бесспорное преимущество перед другими инициативными группами, ведь именно их распоряжения утверждали торжества и задавали тон их проведения. Впервые Реформация отмечалась не только протестантскими князьями: организация праздника в исконно католических землях требовала особой риторики. Так в королевском указе Баварии протестантским подданным были даны настоятельные рекомендации – провести праздник «в мире и любви», не допуская чего-либо, что могло бы «помешать или навредить другим религиозным собратьям»²³¹.

Однако беглый взгляд на акты других государств Германского союза позволяет заметить, что примиряющие наставления были характерны и в обратной ситуации. К примеру, Королевство Вюртемберг, в котором исторически

²³⁰ Wendebourg D. Die preußische Kirchenunion von 1817 // Historische Kommission zu Berlin. 2021. S. 3-10.

²³¹ Schreiber C., Veillodter V. K., Hennings W. Allgemeine Chronik der dritten Jubel-Feier der deutschen evangelischen Kirche im Jahre 1817: Nebst einigen Nachrichten von dieser Feier in auswärtigen Ländern. Erfurt, 1819. S. 101.

преобладал протестантизм, подчёркивало, что «ни в коем случае нельзя злоупотреблять проводимым торжеством Реформации для возможного обострения и ожесточения отношений с теми, кто думает иначе»²³². Провокации во время праздников шли вразрез с «гуманностью эпохи», «основами религии» и «существующим политическим порядком»²³³.

Практическое объяснение подобным предостережениям уходит в геополитику. В начале века за Баварией закрепились земли с протестантским населением, в то время как Вюртемберг расширился за счёт католиков. Таким образом, официальный нарратив должен был учитывать этот фактор и не поддерживать какую-либо из сторон, всячески предостерегая многоконфессиональных подданных от конфликтов.

Подтверждают эту гипотезу и отчёты о проведении мероприятий в разных городах Баварии. Так в Аугсбурге «католические жители доказали, что почитают религиозные практики своих протестантских собратьев», помогая им с украшением церкви, а в Герсфельде Реформация и вовсе была названа «праздником братского сближения между двумя конфессиями». В целом, акцент делался на энтузиазм, с которым обе стороны встретили юбилей, благодаря «либеральным взглядам королевского правительства Баварии»²³⁴.

Несмотря на то, что приведённые тексты не апеллировали к общей немецкой идее, фокусируясь на консолидации внутри отдельных государств Германского союза, они всё же оказали довольно весомое влияние на развитие национального нарратива. Образ брата-католика, конфликт с которым давно исчерпал себя, поддерживался даже на правительственном уровне, заставляя протестантских писателей вновь задуматься о сущности зла, с которым боролся Лютер. Таким образом, уже не злостный католик, а «папист», римлянин, чужой, покушающийся на независимость Отечества противник занял эту нишу.

²³² Schreiber C., Veillodter V. K., Hennings W. Op.cit. S. 512.

²³³ Ibid.

²³⁴ Ibid. S. 107.

Переосмысление образа врага наиболее заметно в публицистике, однако его проявление можно обнаружить и в отчёте о проведении юбилея в Кёнигсберге. В нём обретение духовной свободы позиционировалось как предтеча свободы политической: если «300 лет назад Германия впервые могучей рукой сбросила с себя гнетущие оковы суеверий и фанатизма», то совсем недавно, «опередив все народы», она «избавилась от политического ига»²³⁵. В национальном пафосе прусского нарратива нет места конфликтам между конфессиями, а страна едина в своей борьбе против посягательств на её автономию.

В патриотическом пафосе образ гомогенной Германии существовал как в прошлом, так в настоящем и в будущем. Празднуя Реформацию, «Отечество» должно было стать примером «для других наций», а описание мероприятий, «проходивших в каждом немецком городе», необходимо было сохранить в архивах всех «немецких князей» для «будущих историков». При этом, рисуемая Родина не являлась синонимом Пруссии: речь в честь «дружелюбной дочери Германии» начиналась лишь после того, как автор подчёркивал важность хроники об общем празднике, которая может оказаться полезнее «некоторых дипломатических актов»²³⁶.

Национальный мотив не удивителен в нарративах одного из гегемонов Германского союза, в будущем объединившего страну под своей эгидой²³⁷. Однако его вариацию можно увидеть, обратившись и к источникам, по цели диаметрально противоположным официальным директивам. Юбилейный праздник стал поводом для активных выступлений бурсы, сплотившихся в «общем стремлении образовать народ»²³⁸.

18 октября 1817 г. около 400 студентов из 11 немецких университетов собрались в замке Вартбург²³⁹. Место было выбрано не случайно: именно здесь,

²³⁵ Schreiber C., Veillodter V. K., Hennings W. Op.cit. S. 317.

²³⁶ Ibid.

²³⁷ Berger S. The Search for Normality: National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800. Oxford, 1997. P. 22.

²³⁸ Kieser. D.G. Das Wartburgfest am 18. October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Jena, 1818. S. 96.

²³⁹ Wolgast E. Das Wartburgfest 1817 Reformationsgedenken und Protest gegen das Wiener System

скрываясь от своих преследователей в 1521–1522 гг., Лютер осуществил перевод Священного Писания на немецкий язык. Согласно тексту приглашений, встреча в столь символическом месте имела три повода: отпраздновать юбилей Реформации, битву под Лейпцигом и первую дружескую встречу немецкого студенчества²⁴⁰.

Поставленный в один ряд с героями «Битвы народов», образ Лютера получил подобающую интерпретацию: освободитель немецкого духа. Религиозный аспект Реформации уже не был важен, о чём косвенно свидетельствовал и подбор вартбургских ораторов, среди которых были и католики (например, Ф.В. Карове)²⁴¹. В речи Генриха Арминиуса Риманна (1793–1872), протестанта и теолога по специальности, подчёркивалось, что «вера Божья, чистоту которой вернул нам Лютер» является истинной, «только если она укоренена в родной почве, если находит в Отечестве применение – в сфере гражданской деятельности и в домашней жизни»²⁴².

Критикуя космополитизм, бурши в своих выступлениях стремились подчеркнуть заслуги реформатора перед нацией²⁴³. Переведя Писание, «немецкий Лютер» открыл «бесконечно богатые сокровища» своего языка²⁴⁴, его деятельность «пробудила» немцев, позволила им обрести свою самобытность. Категорически отрицалась и точка зрения, что Реформация лишь усугубила раздробленность Германии: «Не упрекайте его [Лютера], будто бы он стал причиной раздора и разобщенности своего народа; в том виноваты лишь его противники»²⁴⁵.

Вартбургский Лютер в целом не противоречил образу Лютера-просветителя, характерному большинству юбилейных текстов, но идеологический упор делался на свободу мысли, на его борьбу с несправедливостью, грозившую обрушиться на Отечество вновь. Следуя по стопам своего кумира, когда-то предавшего огню

// Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 2018. S. 272.

²⁴⁰ Kieser. D.G. Das Wartburgfest am 18. October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Jena, 1818. S. 92.

²⁴¹ Wolgast E. Das Wartburgfest 1817... // Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 2018. S.273.

²⁴² Kieser. D.G. Op.cit. S. 106.

²⁴³ Ibid. S. 123

²⁴⁴ Ibid. S. 109

²⁴⁵ Kieser. D.G. Op.cit. S. 106.

папскую буллу, студенты бросили в костёр «инструменты и памятники древнего немецкого порабощения»²⁴⁶: прусский уланский корсет и австрийскую палку капрала. Так выразилось их отношение к политике двух гегемонов германских земель и заданному ими курсу.

Преданы огню были и книги, которые, с точки зрения буршей, поддерживали пагубные для Германии идеи. Среди сожженной литературы оказалась «Германомания»²⁴⁷ публициста Саула Ашера. Будучи сторонником реформистского иудаизма, Ашер считал, что образ Лютера должен служить символом ценностей Просвещения, религиозной терпимости, положительного обновления «христианской религиозности»²⁴⁸. В «Германомании» он активно критиковал национальные лозунги Фихте, Арндта и пр., из-за которых «христианство и германство сливались воедино»²⁴⁹.

Узнав, что протест против «германизации» Реформации обрёл его сочинение на Вартбургский костёр, Ашер не тянул с ответом. В 1818 г. он опубликовал новую работу под названием «Вартбургский праздник. Относительно политической и религиозной ситуации Германии». Данный труд примечателен не только тем, что наглядно демонстрирует конфликт юбилейных нарративов, но и тем, что вновь подтверждает процесс сознательного конструирования национальной идеи, который не остаётся незамеченным представителем «извне».

В своей работе Ашер заявлял, что Вартбургский праздник шел вразрез со всеми заповедями Реформации: «не дух Лютера парит над этими его прославителями»²⁵⁰. Основная мысль его критики сводилась к тому, что студенты заключили идеи протестантизма в национальные рамки, сделав из него «истинно немецкую веру», распределяющую права разума и свободы лишь среди немцев²⁵¹.

²⁴⁶ Fries J.F. Reformationsfeier auf der Wartburg // Bremer Zeitung. 1817. den 2. November (Nr. 305/306). S.158.

²⁴⁷ Ascher S. Die Germanomanie. Skizze zu einem Zeitgemälde. Berlin, 1815.

²⁴⁸ Wendebourg D. Die Reformationsjubiläen des 19. Jahrhunderts: Bernd Moeller zum 80. Geburtstag // Zeitschrift für Theologie und Kirche. 2011. Bd. 108 (3). S. 325.

²⁴⁹ Ascher S. Die Germanomanie. Skizze zu einem Zeitgemälde. Berlin, 1815. S. 15.

²⁵⁰ Ascher S. Die Wartburgs-Feier. Mit Hinsicht auf Deutschlands religiöse und politische Stimmung. Leipzig, 1818. S.33.

²⁵¹ Ibid. S.18.

Признавая величие Лютера, Ашер всячески порицал его «германизацию», отнимающую его у остального человечества: так он обвинял бурсу в бесцеремонном использовании образа реформатора для сплочения протестантской Германии²⁵².

Особый упор на национализацию Реформации был замечен за Вартбургским праздником ещё современниками, однако сложно назвать его единственным исключением, поставившим знак равенства между Лютером и «всем немецким». Возможно, иные примеры выражали эту позицию менее ярко, однако характерные черты национальных нарративов проявлялись и в других текстах, приуроченных к 1817 г.

«Мы не можем скрыть, что о многих вещах думаем сегодня иначе, чем думали люди, отмечающие юбилей двести и даже сто лет назад», – писал в 1816 г. протестантский теолог Филипп Конрад Мархайнеке (1780–1846). Выпустив в честь 300-летия труд под названием «История немецкой Реформации», Мархайнеке не только рефлексировал о переменах в восприятии исторического события, но и сам вносил лепту в укрепление новой интерпретации. Называя Реформацию «ядром немецкой истории»²⁵³, автор отмечал, что «никто никогда не любил свое Отечество больше и горячее, чем Лютер». Таким образом, ключевой целью реформатора, согласно Мархайнеке, становилась «Германия, объединенная верой, которая сплотилась в любви и освободилась от позорного ига чужеземного владычества»²⁵⁴.

Характеризуя Лютера как патриота своей Родины, стремящегося к ее освобождению и консолидации, Мархайнеке видел важный урок истории в причинах того, почему благому порыву не удалось увенчаться успехом. Объединению Германии помешало и вековое влияние «коварного Рима», и незрелость императора Карла V, который «не понимал нас [немцев] и не учился тому, чему мог бы научиться в Германии», и равнодушие «духовных правителей к

²⁵² Ibid. S.4.

²⁵³ Marheineke P. Geschichte der teutschen Reformation. Erster Teil. Berlin, 1816. S. XXV.

²⁵⁴ Ibid. S. XII.

благополучию своего народа»²⁵⁵. Таким образом, «если бы римское духовенство в Германии возвысилось до патриотической идеи», если бы прислушалось к «тоске народа», то и «Германия не была бы разорвана на части, не стала бы легкой добычей для иностранцев», не было бы кровопролития за веру и Тридцатилетней войны²⁵⁶.

Тенденция к рассматриванию Реформации в контексте национальной истории сопровождалась прогрессирующей персонализацией исторического события. «Литература трёхсотлетнего юбилея Реформации»²⁵⁷ отводила отдельное место не только жизнеописаниям Лютера, но и биографиям его сподвижников. В фокус авторов всё чаще попадали подвиги Ульриха фон Гуттена, «освободителя своего Отечества»²⁵⁸, или труды Филиппа Меланхтона, отличавшегося «немецкой любовью к свободе»²⁵⁹. Подобные тексты конструировали образы национальных героев, образцов для подражания, близких всем слоям населения.

Чествуя Реформацию, авторы не только расширяли её пантеон, включая сторонников Лютера, но и старались углубить его истоки. К примеру, Август Мозер в работе «Лютер или история Реформации» пытался показать, что виттенбергский богослов далеко не первый человек, запустивший процесс «освобождения». Так среди предшественников упоминаются Иоганн Гутенберг, Иоганн Рейхлин и многие другие – примечательно, что после каждого имени автор добавлял фразу «тоже немец»²⁶⁰.

Ещё дальше заходит работа Антона Теодора Эффнера «Д-р. Мартин Лютер и его современники», в которой реформатор становился преемником легендарного

²⁵⁵ Marheineke P. Op.cit. S. XIII.

²⁵⁶ Ibid.

²⁵⁷ Michahelles K. F. Literatur der dritten Reformations-Säkularfeier: oder möglichst vollständiges Verzeichniß aller der Schriften welche in näherer oder entfernterer Beziehung auf das im Jahr 1817 gefeierte dritte Reformations-Jubelfest erschienen sind. Nürnberg, 1820.

²⁵⁸ Becker G. W. Luther und seine Zeitgenossen: oder Ursachen, Zweck und Folgen der Reformation. Leipzig, 1817. S. 77

²⁵⁹ Moser A. Luther oder die Reformationsgeschichte. Leipzig, 1817. S. 43.

²⁶⁰ Ibid. S. 8.

Арминия²⁶¹: оба боролись с «гордым Римом и его разбойниками», оба «освободили Родину от оков»²⁶². Образ врага рисовался не только за счёт контрастных эпитетов: к прегрешениям «Рима» автор относил и негативное влияние на целые народы, из-за которого они «стали невосприимчивы к таким словам как Отечество, национальная слава, религия»²⁶³. Таким образом, под обретением свободы в результате Реформации подразумевалась не только свобода духовная, но и национальная.

Хотя Эффнеру важно отметить масштабность подвига Лютера – он спас не только свою Родину, но и всё человечество, сам образ богослова привязан к родной земле. Автор активно подчёркивал его «немецкость», обращаясь к нему не иначе как к «гению Германии»²⁶⁴, «достоинейшему гражданину Германского Отечества»²⁶⁵, «великому немецкому человеку»²⁶⁶. «Такого свободного благородного человека как Лютер миру не подарила ни одна нация!»²⁶⁷ – пафос заключительной фразы только усиливал релевантность национального аспекта.

В сочинении Георга Генриха Кайзера с говорящим названием «Как нам найдостойнее отметить Лютера и Реформацию в день основания последней?»²⁶⁸ черты просветителя и национального героя тоже сливаются воедино. Автор, знаменитый своими работами по истории и культуре Баварии, подчёркивал, что виттенбергский богослов, «если кратко его охарактеризовать», являл собой «образец немецкой силы»²⁶⁹, вёл праведную «немецкую жизнь», потому и стал «немецким героем как своего времени, так и времени его потомков»²⁷⁰. Достойное

²⁶¹ Effner A. T. Dr. Martin Luther und seine Zeitgenossen: dargestellt in einer Reihe charakterisirender Züge und Anekdoten: zur würdigen Feyer des III-ten Jahrhunderts der Reformation. Augsburg, 1817. S. 8.

²⁶² Ibid. S. 9.

²⁶³ Ibid. S. 3.

²⁶⁴ Ibid. S. 4.

²⁶⁵ Ibid. S. 5.

²⁶⁶ Ibid. S. 11.

²⁶⁷ Ibid. S. 12.

²⁶⁸ Kayser G.H. Wie feyern wir Luthern und die Reformation am Stiftungstage der letztern am Würdigsten? Augsburg, 1817.

²⁶⁹ Ibid. S. 6.

²⁷⁰ Ibid. S. 11.

празднование Реформации, согласно Г.Г. Кайзеру, заключалось в сохранении и распространении «основ наших предков»²⁷¹. На этом примере вновь прослеживается выстраивание гомогенного прошлого Германии, в которой предки разделяют общие ценности, даже с учётом того, что в XIX в. годовщина Реформации официально отмечалась в Баварии впервые²⁷².

Можно было бы предположить, что конструирование общей идентичности преследовало сугубо практическую цель: расширение читательской аудитории, не сводящейся к населению одной из земель. Однако в речах, произнесённых в относительно узких кругах, также отводилось место для общенемецкого национального посыла. Чтобы в этом убедиться, обратимся к отдельным локальным нарративам, на примере которых можно проследить рецепцию Реформации как в церковной, так и академической сферах.

Юбилейная проповедь, прочитанная в объединённой евангелической церкви Майнца, показывает, что и в церковных стенах царила национальная гордость. Она проявлялась в одушевлении Германии («матери и кормилицы стольких великих и славных людей»²⁷³) и её воспеании за то, что «среди тысяч и тысяч творений» божественный выбор пал именно на её сына. Мотив избранности превращал Лютера в символ немецкой добродетели, делая его имя нарицательным: оратор искренне надеется, что в их «Отечестве ещё родится второй Лютер»²⁷⁴.

Более приземлённый образ реформатора воссоздал профессор теологии и философии Генрих Эбергард Готлоб Паулюс (1761–1851), выступая 31 октября перед студентами Гейдельбергского университета. Заголовок его речи сразу выдавал фокус на локальной истории: «И в Гейдельберге бывал доктор Мартин Лютер»²⁷⁵. Повествуя о Гейдельбергском диспуте 1518 г., после участия в котором богослов выпустил новые тезисы, Паулюс не только закреплял за городом место

²⁷¹ Ibid. S. 26

²⁷² Wendebourg D. Die Reformationsjubiläen des 19. Jahrhunderts: Bernd Moeller zum 80. Geburtstag // Zeitschrift für Theologie und Kirche. 2011. Bd. 108 (3). S. 278.

²⁷³ Die Feier des dreihundertjährigen Jubelfestes der Reformation in der vereinigt-evangelischen Kirche zu Mainz. Mainz, 1817. S.23.

²⁷⁴ Ibid. S. 24.

²⁷⁵ Paulus H.E.G. Auch zu Heidelberg war Doctor Martin Luther. Heidelberg, 1817.

памяти, но и стремился вписать его в закономерный процесс становления Реформации, который не ограничивался октябрьской публикацией 1517 г. Таким образом, успех Лютера не привязывался к границам какой-либо земли, а изображался «электрической искрой, пронёсшейся через всю Германию»²⁷⁶.

Мотив преемственности и эволюции не только задавал интерпретацию самой Реформации, но и пробуждал интерес к её прошлым юбилеям. Вслед за Ф.К. Мархайнеке многие немецкие интеллектуалы сходились во мнении, что праздник 1817 г. отличается от предыдущих. Если одним важно было отстоять его неутраченную духовность, которая теперь просто шла в ногу с прогрессом (примирение с католиками как признак «улучшения церкви») ²⁷⁷, то другие не боялись синтезировать духовные и патриотические аспекты. Так для протестантского теолога Валентина Карла Файллодтера (1769–1828), написавшего историю юбилея XVII в., предстоящий юбилей, который «горячо ждут все немцы», должен был стать «религиозным национальным праздником Германии»²⁷⁸.

В этой же работе высказывались надежды, что «благочестивый дух, который так достойно выразился в праздновании победы 18 октября»²⁷⁹, проявится и в мероприятиях в честь юбилея. «Общая хроника третьего юбилея Реформации» так же упоминала «праздник победы» и «волнение», которое он оставил за собой Реформации²⁸⁰. Иначе говоря, связь между национально-освободительным праздником и праздником веры отмечалась отнюдь не только прусскими идеологами или буршами.

«Мы должны отпраздновать этот праздник с правильным посылом»²⁸¹, – настаивал в своей корреспонденции Гёте, кропотливо работавший над эскизами для памятника в честь Лютера. Поэту также импонировала мысль отпраздновать

²⁷⁶ Ibid. S. 14.

²⁷⁷ Schreiber C., Veillodter V. K., Hennings W. Op.cit. S. 16.

²⁷⁸ Veillodter V. K. Erinnerungen an die zweite Jubelfeier der Reformation im Jahre 1717: hrsg. bei der Annäherung des dritten Secularfestes. Nürnberg, 1817. S. 6.

²⁷⁹ Ibid. S. 7.

²⁸⁰ Schreiber C., Veillodter V. K., Hennings W. Op.cit. S. 16.

²⁸¹ Goethe J. W. v. An Zelter. Weimar, den 14. November 1816. Cit. ex: Johann Wolfgang von Goethe: Werke, hrsg. im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen. Bd. 27. Weimar, 1903. S. 237.

юбилей Реформации 18 октября, в день победоносного завершения битвы под Лейпцигом. Таким образом, консолидирующий потенциал исторических дат ставился немецкими интеллектуалами куда выше триумфа протестантизма.

Подводя итоги, можно заключить, что консолидация общества, проводимая в рамках 300-летнего юбилея Реформации, не могла больше ограничиваться конфессиональной идентичностью. С приобретением новых территорий многие государства Германского союза начали придерживаться политики многоконфессиональности, чтобы избежать религиозных конфликтов среди подданных. В связи с чем, на официальном уровне праздник в честь учения Мартина Лютера преподносился в качестве общего «улучшения церкви», которое должно было преодолеть вековые разногласия между католиками и протестантами.

Однако не все интерпретации юбилея довольствовались сглаживанием конфликта конфессиональных идентичностей: во многих юбилейных нарративах на первый план начинает выходить идентичность национальная. Признаки её конструирования проявляются в сравнении с праздником в честь национального освобождения, в создании пантеона национальных героев, обладателей черт национального характера, в проведении линий преемственности, уходящих корнями в славное прошлое. К гомогенному образу Германии начинают апеллировать группы с абсолютно противоположными интересами: если в пафосе одного нарратива этот образ служит для легитимации консолидирующих интенций Пруссии, то в другом – это призыв для сплочения бурсы, находящейся на грани потери свободного единого Отечества.

Осознанное формирование иной, прежде нетипичной для рецепции Реформации, идентичности не остаётся незамеченным для современников. 300-летие 95 тезисов ознаменовалось спорами вокруг истинного посыла праздника, уверениями в его неутраченной духовности и критикой со стороны лиц, оказавшихся вытесненными из новой, набирающей силы, коллективной идентичности. Таким образом, несмотря на конфликт интерпретаций вокруг юбилея, национальная идея упрочила свои позиции, расширив зону влияния за счёт эффективно актуализированных исторических образов.

2.2. Рецепция Реформации в периодической печати Германского союза

Первый повсеместный юбилей Реформации в германских землях наглядно продемонстрировал, что интерпретация исторического события вовсе не была гомогенной. Образ Лютера – борца за свободомыслие, воспеваемый буршами у стен Вартбургского замка, достаточно сильно отличался от портрета реформатора, рисуемого прусской консервативной публицистикой. Дело виттенбергского богослова несло разный посыл, хотя в обоих случаях он выступал в качестве национального символа.

Причины столь заметного конфликта рецепций уже были обозначены в первой главе исследования: для немецких земель XIX столетия была характерна «политическая конкуренция двух наций»: национального союза князей и «современной нации», представленной народными слоями²⁸². Если правящая элита продолжала транслировать рейхспатриотизм консервативного толка, то «гражданская нация», укрепившая свои позиции с развитием бюргерской интеллигенции, отстаивала народные права²⁸³.

Хотя многие князья и поддерживали укрепление немецкого национального сознания, создание централизованного национального государства в гражданском понимании не входило в их приоритеты²⁸⁴. Требования представителей народа оставались без ответа, как и желание построить страну, в которой суверенитет будет принадлежать совокупности граждан²⁸⁵. Внешний фактор также влиял на понимание патриотической деятельности. В Германском союзе был распространен как внешний патриотизм, направленный против иностранного влияния, преимущественно Франции, так и эмансипационный, который, напротив, выстраивался на вере в братство народов²⁸⁶.

²⁸² Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München, 1993. S. 35.

²⁸³ Ibid. S. 80.

²⁸⁴ Langewische D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat: Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Neue Politische Literatur. Berichte aus Geschichte und Politik wissenschaft. 1995. Vol. 40. S. 206.

²⁸⁵ Dann O. Op.cit. S. 94.

²⁸⁶ Siemann W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Einheit der Nation und Zwietracht der Nationalitäten // Die deutsche Nation: Geschichte-Probleme-Perspektiven. 1995. S 25-26.

Принимая во внимание специфику развития немецких национальных идей, обратимся к текстам, которые наиболее ярко отражают разнообразие национальных нарративов, выстраиваемых вокруг наследия Реформации. При поиске источников, удовлетворяющих запросам, выбор пал на периодическую печать Германского союза 1830-х гг. Начало данного десятилетия ознаменовалось положительными результатами для борцов за свободу слова. Прогрессивная пресса, подвергнутая тщательному контролю из-за Карлсбадских решений 1819 г., вновь возродилась на немецком юго-западе: в Бадене и Баварии. Обусловлено это было тем, что именно эти земли, некогда входившие в Рейнский союз и находившиеся под сильным влиянием французских идей, сохранили больше возможностей для отстаивания прав и свобод личности²⁸⁷.

В марте 1831 г. ландтаг герцогства Баден принял закон о свободе печати. Карл фон Роттек и Карл Теодор Велькер, стоявшие за продвижением данного проекта, не стали медлить и со вступлением закона в силу приступили к изданию газеты «Дер Фрайзинниге» («Свободомыслящий»), популяризовавшей либеральные идеи²⁸⁸. Параллельно в Баварии вел свою борьбу с цензурой Иоганн Август Вирт: его газета «Дойтче Трибуне» («Немецкая трибуна»), впервые увидевшая свет в июле 1831 г., стала рупором демократической оппозиции²⁸⁹.

Однако под давлением системы Меттерниха век бесцензурной прессы был весьма короток. В марте 1832 г. попала под запрет «Дойтче Трибуне», в июле того же года был закрыт «Дер Фрайзинниге». Просуществовав столь недолго, эти газеты, тем не менее, наглядно отразили либеральные и демократические взгляды своего времени. Охотно обращаясь к историческим примерам, издатели не оставляли без внимания и Реформацию Лютера – к большому недовольству публицистов консервативного толка. Чтобы убедиться в конфликте интерпретаций,

²⁸⁷ Ростиславлева Н.В. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью // *Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.* М., 2021. С. 289.

²⁸⁸ Ростиславлева Н.В. Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20–30-е годы XIX века // *Европейский альманах 2003. История, традиции, культура.* М., 2004. С. 97.

²⁸⁹ Dann O. *Nation und Nationalismus...* S. 107.

рассмотрим выпуски «Евангелише Кирхен-Цайтунг» («Евангелической церковной газеты») под редакцией Эрнста Вильгельма Генгстенберга (1802–1869), и сопоставим её с «Хисториш-политише Блэттер фюр дас католише Дойтчланд» («Историко-политическими заметками католической Германии») Георга Филлипса (1804–1872) и Гвидо Гёрреса (1805–1852).

Предлагаемый компаративный анализ поможет обнажить механизмы, с помощью которых велись «войны памяти». Руководствуясь подходами *memory studies*, обозначим метаморфозы образа Реформации, менявшегося в зависимости от политической направленности того или иного нарратива. Таким образом, в данном параграфе будут продемонстрированы не только различные векторы немецкой идеологии первой половины XIX в., но и то, как отсутствие гомогенной национальной идеи отразилось на конструировании популярных символов прошлого.

Итак, газета «Дер Фрайзинниге» («Свободомыслящий») стала первой ежедневной газетой Германского союза, избавленной от цензуры. На ее страницах звучали не только призывы к единению сторонников немецкого либерализма, но и публиковались подборки о реформах в других странах, например, о подготовке парламентской реформы в Англии. Даже после закрытия газеты по итогам реакционных решений Союзного сейма, редакторы Роттек и Велькер не отчаялись и продолжили настаивать на том, что бой еще не проигран и необходимо дальше «мужественно бороться за право, свободу и конституцию»²⁹⁰.

Либералам было важно подчеркнуть, что они против эскалации политической ситуации: «усилия подавляющего большинства немецкой нации до сих пор были направлены лишь на мирное правовое оформление земельных и федеральных конституций с соблюдением княжеских прав»²⁹¹. Доказывая свои мирные намерения, авторы взывали и к князьям лично, прося их «ослабить путы Германии», ведь народ все еще «надеется и уповает на то, что его правители захотят

²⁹⁰ Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии: Карл фон Роттек. М., 1999. С. 26.

²⁹¹ Der Freisinnige. Freiburger politische Blätter. Freiburg im Breisgau, 1832. Nr. 140. S. 563.

стать Леопольдами²⁹², чтобы в будущем заслужить их бесконечную благодарность и славу»²⁹³. Вместо революции, в которой обычно заинтересованы лишь «реакционные губители нации»²⁹⁴, либералы избирали иной путь – государственную Реформацию.

В заметке под заголовком «Народные настроения в пользу национальности и свободы» представлена картина эволюции от Реформации духовной к Реформации политической. «Германия начала свое реформирование с духа, освободила веру», затем важным шагом стало изобретение прессы, а теперь «настало время для политической реформации и обращения к народному благосостоянию»²⁹⁵.

Проводя линии преемственности, либералы также использовали образ Реформации, чтобы отстаивать независимость печати. Ведь «снова, как в начале немецкой Реформации» даже «словечко» может всё изменить. Если в XVI в. мечом духовным было Евангелие, то для их эпохи выкован меч политический – свободная пресса²⁹⁶.

Ещё более усиливает данную параллель отрывок из французской газеты «Тэмпс», специально переведенный для читателей «Дер Фрайзинниге». В нем борьба за свободу вероисповедания рассматривается как «мощный рычаг», значительно сокративший путь к политической свободе. Лютер нашел в себе мужество «предстать перед Карлом V в одиночку» и, несмотря на все сложности, выпавшие на его долю, «десять лет спустя половина Германии была протестантской». Вдохновляясь этим примером, автор текста выражал надежду, что «как и религия, немецкая свобода обретет своего Лютера»²⁹⁷.

Не только в переведенной статье, но и в авторских нарративах «Дер Фрайзинниге» фигура Лютера рисовалась в героическом свете. Его фамилия помещалась в ряд «достойных предков», соседствуя с Иоганном Гутенбергом,

²⁹² Речь идет о великом герцоге Баденском, который одобрил закон о свободе печати.

²⁹³ Der Freisinnige... Nr. 46. S. 188.

²⁹⁴ Der Freisinnige ... Nr. 140. S. 563.

²⁹⁵ Der Freisinnige... Nr. 46. S. 188.

²⁹⁶ Der Freisinnige... Nr. 101. S. 409.

²⁹⁷ Der Freisinnige... Nr. 139. S. 562.

Вильгельмом Теллем и Бенджамином Франклином²⁹⁸. Мартина Лютера и Яна Гуса возводили в пример для подражания: как людей, твердо отстаивавших свои убеждения²⁹⁹.

Несмотря на рассмотрение Реформации сквозь призму космополитического контекста, отвечавшего позициям главных редакторов, на страницах «Дер Фрайзинниге» дело Лютера выступало и одним из ключевых эпизодов в процессе развития непосредственно немецкой нации. Лютер сделал первый шаг на пути к прогрессу – к свободе слова общества, запустив механизм, подготовивший немцев к новым преобразованиям. При этом, делался акцент, что боролся он в основном своим красноречием, обращаясь за поддержкой к князьям, что также отвечало либеральному идеалу сотрудничества между властью и народом. Оставалось лишь найти такого же «Лютера», который смог бы провести политическую Реформацию либерального толка.

Искали своего Лютера и демократы, однако в их интерпретации избранный герой приобретал новые краски. Разница наглядно прослеживается на страницах «Дойтче Трибюне», небезосновательно привлечшей к себе внимание цензоров с самого первого выпуска. Если Роттек и Велькер, осуждая абсолютную власть князей, все же надеялись на диалог, то основатель данной газеты, Иоганн Август Вирт, был неумолим в описании пропасти между правителями и народом³⁰⁰.

Открыто критикуя власти Германского союза, Вирт призывал не отчаиваться. В прошлом немецкий народ неоднократно доказывал, что его не так просто покорить. «Кто сверг вероломное монашество с его высочайшего трона, с которого оно бросало молнии по всей Европе? Кто защитил священный огонь просвещения, забрезживший в народах после долгой ночи средневековья, и спас последующие века?»³⁰¹ – так на страницах «Дойтче Трибюне» Реформация Лютера разжигала пламя национальной гордости.

²⁹⁸ Der Freisinnige... Nr. 15. S. 64.

²⁹⁹ Der Freisinnige... Nr. 89. S. 361.

³⁰⁰ Подробнее см. п. 1.2.

³⁰¹ Deutsche Tribüne... Nr. 65. S. 513.

Что в национальных нарративах либералов, что в национальных нарративах демократов фигурировал мотив «второго пришествия»: «рано или поздно царство божественного права найдет своего Лютера в Германии». Разница заключалась лишь том, что в демократической газете его противники назывались прямо: с «немецким мужеством в сочетании с немецкой настойчивостью» ему суждено сокрушить «деспотизм князей»³⁰².

Однако «Дойтче Трибуне» публиковала и альтернативные взгляды на события Реформации. К примеру, в выпуск от 4 февраля 1832 г. вошел отрывок из «интересной брошюры одного гениального француза». Речь шла о работе «Германия и революция» историка Эдгара Кинэ (1803–1875), которая, по мнению редактора, хоть и имела «искаженные суждения», но все же представляла «довольно оригинальную картину положения Германии, которой стоит поделиться»³⁰³.

С точки зрения французского историка, именно XVI в. подверг монархический принцип «такой глубокой и заметной тряске», что его нельзя было более считать нерушимым. Если бы Реформация могла свершиться без каких-либо препятствий, то «у Германии даже была бы вероятность построить республику раньше, чем в Северной Америке». Тем не менее Кинэ отмечал, что хоть «духовный переворот» Лютера и заложил основу для германской конфедеративной республики, в то же время Германия столкнулась с ужасной катастрофой³⁰⁴.

Говоря о негативных последствиях Реформации, автор проводил параллели с Францией при Мирабо и Робеспьере: «глубоко почитая старания своего доктора, Германия не забывает в день его памяти и то, что он провел свою страну сквозь реки крови». Хоть и будучи республиканцем, Кинэ предостерегал от крайностей революции: «достаточно одного человека, чтобы развеять монархический принцип в пыль», но приняв к сердцу урок истории, нынче «этот человек, скорей всего, пройдет мимо»³⁰⁵.

³⁰² Ibid. S. 514.

³⁰³ Deutsche Tribüne... Nr. 30. S. 237.

³⁰⁴ Ibid. S. 238.

³⁰⁵ Deutsche Tribüne... Nr. 30. S. S. 238.

Подобный пример показывает, что «Дойтче Трибюне» позволяла читателям ознакомиться с разными интерпретациями одного и того же исторического события, учитывая и взгляд «извне». Для данной газеты Реформация служила вдохновляющим примером из прошлого, доказывающим, что народу под силу сбросить оковы и вернуться к своему естественному свободному состоянию: только если в XVI в. чуждым элементом в жизни нации было монашество, то теперь им стала монархическая элита.

Итак, в либеральной и демократической рецепции Реформация Лютера имела светский характер: хоть она признавалась освободительницей духа, для авторов куда важнее было изобразить её как ступень в прогрессе нации, как символ успешной борьбы за свободу слова, как консолидирующий пример для современников. Однако нельзя сказать, что дебаты между католиками и протестантами, столь актуальные в век Лютера, совсем исчезли со страниц периодических изданий первой половины XIX в. Теологическая полемика вокруг Реформации актуализировалась в консервативной печати (приверженцам немецкой консервативной мысли в целом была характерна конфессиональная разобщённость³⁰⁶), что особенно заметно в сравнении «Евангелише Кирхен-Цайтунг» («Евангелическая церковная газета») и «Хисториш-политише Блэттер фюр дас католише Дойтчланд» («Историко-политические заметки католической Германии»).

На вопрос о политическом курсе «Евангелише Кирхен-Цайтунг» её главный редактор Эрнст Вильгельм Генгстенберг отвечал следующим образом: «вся наша политика заключается в безусловном повиновении властям, если их повеления не противоречат Божьим заповедям, содержащимся в Писании». По его мнению, придумывать политическую цель вообще было делом безвкусным, свое издание он мыслил не как социальную партию, а как «орган протестантской церкви», который защищал бы истинное учение от новых ложных интерпретаций³⁰⁷.

³⁰⁶ Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005. С.428.

³⁰⁷ Evangelische Kirchen-Zeitung. Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 6. Berlin, 1830. Nr.2. S. 10.

Тем не менее именно в этой газете некоторые исследователи усматривают истоки прусского консерватизма³⁰⁸. Уже спустя год после своего основания в 1827 г. «Евангелическая церковная газета» насчитывала 800 подписчиков, сформировав постоянную читательскую аудиторию³⁰⁹. Хотя главной целью издания по-прежнему оставалось прояснение доктринальных и внутрицерковных вопросов, опора на Священное Писание, с точки зрения Генгстенберга, была актуальна и в вопросах политических³¹⁰. Таким образом, Евангелие становилось базисом церковно-политического подхода к государственному устройству, а активная религиозная позиция оказывала непосредственное влияние на развитие прусской консервативной среды.

Принимая во внимание целеполагание газеты, неудивительно, что рецепция Реформации была одной из важнейших тем её фокуса. Генгстенберг писал: «Когда мы здесь говорим о Реформации, вдвойне необходимо уточнить, что мы под ней имеем в виду». По мнению издателя, сам термин был «чужим словом», которое «не получило постоянного значения путем ежедневного употребления в устах народа». В связи с этим, им постоянно «злоупотребляли писатели», навязывая свои искаженные интерпретации³¹¹.

Согласно «Евангелише Кирхен-Цайтунг», нельзя было использовать термин «реформирование» в качестве простого синонима «перемен» или «улучшений»: эти слова представлялись достаточно абстрактными и могли приобрести полноценный смысл лишь тогда, «когда человек слышит — что и как должно быть улучшено»³¹². Осторожность автора подчеркивала его неприятие революционных интерпретаций: «недовольство самопровозглашенными реформаторами породило во многих предубеждение против всей Реформации, в которой видят лишь прикрытие для тех, кто хочет перевернуть все существующее с ног на голову»³¹³.

³⁰⁸ Achtelstetter L.C. Prussian Conservatism 1815–1856: Ecclesiastical Origins and Political Strategies. 2021. P. 80.

³⁰⁹ Ibid.

³¹⁰ Ibid. P. 103.

³¹¹ Evangelische Kirchen-Zeitung. Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 11. Berlin, 1832. Nr.56. S. 528

³¹² Ibid.

³¹³ Evangelische Kirchen-Zeitung... Bd. 11. Berlin, 1832. Nr.56. S. 528.

Желая отстоять честь слова, закрепившегося за «реальным и важным событием в истории христианства», «Евангелише Кирхен-Цайтунг» напоминала, что Мартин Лютер и его ученики понимали под ним «обновление или возрождение первоначального уклада». Таким образом, лютеранская Реформация должна трактоваться лишь как «попытка лютеран вернуть христианскую Церковь во всех отношениях к первоначальному устройству»³¹⁴. Не сомневаясь в том, что государство может управлять церковью, Генгстенберг не забывал подчеркнуть, что в борьбе за чистое учение именно в мирских государях Лютер нашел своих самых надежных покровителей³¹⁵.

Будучи достаточно догматичным в своих суждениях, редактор «Евангелише Кирхен-Цайтунг» считал своим главным врагом рационализм, против которого он неоднократно высказывался³¹⁶. Например, на страницах газеты регулярно высмеивались любители вписывать Реформацию в контекст общего развития человечества. Крамолой было называть Лютера и Цвингли лишь «проводниками духа своего времени» и сводить доктринальные дискуссии к продолжительному «антагонизму между наукой и церковью»³¹⁷.

Транслируя «первоначальную» духовную цель Реформации, «Евангелише Кирхен-Цайтунг» упоминала и вклад в более светские аспекты жизни немцев, к примеру, влияние Лютера на развитие немецкого языка. В штыки воспринималась критика лютеровского перевода Библии: «ведь величайшие умы XVIII и XIX веков предпочитали язык Лютера всем остальным». Гарантом качества в этом вопросе служили оценки других «великих немцев» — Шиллера и Гёте³¹⁸.

«Евангелише Кирхен-Цайтунг» важно было подчеркнуть, что Лютер был достойным христианином не только во время проповеди, но и в своей повседневной жизни. Так газета охотно рекламировала издание биографии виттенбергского богослова, отмечая, что «слово и жизнь величайшего немца»

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ Evangelische Kirchen-Zeitung... Bd. 6. Berlin, 1830. Nr. 37. S. 292.

³¹⁶ Achtelstetter L.C. Prussian Conservatism 1815–1856... P. 103.

³¹⁷ Evangelische Kirchen-Zeitung... Bd. 11. Berlin, 1832. Nr. 61. S. 485.

³¹⁸ Evangelische Kirchen-Zeitung... Bd. 6. Berlin, 1830. Nr.24. S. 192.

послужат прекрасной «родной и истинно немецкой» поучительной книгой³¹⁹. Таким образом, евангелическому консерватизму была не чужда трансляция традиционных национальных ценностей.

Желание раскрыть истинную суть Реформации преследовало и католическую сторону. В противовес «органу протестантской церкви» Германии выступал «орган немецкого католицизма», статус которого на долгие годы приобрел журнал «Хисториш-политише Блэттер фюр дас католише Дойтчланд» («Историко-политические заметки католической Германии»), регулярно выходивший два раза в месяц, начиная с апреля 1838 г.³²⁰

Своим основанием данное издание было обязано реакции католических кругов Мюнхена на Кёльнское дело 1837 г., в ходе которого произошло столкновение интересов прусского правительства и католической церкви, вылившееся в арест и заточение кёльнского архиепископа Дросте цу Вишеринга³²¹. Осознавая значительное влияние периодической прессы на современников, издатели «Хисториш-политише Блэттер фюр дас католише Дойтчланд» – Георг Филлипс и Гвидо Гёррес сразу же обозначили свою цель: бороться «как с революционной, так и с деспотичной доктриной ложной государственной мудрости»³²². По их мнению, подобные ереси намеренно искажали события прошлого с целью подорвать авторитет католической Германии. В связи с чем, редакция ставила перед собой четкую задачу – отстаивать историю и права своей церкви.

Приняв во внимание курс журнала, несложно догадаться, что «религиозный раскол XVI века» упоминался в нем достаточно часто. «Хисториш-политише Блэттер фюр дас католише Дойтчланд» не скрывали свое прохладное отношение к Реформации, но ради торжества «истины» то и дело возвращались к «зачинщикам

³¹⁹ Evangelische Kirchen-Zeitung... Bd. 10. Berlin, 1832. Nr. 6. S. 45

³²⁰ Wacker A. Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland (1838–1923). Deutsche Zeitschriften des 17. bis 20. Jahrhunderts. Berlin, Boston, 1973. S. 143.

³²¹ Ibid.

³²² Ibid. S. 144.

и главными пособником этого пагубного дела»³²³. Мотивацией служила борьба с нарративной гегемонией «берлинских ученых», которые, желая скрыть неудобные для их интерпретации эпизоды, «враждебно относились ко всем глубоким и честным историческим исследованиям»³²⁴.

Осознанно вступая на территорию войн памяти, Г. Филлипс и Г. Гёррес сосредотачивались на биографии и трудах Мартина Лютера, желая развенчать культ личности вокруг его фигуры. Как и демократы, в его деятельности они видели истоки революционных идей, которые в консервативном контексте получали бесспорно негативную коннотацию. «Псевдореформатору» вменялось в вину, что он пошёл против авторитета Церкви, опершись на тех, «чья христианская вера была слаба или кто по бесчестным причинам разного рода желал церковной или политической революции в Германии»³²⁵. Таким образом, если «Евангелише Кирхен-Цайтунг» видела в поступках Лютера обращение к князьям, истинным владельцам немецких земель, то «Хисториш-политише Блэттер фюр дас католише Дойтчланд» упрекали его в потворстве «революционным элементам германской имперской знати», которые только и мечтали о том, чтобы разграбить Империю³²⁶.

Доставалось и личным качествам характера реформатора, из-за которых, с католической точки зрения, страдало и все учение. Его «моральное высокомерие» привело к «одностороннему пониманию веры», отрицавшему «всякую заслугу в добрых делах, а значит, и ценность добродетели и морали в целом»³²⁷. Истинной движущей силой «восстания» Лютера называлось ничто иное как «слепая ненависть», которую предводитель изначально скрывал, но вскоре начал проявлять «без сдерживания и стеснения в больших объемах»³²⁸. Таким образом, на страницах журнала шла деконструкция героического образа, который, по мнению редакции, получил слишком широкое распространение в массовом сознании немцев.

³²³ Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland. Hrsg. von G. Görres und G. Phillips. Bd. 2. München, 1838. Nr.20. S. 249.

³²⁴ Ibid. S. 250.

³²⁵ Historisch-Politische Blätter... Nr.27. S. 326.

³²⁶ Ibid.

³²⁷ Ibid. S. 313.

³²⁸ Historisch-Politische Blätter... Nr.27. S. 321.

Итак, если Генгстенберг боролся против рационалистских и революционных трактовок деятельности Лютера, не умаляя его заслуг перед немцами, то Филлипс и Геррес освещали те «факты», после которых «современные приверженцы» вряд ли смогли бы «видеть памятники в его честь и праздновать дни памяти его трудов»³²⁹. Подобные примеры доказывают, что от консервативного крыла не утаилась популяризация новой «светской» версии истории, в связи с чем появилась необходимость отстаивать то, что они считали «истинным знанием» о Реформации.

Благодаря временному ослаблению цензуры в 30-е гг. XIX в. между различными политическими кругами Германского союза можно наблюдать противостояние с целью распространить «актуальные» версии прошлого. Высоко оценивая консолидирующий потенциал образа Реформации, либералы и демократы ставили это событие в пример успешной борьбы за свободу слова, позиционируя его как первую ступень на пути становления немецкой нации. Однако из-за различий в проектах решения германского вопроса, особенно заметных в отношении к действовавшему правительству, очевидно, как по-разному трактовалась роль князей в жизни Лютера и его призывы к народу.

В то же время отстранение от конфессиональной идентичности, происходившее в рамках подобной инструментализации истории, шло вразрез с позицией консервативных кругов, в которых духовная принадлежность продолжала играть важную роль. Хотя католические и протестантские консерваторы по-разному оценивали вклад Лютера, обе стороны стремились вернуть рецепцию его деяний в теологическое русло. Подобная реакция лишней раз доказывает, что к концу первой половины XIX в. восприятие Реформации больше не ограничивалось рамкой конфессиональных дебатов, а Мартин Лютер стал универсальным символом, востребованным в самых разных идеологических кругах.

³²⁹ Historisch-Politische Blätter... Nr.33. S. 423.

2.3. Наследие М. Лютера в научно-историческом дискурсе

Немецкому обществу первой половины XIX в. был характерен интерес к истории, мотивированный в т.ч. нерешенными политическими вопросами. В кругах немецких интеллектуалов стремление к исторической достоверности зачастую соседствовало с сознательным мифотворчеством, преследующим консолидирующую цель. Данный процесс не обходил стороной и рецепцию наследия Мартина Лютера, которое, с одной стороны, обогащалось публикуемыми архивными документами, а, с другой стороны, в процессе переосмысления обретало новые интерпретации, привлекательные для масс.

Показательным примером служит выступление заслуженного профессора Берлинского университета Фридриха Генриха фон дер Хагена (1780–1856), состоявшееся 10 ноября 1837 г. В рамках торжественного мероприятия, организованного в честь дня рождения двух великих немцев – Лютера и Шиллера, был подготовлен доклад с провокационным названием: «Доказательство того, что доктора Мартина Лютера никогда не существовало».

В своей речи профессор фон дер Хаген, германист, прославившийся комментированными переводами «Песни о Нибелунгах», утверждал, что один из именинников, которых они вспоминают сегодня, никогда не являлся на свет, а празднование его дня рождения равносильно чествованию «Лунного императора или Бога Солнца»³³⁰. Зря католики постоянно упрекали протестантов в «отсутствии поэтичности», ведь последним удалось создать идеальный миф³³¹. Чтобы подкрепить свое утверждение, фон дер Хаген детально деконструировал образ Мартина Лютера, доказывая, что все житие реформатора является лишь набором характерных для эпоса тропов.

Доклад фон дер Хагена, лично публиковавшего отдельные тексты Лютера и в целом придерживающегося прусско-патриотических и лютеранско-

³³⁰ Hagen F.H. von der. Beweis, daß Dr Martin Luther nie existiert hat. Berlin, 1837. Cit. ex: Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung. Jg. 62. Nr. 46. Leipzig, 1910. S. 548.

³³¹ Ibid.

протестантских взглядов³³², имел безусловно сатирический характер. В избранном формате во многом угадывается реакция на нашумевший двухтомник «Жизнь Иисуса» (1835–1836) Давида Фридриха Штрауса (1808–1874), взволновавший немецких ученых сомнениями в достоверности библейских сюжетов и идеей верификации на мифотворчество.

Рассматриваемый кейс показателен в отношении академического сообщества к мифологизации исторических фигур. С одной стороны, берлинский профессор осознанно гиперболизировал, пытаясь убедить слушателей, что даже названия лютеровских мест отсылают к скандинавским сагам (например, город Айслебен сочетает в себе символ смерти (лед) и символ жизни); что образ юнкера Йорга должен вызывать ассоциации с драконоборцем, а освобождение монахинь из монастырей вторит рыцарским легендам о спасении прекрасных дам. С другой стороны, в своем докладе фон дер Хаген упоминал давно существующие легенды, обретшие большую популярность в XIX в.: например, сюжет о трагической смерти друга Лютера, Алексиуса, и символическую преемственность между Яном Гусом и виттенбергским реформатором³³³. Как в случае любой известной исторической фигуры в народе биография Мартина Лютера пополнялась притчами и сказаниями, происхождение которых берлинский ученый, специализировавшийся на древних преданиях, легко распознавал и использовал в своем сатирическом выступлении, доказывая, что его герой «был, есть и будет идеей и идолом, мифом и сказкой»³³⁴ для утверждения и распространения необходимых взглядов.

Ценность Реформации для выстраивания общего немецкого исторического нарратива не осталась незамеченной для научных сообществ. Первая половина XIX в. ознаменовалась расцветом исторических школ в германских государствах, объединивших вокруг себя ученых со схожими политическими взглядами и исследовательскими идеями. Оценивая их влияние, обычно выделяют две наиболее

³³² Grunewald E. Friedrich Heinrich von der Hagen 1780-1856: Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Germanistik. Berlin, New York, 1988. S.5.

³³³ Подробнее об этих сюжетах см. п. 3.2.

³³⁴ Hagen F.H. von der. Beweis... Cit. ex: Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung. Jg. 62. Nr. 46. Leipzig, 1910. S. 549.

известные — Берлинскую школу Леопольда фон Ранке и Гейдельбергскую школу Фридриха Кристофа Шлоссера³³⁵.

Напрашивающееся противопоставление данных ученых зачастую ложится в основу сравнения объективного и субъективного историописания. Однако более пристальный взгляд на работы отцов-основателей школ показывает, что бинарная оппозиция в данном случае не совсем уместна. О взаимном дополнении «одновременно возникших и совместно сосуществовавших двух противоположных воззрений на цель и метод истории» размышляли еще ученики великих историков³³⁶. В трудах современных исследователей также отмечается, что интеллектуальные поля Шлоссера и Ранке зачастую пересекались, нивелируя различия в их подходах³³⁷.

В качестве примера подобных пересечений в данном параграфе рассмотрены общие тенденции, к которым обращаются ученые, конструируя историю Реформации. Важным аспектом сравнения выступает роль, отводимая данному событию в истории германской нации. С учетом особенностей геополитического климата, в котором трудились исследователи, отмечаются различия в создаваемом образе национального героя, проливающие свет на неоднородность национальных идеалов первой половины XIX в.

Принято считать, что полноценная научная историография, посвященная Реформации, берет своё начало с шеститомной «Истории Германии в эпоху Реформации» (1839–1847) Леопольда фон Ранке (1795–1886)³³⁸. Рожденная в Берлине, в колыбели прусского консерватизма, данная серия была написана с позиции историка-государственника, который на момент её создания был членом Прусской академии наук (1832 г.), ординарным профессором в Берлинском университете (1834 г.) и прусским придворным историографом (1841 г.)³³⁹.

³³⁵ Ростиславлева Н.В. Типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX в. Гейдельбергская школа // Диалог со временем. 2003. № 10. С. 311.

³³⁶ Gervinus G.G. Friedrich Christoph Schlosser: ein Nekrolog. Leipzig, 1861. S. 24.

³³⁷ Ростиславлева Н.В. От Шлоссера к Ранке: истинная или мнимая прерывность исторического знания // Диалог со временем. 2001. №. 4. С. 220.

³³⁸ Kaufmann T. The Saved and the Damned. A History of the Reformation. Oxford, 2023. P. 250.

³³⁹ Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. СПб., 2002. С. 7-8.

Подобный статус не мог не способствовать гегемонии ранкеанской концепции, которая в дальнейшем окончательно закрепились в историческом нарративе вильгельмовской Германии³⁴⁰.

С другой стороны, нельзя отрицать, что «История Германии в эпоху Реформации» заняла свое почетное место в историографии благодаря убедительно выстроенной концепции: лишь спустя столетие периодизация, предложенная Ранке, подверглась существенной критике. На протяжении всего XIX в. эпоха «Реформации» продолжала отражать подъем нации до Аугсбургского религиозного мира 1555 г., в то время как последующая «Контрреформация» ассоциировалась с реакционным догматизмом, трагически завершившись Тридцатилетней войной. Не меньшим свидетельством популярности Ранке служит и выход за рамки конфессиональных разногласий: так в дальнейшем его концепцию можно наблюдать в работах не только протестантских, но и католических историков (например, труд боннского историка Морица Риттера)³⁴¹.

Наконец, многолетний интерес ученого значительно повлиял на качество его работы. Еще до признания прусской короной историк проявлял внимание к эпохе Мартина Лютера, долгие годы «лелея надежду посвятить важнейшему событию отечественной истории глубокое исследование»³⁴².

Изучать сочинения Лютера Ранке начал еще в студенческие годы, желая лучше разобраться в эволюции немецкого языка. Подобные штудии вдохновили его на написание «Новеллы о Лютере» (1816 г.), краткого философского рассказа, выполненного в подражании немецкой речи раннего XVI в.³⁴³ Следующим шагом стала работа над одним из первых серьезных исторических сочинений под названием «Фрагмент о Лютере», которое юный Ранке приурочил к 300-летию

³⁴⁰ Kaufmann T. *The Saved and the Damned. A History of the Reformation*. Oxford, 2023. P. 251.

³⁴¹ Прокопьев А. Ю. *Германия в эпоху религиозного раскола*. СПб., 2002. С. 12-13.

³⁴² Ranke L. von. *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*. Bd. 1. Berlin, 1839. S. VI.

³⁴³ Ranke L. von. *Luther-Novelle*. 8 Sept. 1816. Cit. ex: Ranke L. von. *Aus Werk und Nachlass*. Bd. 3. *Frühe Schriften*. München, 1973. S. 251-262.

Реформации (1817 г.), находя, что публикуемая к юбилею литература отличается «слабым популяризаторским изложением» и едва ли опирается на источники³⁴⁴.

Из рукописи Ранке, изначально насчитывающей более 300 страниц, сохранилось лишь 82³⁴⁵. Значительную часть занимают систематизированные по тематике цитаты: чтобы охарактеризовать детство, отрочество, начало реформационного движения и имперскую политику Ранке обращался к опубликованным источникам (сочинениям Лютера, «Застольные речи», корреспонденции) и привлекал работы Иоганна Слейдана, Фридриха Хортледера, Фридриха Генриха Зекендорфа. Оценивая историческую роль Реформации, уже на ранних этапах исследователь настаивал на важности политического аспекта и подчеркивал, что учение Лютера «не осталось в узком кругу церковных догм», а стало «делом всего народа»³⁴⁶.

В следующий раз Ранке вернулся к избранной теме уже в работе «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях» (1834–1836), которая прославила его не только на Родине, но и за рубежом. Тем не менее, по мнению автора, кейс Реформации был слишком хорош, чтобы оставить его на вторых ролях³⁴⁷.

Работая над «Историей Германии в эпоху Реформации», Леопольд фон Ранке привлек обширный круг архивных источников, стремясь описать её ход уже не на «отчетах историков-современников», а на основе «сведений очевидцев и наиболее достоверных прямых документов». Таким образом, он следовал своему знаменитому методу с целью как можно ближе подойти к исторической объективности³⁴⁸, показать «правду», которая может быть «лишь одна»³⁴⁹.

³⁴⁴ Ranke L. von. Fragment über Luther. 1817. Cit ex: Ranke L. von. Aus Werk und Nachlass. Bd. 3. Frühe Schriften. München, 1973. S. 338.

³⁴⁵ Ibid. S. 334.

³⁴⁶ Ibid. S. 397-398.

³⁴⁷ Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Bd. 1. Berlin, 1839. S. VI.

³⁴⁸ Ростиславлева Н.В. Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2(10). С. 249.

³⁴⁹ Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Bd. 1. Berlin, 1839. S. IX.

Руководствуясь подобной установкой, историк намеренно воздерживался от оценочных суждений: в тексте почти нет эмоциональных одобрений или осуждений той или иной стороны. Богословское образование Ранке³⁵⁰, тем не менее, проявляло себя в тщательном фокусе на религиозной стороне вопроса: автор подробно освещал духовное становление Лютера и объяснял причины схоластических разногласий. Несмотря на внимание к теологическому аспекту, введение первого тома характеризует Реформацию как «религиозно-политическое движение», становление которого можно постичь, лишь изучив особенности «национальной жизни» немцев³⁵¹.

Ранке утверждал, что успех Лютера во многом зиждился на соответствующем настрое нации. В немецких университетах доминиканская система подвергалась критике еще до виттенбергского богослова, но именно его слова возымели эффект, так как совпали с «национальными порывами немецкого духа, с прогрессом учености»³⁵². Так наступил «ключевой момент для нации», когда ей предстояло отделиться от папства, при этом «сохранив свое государство и культуру»³⁵³.

Неприязнь к давлению римского двора разжигала симпатию нации к Лютеру³⁵⁴. Но делая акцент на обстоятельствах, которые предопределили торжество реформатора, Ранке в своей объективности не мог не отдать должного и его личности. Сочинения Лютера демонстрировали «отважный, величественный, твердый дух»³⁵⁵, «гений, разрывающий оковы системы и прокладывающий новые пути»³⁵⁶. Признавая «ярость», с которой реформатор «был готов поднять брошенную перчатку», историк отмечал его отходчивость, с которой он мог отступить, если своим гневом заслужил упрек лучшего друга Меланхтона³⁵⁷.

³⁵⁰ Ростиславлева Н.В. Историческое знание ... С. 249.

³⁵¹ Ranke L. von. Deutsche Geschichte... Bd. 1. Berlin, 1839. S. IX.

³⁵² Ibid. S. 3.

³⁵³ Ibid. S.7.

³⁵⁴ Ibid. S. 390.

³⁵⁵ Ibid. S. 302.

³⁵⁶ Ibid. S. 315.

³⁵⁷ Ranke L. von. Deutsche Geschichte... Bd. 1. Berlin, 1839. S. 415.

Важной краской портрета становился и вклад в становление литературного немецкого языка: «Лютер без труда улавливал смысл в чистом виде и знал, как заставить его выражать себя на немецком со всей чистотой и силой, на которую способен этот язык»³⁵⁸.

О консервативной позиции автора свидетельствует то обстоятельство, что «наиболее героичным» историку представлялся Лютер, останавливающий народные волнения. Ранке даже позволял себе восхититься смелостью реформатора, который в 1522 г., подвергая себя личной опасности, вернулся из Вартбурга в Виттенберг, чтобы сохранить свое движение, не позволив его радикализировать. Лишь его стараниями «возмущение умолкло, смута утихла: спокойствие было восстановлено»³⁵⁹.

Однако затишье было лишь временным: «распад правящих сил» грозил нации «величайшей опасностью»³⁶⁰. Согласно Ранке, разногласие властей позволило Виттенбергским беспорядкам эволюционировать в Крестьянскую войну. Несмотря на то, что Мюнцер и Карлштадт в конце концов были удалены из Саксонии, «причем не без помощи Лютера», их идеи уже нашли отклик. Новоявленным «реформаторам» было мало пошатнуть авторитет духовенства: они шли дальше, отвергая весь существующий порядок³⁶¹.

Ранке подчеркивал, что подобный взгляд полностью противоречил позиции Лютера: «он ни секунды не размышлял, чтобы, как и три года назад, броситься против бури, чтобы предотвратить всеобщее разрушение»³⁶². Объясняя мотивацию своего героя, историк стремился развеять миф о беспочвенной ненависти Лютера к крестьянам. Он указывал на трансформацию взглядов реформатора: «пока все казалось скорее невинным, он выступал за мир и сам упрекал князей и господ в жестокости». Однако нарушения «закона Божьего», поощряемые «кровавыми пророками» и грозящие «гибелью немецкой нации», Лютер простить не мог. Ранке

³⁵⁸ Ibid. S. 81.

³⁵⁹ Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Bd. 2. Berlin, 1839. S. 32.

³⁶⁰ Ibid. S. 213.

³⁶¹ Ibid. S. 186-187.

³⁶² Ibid. S. 213.

заклучал, что «полная его ярость вырвалась наружу», чтобы остановить «предвестников судного дня»³⁶³.

Однако ключевую причину, почему Лютер никак не мог быть на одной стороне с бунтовщиками, Ранке видел в его доктрине. Отец Реформации «твердо придерживался разделения духовного и светского», потому в его понимании Евангелие могло освобождать души, но никак не тела. По этой же причине историк вынужден был признать, что, хотя сопротивление Лютера имело и политический подтекст, сам богослов всегда ставил на первое место религиозные убеждения, «которые зачастую вели его дальше, чем это было необходимо или даже полезно для политической борьбы»³⁶⁴. У Ранке даже «появлялся соблазн» пожелать, чтобы реформатор в свое время остановился, укрепив единство народа и сплотив его против власти Рима.

Несмотря на то, что виттенбергский богослов далеко не всегда «исходил из нужд своего народа», Ранке категорически отрицал его вину в расколе. В главе, специально посвященной этому вопросу, ключевым виновником называется Папа, сумевший склонить на свою сторону часть германских правящих кругов и тем самым помешавший консолидирующему национальному порыву. Таким образом, единение нации потерпело неудачу из-за «иностранный влияния», которое продолжает мешать немецкому духу даже «спустя многие столетия после этого»³⁶⁵.

Итак, «История Германии в эпоху Реформации» становится первым основательным научным трудом, закрепившим представление о Реформации как о событии национальной консолидации. Исследование, базирующееся на обширной источниковой базе, заложило траекторию для работы последующих историков, по следам Ранке пошли его ученики (Генрих фон Зибель, Георг Вайтц, Фридрих Вильгельм Гизебрехт и т.д.). Однако не только Берлинской школе был свойственен интерес к Лютеру: обращались к нему и представители Гейдельбергской школы,

³⁶³ Ranke L. von. Deutsche Geschichte... Bd. 2. Berlin, 1839. S. 212.

³⁶⁴ Ranke L. von. Deutsche Geschichte... Bd. 1. Berlin, 1839. S. 429.

³⁶⁵ Ranke L. von. Deutsche Geschichte... Bd. 2. Berlin, 1839. S. 180.

чьи труды наглядно демонстрируют разницу в политическом климате различных уголков Германии.

Гейдельбергский университет располагался в герцогстве Баден. Как уже упоминалось в прошлых параграфах, в первой половине XIX в. Баден представлял собой центр либеральной мысли. Закономерно, что общим местом в работах «Шлоссеровского» кружка, сформировавшегося на базе университета к 1830-м гг., было написание истории человеческого прогресса на пути к свободе и разуму. Таким образом, сам профессор Фридрих Кристоф Шлоссер (1776–1861) и его ученики (Людвиг Гейссер, Георг Готфрид Гервинус, Вильгельм Циммерман и т.д.) в своих исследованиях в основном сосредотачивались на переломных моментах мирового развития³⁶⁶.

В подобном контексте Реформация становилась одним из любимейших примеров «революций» Нового времени. Хотя Ф.К. Шлоссер и не посвятил ей отдельных исследований, данное историческое событие достаточно подробно отражено в его восемнадцатитомной «Всемирной истории» (1844–1857). Схожесть подходов, использованных конкретно в этой работе (Шлоссер обращался к источникам, постоянно цитировал и в целом стремился больше к достоверности, чем к реализации морально-прагматической концепции³⁶⁷), позволяют провести продуктивное сравнение с трудом Ранке и подчеркнуть специфику историописания каждой из школ.

Итак, Шлоссер рассматривал эпоху Лютера в 11-м (1850 г.) и 12-м (1851 г.) томах «Всемирной истории». Посвященные ключевым событиям XVI в., данные книги выделяют сразу несколько глав, чтобы осветить ход и итоги Реформации. Среди них: «Германия, Испания, Франция, Англия и Италия в первый период Реформации», «Германские события от Вормского рейхстага до Первого религиозного мира», «Последствия Реформации».

³⁶⁶ Ростиславлева Н.В. От Шлоссера к Ранке: истинная или мнимая прерывность исторического знания // Диалог со временем. 2001. №. 4. С. 217

³⁶⁷ Ростиславлева Н.В. Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2(10). С. 247.

Целью Шлоссера было создание всеобщей истории, поэтому он вписывал Реформацию в контекст мирового развития, показывая процессы, запущенные под её воздействием в разных странах. Однако нельзя забывать вторую часть названия: знакомая русскоязычному читателю в переводе Н.Г. Чернышевского «Всемирная история» (1861–1869) в оригинале называлась «Всемирной историей для немецкого народа». Таким образом, в труде находится и место национальному пафосу, любопытному нам в контексте формирования национальной идентичности.

Берясь за изучение Реформации, Шлоссер несколько раз оговаривался, что его интересует только «государственная»³⁶⁸ сторона данного вопроса: «то, что придало политический смысл схоластическим распрям ученых мужей»³⁶⁹. Поэтому, в отличие от Ранке, в его тексте не найти суждений о теологических дебатах Лютера, зато пристальное внимание уделено вкладу князей в его дело. Легко заметить, что Реформация Шлоссера во многом воплощает либеральный идеал немецкой нации и рисуется редким периодом, когда «князья все еще в большинстве своем принадлежали к народу сердцем, языком и разумом»³⁷⁰. Косвенно упрекнув современную ему действительность, историк подчеркивал: если бы «лучшие князья и городские власти» вместе с «немецким народом» не стремились бы в то время к духовной и светской свободе, то Лютера наверняка постигла бы участь Яна Гуса или Иеронима Пражского³⁷¹.

Помимо редкого единения немцев, отмеченного и у Ранке, в успехах Реформации Шлоссер видел заслугу «народного» характера её предводителя. Определяя особенности сочинений Лютера, историк отмечал, как тот, «будучи человеком народа, а не школы, в духе народа полагался на врожденный практический разум»³⁷². Таким образом, вместо изящных и замысловатых речей

³⁶⁸ Schlosser F.C. Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 11. Frankfurt am Main, 1850. S. 333.

³⁶⁹ Ibid. S. 334.

³⁷⁰ Ibid. S. 335.

³⁷¹ Ibid.

³⁷² Ibid. S. 343.

отец Реформации выражался «кратко и мощно», на языке народа, «который он понимал, как никто после него, кроме Лессинга»³⁷³.

Доказывая эффективность народного красноречия, Шлоссер приводил статистику Виттенбергского университета. Когда Лютер начал преподавать там богословие, количество обучающихся возросло в 4 раза, превзойдя университеты Эрфурта и Лейпцига³⁷⁴. «Тысячи студентов» стекались на его лекции, т.к. он «великолепно владел немецким языком, ставил сердечное красноречие выше пустословия классических ученых, и, как никто другой, был человеком народа и молодежи»³⁷⁵. Таким образом, автор показывал, что еще до публикации знаменитых тезисов слова его героя резонировали с цветом нации.

Однако, хваля достоинства Лютера, постоянно подчеркивая его смелость, упорство и преданность своим убеждениям, Шлоссер не скрывал его недостатки. Чаще всего речь идет о вспыльчивости, грубости и неуместном упрямстве, к которым в более зрелые годы прибавится гордыня. Но и тут историк находил нужным оправдать «благороднейшего и величайшего человеку своей нации»: «Мы не отрицаем его грубости; ведь если когда-либо грубость и заслуживала того, чтобы называться божественной, то это была грубость Лютера. Она была мечом, разрубившим узел, который никогда не смогли бы развязать ни придворная учтивость Эразма, ни мягкость Меланхтона»³⁷⁶.

Высоко оценивая влияние личностного фактора, Шлоссер, как и Ранке, уделял внимание дружбе двух реформаторов: Меланхтону было бы не под силу начать Реформацию, но у него получалось то, что не давалось Лютеру. Когда один был «яростным, несдержанным, грубым», другой оставался «мягким, кротким и покладистым». Таким образом, «спокойствие Меланхтона обратило к учению Лютера тех, кто прежде испугался его горячности»³⁷⁷.

³⁷³ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 11. Frankfurt am Main, 1850. S. 334.

³⁷⁴ Ibid. S. 332

³⁷⁵ Ibid. S. 336.

³⁷⁶ Ibid. S. 337-338.

³⁷⁷ Ibid. S. 343.

Признавая, что Лютер внушал и уважение, и страх своим сподвижникам, Шлоссер активно стремился развеять его негативный образ, очевидно полемизируя со своими современниками: «Лютер часто писал в минуты страстного увлечения, тем самым давая своим хладнокровным, злостным противникам слишком много возможностей, чтобы и по сей день использовать против него бесчисленные цитаты, вырванные из контекста его сочинений»³⁷⁸. Историк делал упор на том, что Лютер часто сожалел и раскаивался в своих резких словах, не отступаясь только от теологических убеждений³⁷⁹. Но если на Вормсском рейхстаге это делало ему честь, то в вопросе подписания Аугсбургского вероисповедания обернулось против мира и приобретения союзников в лице швейцарцев³⁸⁰.

По приведенным цитатам заметна сильная эмоциональная вовлеченность Шлоссера в описание судьбы своего героя. Отношение Ранке к тем или иным поступкам Лютера не столь очевидно: чаще он судил о пользе, принесенной нации по итогам. В то время как Шлоссер не мог отпустить категорию морали: что наиболее ярко проявляется в изложении эпизода о папской булле.

Ранке подчеркивал, что «немцы никогда не видели добра от свирепого флорентийского льва», поэтому для него сжигание папской буллы в 1520 г. являлось необходимым шагом на пути к освобождению. Лютер «почувствовал в себе силы отомстить за несправедливость» папскому двору, а его «решительное возмущение» привлекло внимание всей нации³⁸¹. Шлоссер же относил этот шаг к ошибкам реформатора. По его мнению, за сожжение собственных сочинений «Лютер отомстил слишком демагогически, так, что мы не можем его защищать»³⁸². Историк признавался, что предпочел бы и вовсе опустить эту сцену. Действуя не как частное лицо, а как лидер движения и пример для «стремящегося к свету поколения молодежи», Лютер под «одобрительные возгласы» позволил себе также сжечь кодекс канонического права и сочинения Иоганна Эка и Иеронима Эмзера,

³⁷⁸ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 12. Frankfurt am Main, 1851.S. 37-38.

³⁷⁹ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 11. Frankfurt am Main, 1850. S. 370.

³⁸⁰ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 12. Frankfurt am Main, 1851. S. 66.

³⁸¹ Ranke L. von. Deutsche Geschichte... Bd. 1. Berlin, 1839. S.441-442.

³⁸² Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 11. Frankfurt am Main, 1850. S. 364.

направленные против него. Таким образом, он совершил «революционный шаг»³⁸³, поддавшись «той части народа и студентов, которые любят подобные зрелища»³⁸⁴.

Можно предположить, что Шлоссер намеренно осуждал сожжение буллы, помня о популярности данного примера среди радикально настроенных буршей, воссоздавших его в рамках Вартбургского праздника 1817 г. Историк важно показать, что обычно Лютер был далек от разрушительной революционной деятельности. В качестве доказательства он, как и Ранке, фокусировался на виттенбергской смуте 1522 г., описывая, как глава Реформации смог остановить «евангелическо-социалистическую деятельность Карлштадта».

Андреас Карлштадт и его окружение представляли в тексте «мечтателями и беспокойными умами», которые «хотели быть учениками Лютера, но ими не являлись»³⁸⁵. Более недели их кумир проповедовал против учиненных беспорядков, пока не развеял «мистический туман Карлштадта и Мюнцера» своими «отеческими упреками». Так Виттенберг, в котором бунтовщики уже успели вступить в конфликт с городским советом и курфюрстом, был спасен, а нарушители спокойствия были вынуждены немедленно покинуть город³⁸⁶.

Подчеркивая, что отец Реформации не поддерживал эскалацию народных волнений, Шлоссер упоминал его расхождения с Ульрихом фон Гуттенем, которого Лютер неоднократно призывал «не бороться за Евангелие с помощью насилия и убийств»³⁸⁷. С другой стороны, рьяное осуждение крестьянских восстаний стало для автора еще одним темным пятном в биографии реформатора, которое, он, в отличие от Ранке, не мог свести к необходимости восстановления порядка.

Историк воздерживался от оценок, насколько «проповедь Евангелия, зародившаяся в Цюрихе и Виттенберге», способствовала «восстанию бедных

³⁸³ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 11. Frankfurt am Main, 1850. S. 365.

³⁸⁴ Ibid. S. 364

³⁸⁵ Ibid. S. 372.

³⁸⁶ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 12. Frankfurt am Main, 1851. S. 19.

³⁸⁷ Ibid. S. 348.

крепостных и оброчных крестьян» в 1524 г.³⁸⁸ Вскользь упомянув тяжкие условия, в которых находились крестьяне того времени, Шлоссер сокрушался, что Лютер призывал «князей к насильственному вмешательству, причем с совсем неуместной и очень нехристианской яростью»³⁸⁹. По своей ожесточенности тексты не уступали его сочинениям против истинных врагов, сторонников Папы. Однако, несмотря на то, что «подстрекательств к убийствам и разрушениям» со стороны Лютера заставляли Шлоссера «содрогнуться», он все же оправдывал своего героя суровостью времени и порывом неконтролируемых чувств³⁹⁰.

Даже в гневе Лютера «Всемирная история» усматривала любовь к Родине. Больше всего вождь Реформации сердился даже не на папистов и римлян, а на своих соотечественников, присоединившихся к ним и позволявших обманывать народ. Так ожесточенный конфликт реформатора с Иоганном Эком Шлоссер объяснял тем, что «известный немецкий богослов» поддержал торговлю индульгенциями, «досаждавшую всем честным немцам»³⁹¹.

Закономерно, как и Ранке, Шлоссер настойчиво отрицал вину Лютера в разобщении нации. Публикуя свои тезисы, виттенбергский богослов не подозревал, что «спор о церковной доктрине приведет к расколу в церкви и государстве»³⁹². За эскалацией теологических разобщений Шлоссер тоже углядывал внешнее воздействие и винил «поспешные действия Папы Льва X», которые невольно стали триггером «церковной и политической революции»³⁹³.

Несмотря на то, что «История Германии в эпоху Реформации» Ранке куда более подробно углублялся в биографию Лютера, подчеркивая в т.ч. и его крестьянские корни, автор не фокусировался на том, как «народное» происхождение отразилось на деятельности реформатора. Во «Всемирной истории» Шлоссера, напротив, Лютер неоднократно назывался «человеком

³⁸⁸ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 12. Frankfurt am Main, 1851. S. 20.

³⁸⁹ Ibid. S. 37.

³⁹⁰ Ibid. S. 38.

³⁹¹ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 11. Frankfurt am Main, 1850. S. 339.

³⁹² Ibid. S. 338.

³⁹³ Ibid. S. 346.

народа», который «хотел простоты и соблюдения старых обычаев», органично воплощая запросы нации. Ранке не заострял внимания на язвительных выпадах реформатора, излагая лишь их суть, в то время как Шлоссер восхищался «сердечным красноречием» и в его «искренности», и в его «бестактности». Если Ранке следовал принципу объективности, то Шлоссер стремился к «честности Лютера», которой, по его мнению, не хватало современникам, видящим праведность лишь в красивых словах³⁹⁴.

Однако именно «изящным формам» суждено было занять господствующее положение в немецкой исторической науке второй половины XIX в. Хотя «Всемирная история» неоднократно переиздавалась, «ученость» её автора «несколько потеряла во мнении общества»³⁹⁵. Как показывал некролог Шлоссеру, опубликованный его учеником Георгом Готфридом Гервинусом (1805–1871) в 1861 г., «над исследователем одержали верх его соперники», критиковавшие его за хаотичность изложения, неточности в фактологии и излишнюю нравственную критику. Таким образом, после смерти наставника постепенно ушла и сама Гейдельбергская школа, смирившись с доминирующей позицией Берлинских ученых³⁹⁶.

Итак, различия между Берлинской и Гейдельбергской школами обуславливались не только методологическими подходами, но и отношением к политике. Ранке писал свою историю в контексте государствообразующей идеи: Реформация для него представлялась важной вехой на пути к освобождению нации от внешнего врага, в то время как тяга к внутренним свободам представала в его нарративе отступлением от идей Лютера и угрозой благополучию страны. Шлоссер, не вовлеченный в активную политическую деятельность, предпочитал влиять на немецкое общество иначе — формируя яркий образ народного героя, чьи сильные и слабые стороны могли послужить моральным образцом для нации.

³⁹⁴ Schlosser F.C. Weltgeschichte... Bd. 12. Frankfurt am Main, 1851. S. 68.

³⁹⁵ Gervinus G.G. Friedrich Christoph Schlosser: ein Nekrolog. Leipzig, 1861. S. 9.

³⁹⁶ Ростиславлева Н.В. Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2(10). С. 247.

Несмотря на разные ракурсы, затрагиваемые в трудах историков, общими моментами их работ становятся характеристика Реформации как периода уникального национального единения князей и народа, отрицание участия Лютера в разжигании народной смуты и признание внешнего виновника в дальнейшем расколе нации. Таким образом, в рамках научного исторического дискурса первой половины XIX в. за Реформацией закрепляется роль консолидирующего события немецкой истории, основы для конструирования национального мифа.

2.4. Феномен Реформации в энциклопедических изданиях

Анализ справочных изданий первой половины XIX в. демонстрирует, что обращение к историческим примерам являлось достаточно распространенной практикой. Сплоченные общей просветительской целью лексиконы и энциклопедии использовали все доступные инструменты, чтобы облегчить понимание для среднестатистического читателя. Прошлое служило яркой иллюстрацией к рассматриваемым политическим терминам, весомым аргументом в идеологическом послые автора. Таким образом, на страницах справочной литературы легко обнаружить великие имена и события, знания о которых, по мнению составителей, могли бы стать достойным базисом для консолидации и воспитания нации.

Принимая во внимание популярность Лютера в контексте национальных нарративов, неудивительно, что в известных энциклопедических изданиях первой половины XIX в. можно найти не только статью, посвященную немецкой Реформации, но и подробную заметку о её лидере. Тенденция к постепенному усилению национальной интерпретации наследия реформатора в данном параграфе будет рассмотрена на примере следующих справочников: «Энциклопедический словарь наук, искусств и ремесел» под редакцией Г.А. Пирера (1-е издание, 1824–1836), «Разговорный лексикон» Ф.А. Брокгауза (1-е издание, 1796–1809), «Иллюстрированный разговорный лексикон» Брокгауза (1837–1841), «Государственный лексикон» (1834–1843) К. фон Роттека и К.Т. Велькера и «Всеобщая реальная энциклопедия или разговорный лексикон для католической Германии» (1846–1849) В. Биндера.

Руководствуюсь принципами беспристрастного описания, «Энциклопедический словарь наук, искусств и ремесел» Генриха Августа Пирера давал Реформации емкое, не выходящее за рамки теологической интерпретации определение: «очищение христианского учения и христианского церковного устройства от произвола иерархии, возглавленное Лютером в XVI в. и реализованное в основных чертах в протестантских странах». Несмотря на преимущественную нейтральность изложения, положительная роль Реформации

ни разу не подвергалась сомнению: в тексте она называлась не иначе, как «великим делом», «величайшим и далеко идущим событием истории»³⁹⁷, воплощением «могущественной силы пробудившегося духа справедливости и свободы»³⁹⁸.

Портрет её предводителя, однако, не был подвержен излишней героизации: «лидер нашелся там, где никто его не ожидал, — в бедном, незначительном сыне шахтера»³⁹⁹. Нарратив не представлял Лютера избранным человеком с рождения, однако отдавал должное его тяжелому труду, упорству и «мужеству мученика», с которым тот отстаивал свои убеждения⁴⁰⁰. С другой стороны, открыто отмечались его слабые стороны: не скрывалось изначальное доверие папе римскому, «от которого Лютер долго не мог освободиться», признавалось превосходство некоторых его противников в учености (например, Эразма)⁴⁰¹, наконец сообщалось, что раскол в лоне протестантов происходил «не без большой вины» лютеровской бескомпромиссности. Несмотря на признаваемые недостатки, в выводе к биографической статье Лютер вновь представал «не только величайшим человеком своего времени, но и одним из величайших умов всех веков, поистине наделённым всеми дарованиями, необходимыми, чтобы стать реформатором»⁴⁰².

Хотя в статье о Реформации нет открытой национальной риторики, на страницах «Энциклопедического словаря наук, искусств и ремесел» можно заметить некоторые утверждения и выражения, которые являлись константой патриотических нарративов. Например, характеристику Реформации как коллективного «освобождения от папского ига»⁴⁰³ или констатацию национального подъема, когда дело Лютера «стало делом немецких князей, немецкого дворянства

³⁹⁷ Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.17. Altenburg, 1832. S. 534.

³⁹⁸ Ibid. S.535.

³⁹⁹ Ibid. S. 534.

⁴⁰⁰ Ibid. S. 535.

⁴⁰¹ Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.12. Altenburg, 1829. S.743.

⁴⁰² Ibid. S.744.

⁴⁰³ Encyclopädisches Wörterbuch... Bd.17. Altenburg, 1832. S. 535.

и немецкого народа»⁴⁰⁴. Таким образом, среди особенностей генезиса Реформации отмечался и консолидирующий эффект, оказанный на немецкую нацию.

Положительная характеристика деяний Лютера преобладала и в иных справочных изданиях первой половины XIX в. «Можно поставить вопрос о том, была ли бы Реформация более успешной без вмешательства Лютера. Некоторые католические ученые отвечают на этот вопрос утвердительно и пытаются доказать, что вышеупомянутый реформатор принес больше вреда, чем пользы развивающемуся Просвещению»⁴⁰⁵, — вносил долю сомнений «Разговорный лексикон» Брокгауза, однако тут же развенчивал цитируемую позицию. Только Лютер обладал надлежащим характером, чтобы не отступить в тяжелой борьбе: хотя суждения его подчас были грубы и суровы, того требовало его время.

Хотя в различных изданиях Брокгауза⁴⁰⁶ упоминались негативные последствия Реформации для Германии, такие как волнения и войны, вина Лютера и его сторонников в них отрицалась. В первом издании даже проводилось сравнение с Французской революцией: неверно понятые толпой доктрины в XVI в. и опасно истолкованные принципы равенства и свободы столетиями позже в обоих случаях привели к незапланированной эскалации мятежных настроений⁴⁰⁷. Несмотря ни на что, опыт немецкой Реформации признавался необходимым: «Сколько бы горя ни было после нее, и какими бы ужасами и разрушениями ни сопровождалась вызванная ею война, которая столетие спустя постигла Германию, она все же привела к результату, которого одного достаточно, чтобы оправдать ее со всех сторон»⁴⁰⁸.

Под всепрощающей пользой Реформации, в первую очередь, подразумевалось просвещение. «Луч благотворного света», осветивший «ночь заблуждений и суеверий»; «быстрый рассвет»; «солнечное сияние» — схожие метафоры использовались, чтобы подчеркнуть разрыв со средневековой традицией

⁴⁰⁴ Encyclopädisches Wörterbuch... Bd.17. Altenburg, 1832. S. 535.

⁴⁰⁵ Brockhaus Conversations-Lexikon Bd. 4. Amsterdam, 1809. S. 100.

⁴⁰⁶ Подробнее об истории издательства см. п.1.2.

⁴⁰⁷ Brockhaus Conversations-Lexikon. Bd. 4. Amsterdam, 1809. S. 102.

⁴⁰⁸ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd 3. Leipzig, 1839. S. 648.

и показать освобождение разума от предрассудков. Нотки просветительского космополитизма можно обнаружить как в более раннем, так и в более позднем издании Брокгауза: речь чаще шла о народах Европы в целом, а не о немцах в частности.

Более очевидная национальная интерпретация давалась сквозь призму биографии Лютера. Отдельно от реформаторских заслуг подчеркивался его вклад в немецкий язык и поэзию: своим собственным примером он способствовал переходу с латинской поэзии на немецкую. Если в первом издании словаря Брокгауза Лютер еще являлся фигурой, узнаваемой «каждым истинным приверженцем протестантизма»⁴⁰⁹, то уже к 1830-м гг. он служил образцом для всех немцев: «Ни в одном человеке основополагающие качества немецкого характера – прямота, верность и честность – не проявились так великолепно и открыто, как в Лютере»⁴¹⁰.

Переосмысление наследия Лютера в национальном ключе ярко отразилось в «Государственном лексиконе» Роттека и Велькера. Данное справочное издание не только посвящало теме значительный листаж, но и наглядно свидетельствовало о тенденции к персонализации исторического события. Статья о самом Лютере достигала 183 страниц, в то время как информация о Реформации занимала объем в четыре (!) раза меньший⁴¹¹.

Обе статьи вышли из-под пера лютеранского пастора, публициста и политика Карла Генриха Юргенса (1801–1860), известного своими либеральными взглядами и поддержкой эволюционного национального развития. Готовя материал для «Государственного лексикона», он опирался «на свидетельства самых надежных старых и новых историков», среди которых называл Карла Адольфа Менцеля, Георга Генриха Укерта, Шарля де Виллера, Филиппа Конрада Мархайнеке, Иоганна Готфрида Эйхгорна и др. Отдельной похвалы в этом ряду удостоивался Ранке, работу которого предписывалось «рекомендовать при любой возможности,

⁴⁰⁹ Brockhaus Conversations-Lexikon Bd 2. Amsterdam, 1809. S. 438

⁴¹⁰ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 2. Leipzig, 1838. S. 786.

⁴¹¹ Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 10. Hammerich, 1840. S.101-284; Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 13. Hammerich, 1842. S. 550-594.

поскольку она, как немногие другие, помогает нам понять нашу собственную историю, в контексте которой и стоит двигаться к прогрессу»⁴¹².

Понимание Реформации как комплексного исторического процесса, не ограничивающегося религиозной полемикой, прослеживалось в определении, сформулированным Юргенсом. «Одновременно революция и реформа» изменила представление человечества о мире, «охватила и наполнила жизнь во всех сферах». Такие понятия, как «церковное улучшение» или «очищение вероисповедания», согласно автору, «описывают ее [Реформацию] лишь частично и легко приводят к полуистинным или даже ложным представлениям»⁴¹³. Таким образом, в представленной в «Государственном лексиконе» формулировке можно заметить не только выход за рамки конфессиональной интерпретации, но и реакцию на толкования, закрепившие свои позиции в энциклопедиях после празднования 300-летнего юбилея в 1817 г.

Для Юргенса было первостепенно показать, какую роль дело Лютера сыграло в освобождении немецкой нации, «некогда господствовавшей», но, «несмотря на всю свою силу и стремление к свободе», оказавшейся под «игмом Рима»⁴¹⁴. Выстраивая аргументацию в защиту Реформации, автор подробно разбирал кризис империи со второй половины XV в., в котором винил как внутренний фактор (разобщенность сословий; князей, мешающих централизации; слабость демократического элемента, представленного лишь городами), так и внешнего врага, потворствовавшего хаосу внутри страны. Папское влияние у Юргенса представало воплощением «объединенного, умного и могущественного деспотизма», который веками держал нации во тьме, «отбрасывал назад к невежеству и варварству, мешал прогрессу, просвещению и науке, уничтожал, деморализовал и отуплял благородные и умные народы» ради своих корыстных целей⁴¹⁵.

⁴¹² Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 10. Hammerich, 1840. S. 105.

⁴¹³ Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 13. Hammerich, 1842. S.550.

⁴¹⁴ Ibid. S. 553.

⁴¹⁵ Ibid. S. 555.

Изобразив Рим главным врагом духовного прогресса, Юргенс подчеркивал заслугу немцев перед всей Европой: «именно немцы сломили римское владычество», «спасли свою и европейскую свободу, культуру и христианство»⁴¹⁶. Называя Реформацию «величайшим деянием немецкой нации», автор высоко оценивал ее вклад во всеобщую историю⁴¹⁷. С другой стороны, базис явления Юргенс привязывал к национальной специфике, в «реакции германского элемента на романский», тем самым объясняя, почему дело Лютера не было успешно адаптировано во всех европейских странах⁴¹⁸.

Национальному подъему автор отдавал ключевую роль в успехе Реформации. Недовольство беспорядками, усугубляемыми иностранным вмешательством, копилось внутри народа до тех пор, пока не совпало с «появлением истинно немецкого человека, в котором нация, созревшая для восстания, нашла своего лидера»⁴¹⁹. В своем пафосе Юргенс высоко оценивал как роль личности, так и коллективный вклад: если Лютер пробудил немецкую нацию, обычно «столь трудно поддающуюся духовному возбуждению», вверг ее в «сильнейшее волнение», то нация отплатила ему тем, что «сделала его дело своим, вместо того, чтобы равнодушно и трусливо стоять в стороне»⁴²⁰. Таким образом, благодаря «пробужденному патриотическому духу» немцы как никогда раньше были близки к единству: сбросив авторитет римской церкви, германские племена могли бы восстановить былую свободу и жить, руководствуясь национальными интересами⁴²¹.

В крахе надежд на эффективную консолидацию и «мрачном повороте немецкой судьбы» Юргенс винил как «итальянскую хитрость»⁴²², так и «слепоту и эгоизм некоторых сословий». Возвысив светскую власть над духовной, Реформация закономерно усилила могущество князей, которые распределились им

⁴¹⁶ Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 13. Hammerich, 1842. S. 559.

⁴¹⁷ Ibid. S. 589.

⁴¹⁸ Ibid. S. 583.

⁴¹⁹ Ibid.

⁴²⁰ Ibid. S. 561.

⁴²¹ Ibid. S. 556.

⁴²² Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 10. Hammerich, 1840. S. 102.

во вред народу⁴²³. Видя в этом истоки проблем своих современников, автор, однако, категорически отрицал идею, что без Реформации немцам бы жилось лучше. С его точки зрения, на тернистом пути к свободе жертвы были неизбежны и лишь «из-за своей неуклюжей безынициативности, своего пресловутого, бесславного послушания, которое соблюдалось слишком долго, ей [немецкой нации] пришлось столкнуться с жаром борьбы и страданиями перемен»⁴²⁴.

В обеих статьях Юргенс затрагивал проблему исторической памяти, укоряя современников как в забвении, так и в неуместном очернении своих великих соотечественников. У немцев нет недостатка в выдающихся личностях, однако «их герои подлинно не живут в национальном сознании». Слишком ослабленное чувство национального единства не позволяет передаваться «живым знаниям о героях прошлого, подвигах и великих судьбах»⁴²⁵. Немцы готовы восхвалять гений «врага нации, иноземного поработителя» (речь идет о Наполеоне), но яро осуждать «благородного друга и освободителя народа» (речь идет о Лютере)⁴²⁶.

Несмотря на упреки в излишней любви немцев к «чужому», Юргенс отмечал и положительную тенденцию XIX в. Все больше «думающих католиков и протестантов», «патриотов и свободомыслящих» не позволяли теологическим дебатам затуманить свой разум и видели в Лютере «благородного, достойного любви и восхищения немецкого патриота, истинного христианского национального героя»⁴²⁷.

Национальным заслугам виттенбергского богослова «Государственный лексикон» отводил особое внимание. Хотя Лютер не достиг своей конечной цели, он «пробудил в нации сопротивление духовной тирании и разжег борьбу за свободу духа»⁴²⁸ (в которой Юргенс видел предвестницу политической и гражданской свобод), «возглавил немецкое национальное восстание против позорного

⁴²³ Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 13. Hammerich, 1842. S. 583.

⁴²⁴ Ibid. S. 590.

⁴²⁵ Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 10. Hammerich, 1840. S. 101.

⁴²⁶ Ibid. S. 105.

⁴²⁷ Ibid. S. 104-105.

⁴²⁸ Ibid. S.102.

иностранным правления»⁴²⁹. Таким образом, на страницах словаря Лютер становился как прародителем нации в гражданском понимании, так и воплощением защитно-интегрального патриотизма.

Неугасающую актуальность Реформации Юргенс видел в том, что она до сих пор по-разному трактуется, «вовлечена в интересы и борьбу нашего времени»⁴³⁰. Хотя автор признавал, что суждение об истине должно быть свободным, в одном он упорно заклинал немецкого читателя: задумываясь о наследии Реформации, помнить, что он, прежде всего «немец и христианин, и только потом католик или протестант»⁴³¹. Наглядный пример переосмысления наследия Лютера сквозь призму национальной идентичности.

О реакции на подобные призывы со стороны католической конфессии можно судить, заглянув во «Всеобщую реальную энциклопедию или разговорный лексикон для католической Германии». Данное издание, публикуемое под редакцией католического историка Вильгельма Биндера (1810–1876) с 1846 г., преследовало цель, не нарушая принципы объективности, предоставить альтернативу существующим популярным энциклопедическим трудам, которые, по мнению редакции, слишком сильно придерживались евангелической интерпретации⁴³².

С одной стороны, в заметке о Реформации предпринималась попытка развенчать национальный культ, создаваемый вокруг нее протестантскими учеными. Объясняя первоначальный успех Лютера, Биндер не без насмешки деконструировал идею о том, что реформатор нашел поддержку в «немецком духе, который стремился к разуму и силой прокладывал себе путь к свету»⁴³³, объясняя все более приземленными корыстными мотивами князей. Доставалось и признанным героям национальных нарративов: Ульрих фон Гуттен и Франц фон

⁴²⁹ Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 10. Hammerich, 1840. S.103.

⁴³⁰ Ibid. S.105.

⁴³¹ Staats-Lexikon oder Encyclopädie... Bd. 13. Hammerich, 1842. S. 594.

⁴³² Spree U. Das Streben nach Wissen: eine vergleichende Gattungsgeschichte der populären Enzyklopädie in Deutschland und Großbritannien im 19. Jahrhundert. Tübingen, 2000. S.42.

⁴³³ Allgemeine Realencyclopädie oder Conversationslexicon für das katholische Deutschland. Bd.8. Regensburg, 1848. S. 693.

Зиккинген представляли дворянами, которые «долгое время презирали римско-католическое духовенство и алчно поглядывали на монастырскую собственность»⁴³⁴. Даже самая дефиниция «Реформации», хотя и копировала универсальное определение об «улучшении церкви», прибавляла к нему «навязанное силой оружия», по итогам величая процесс «скорее не реформацией, а деформацией с точки зрения римско-католической церкви»⁴³⁵.

С другой стороны, несмотря на саркастичность некоторых комментариев, наблюдалась заметная сдержанность в оценке самого Лютера. Биографическая заметка о нем даже завершалась списком достоинств, которые «честные католики сегодня не могут отрицать»⁴³⁶. Среди них признавались сильный характер, начитанность, трудолюбие, красноречие, любовь к музыке. Вывод о том, что «деятельность Лютера принесла миру множество благ», поспособствовав развитию науки и подарив человечеству множество идей, подтверждает тезис протестантских публицистов о сглаживании остроты конфессиональных дебатов вокруг фигуры реформатора. Таким образом, хотя виттенбергский богослов едва ли мог стать национальным героем на страницах консервативного католического издания, заметна более компромиссная презентация его исторического образа.

Итак, для формирования и укрепления немецкой национальной идентичности требовались находящие массовый отклик герои. «Герой, то есть человек, отличающийся силой, могуществом и, в целом, величием в действии или в смирении»⁴³⁷, – гласило определение из словаря Брокгауза. Лютер идеально подходил на эту роль, его человеческие недостатки, которые не утаивались, но всегда оправдывались, делали его привлекательным в глазах толпы. Его утверждение в германском пантеоне способствовало пересмотру роли Реформации и в справочных изданиях, которые к середине XIX в., все чаще трактовали ее не только как достижение человеческого прогресса, но и как значимую веху в истории развития

⁴³⁴ Allgemeine Realencyclopädie oder Conversationslexicon für das katholische Deutschland. Bd. 6. Regensburg, 1848. S. 938.

⁴³⁵ Allgemeine Realencyclopädie... Bd. 8. Regensburg, 1848. S. 690.

⁴³⁶ Allgemeine Realencyclopädie... Bd. 6. Regensburg, 1848. S. 939.

⁴³⁷ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd 2. Leipzig, 1838. S. 370.

немецкой нации. Возражения со стороны католических публицистов, пытавшихся развенчать конструируемый миф, лишь подчеркивают распространение и доминирование новой интерпретации в просветительской литературе.

Переосмысление немецкой Реформации наиболее ярко отразилось в контексте празднования 300-летнего юбилея. В рамках торжества консолидация общественности больше не ограничивалась конфессиональной идентичностью. Если на официальном уровне Реформация позиционировалась в качестве общего для католиков и протестантов «улучшения церкви», отвечающего многоконфессиональной политике Германского союза, то для национального движения Мартин Лютер стал символом борьбы за свободу и Отечество.

Осознанное конструирование иной, прежде нетипичной для рецепции Реформации, идентичности не остаётся незамеченным для современников. Споры вокруг роли Мартина Лютера не прекратились с окончанием юбилея, найдя приют на страницах газет и справочных изданий. По-разному оценивая вклад реформатора, католические и протестантские консерваторы сходились в желании вернуть его толкование в теологическое русло. Их позиция служила реакцией на переосмысление истории в либеральной и демократической публицистике, которая все чаще приводила Реформацию в качестве примера успешной борьбы за свободу слова на пути становления нации. Попытка деконструировать новый миф особенно заметна со стороны католических публицистов: однако даже в специализированных изданиях для католической Германии при критике Реформации можно обнаружить смягчение к фигуре самого Лютера с признанием его просветительских заслуг.

Востребованность феномена Реформации отразилась и в исторических нарративах. Несмотря на разные политические взгляды и толкования действий виттенбергского богослова, основатели Берлинской и Гейдельбергской исторических школ закрепили за Реформацией славу уникального периода, сплотившего князей и народ в общем национальном порыве. Данная интерпретация

была подхвачена и распространена справочными изданиями. Таким образом, несмотря на разные прочтения, в рамках национального дискурса первой половины XIX в. за Реформацией утвердилась консолидирующая роль, в то время как Мартин Лютер получил почетное место в германском пантеоне, став образцом для немецкой самоидентификации.

Глава 3. Роль ценностей Бидермайера в конструировании образа немецкой Реформации

3.1. В тени «спасительного халата»: германский вопрос сквозь призму эпохи Бидермайер

Постоянные дискуссии вокруг решения германского вопроса и призывы к активной гражданской деятельности, отмеченные в прошлых главах, не помешали закрепить за первыми десятилетиями существования Германского союза славу достаточно спокойной эпохи. В пользу данной характеристики играл контраст — как с началом века, прошедшим в тени Наполеона, так и с переходом в следующую половину столетия — под знаменем Мартовской революции. Не меньшее влияние на восприятие оказывало давление сверху: курс на стабильность, избранный политикой Меттерниха, поддерживал иллюзию покоя, преследуя все, что могло пошатнуть ее в массовом сознании.

Говоря об общем представлении, нужно помнить, что на протяжении первой половины XIX в. политически активная интеллигенция продолжала оставаться в меньшинстве. Значительная часть как сельского, так городского населения, уставшая от войн, революций, преследований, видела гарант своего благополучия в знакомых устоях, считая неоправданным риск ради глобальных изменений. Таким образом, рядовым немцам был близок идеал тихой семейной жизни вдали от непредсказуемых перемен.

О глубокой укорененности подобных взглядов свидетельствует постоянная критика со стороны равнодушных граждан. К примеру, в начале 1840-х гг. в одной из своих ранних статей Фридрих Энгельс (1820–1895) отмечал, что, хотя «общество изменилось», а «литература, политика и наука всё глубже внедряются в семейный круг», последний всё равно «прилагает все усилия, чтобы прогнать непрошенных гостей». Энгельс сокрушался, что общественность «слишком сильно придерживается старого порядка, чтобы постичь все нововведения и найти им применение». И если в домах по берегам Рейна ещё можно заметить ростки прогресса, то «в провинциальных городах Германии в тени спасительного халата

продолжает жить и не тужить старинное семейство», заморозившее общество «на пороге 1799 года»⁴³⁸.

Вызовом для немецкого населения стала и промышленная революция, развернувшаяся в первой половине XIX в. Конкуренция машинной промышленности тяжело сказывалась на многих социальных слоях: особенно туго приходилось ремесленникам. Отход от аграрной экономики сопровождался обнищанием масс и голодом, быстрый демографический рост лишь усугублял ситуацию. Процесс индустриализации вынуждал людей выходить в незнакомый мир, однако желание вернуться в зону комфорта оставалось неизменным. Ухудшение экономических условий и жесткий контроль со стороны правительства повлияли на развитие буржуазной замкнутости. Лишь родной кров оставался нетронутым и священным⁴³⁹.

«Время неумолимо летит вперед на дымящих паровозах, и скоро мы совсем потеряем из виду изношенных героев прошлого, старые столпы полноценной национальности...», писал Генрих Гейне (1797—1856) в 1843 г., комментируя развитие железнодорожного транспорта и видя в нем знамение новой эры⁴⁴⁰. Тем не менее многие немцы не спешили списывать старых героев со счетов, и, отгородившись от стремительно меняющегося мира, продолжали вспоминать «старые добрые времена», украшая стены своих жилищ репродукциями исторических сюжетов. Подобная тяга к уютному эскапизму отразилась в новой культурной тенденции, получившей название «Бидермайер».

Ученые до сих пор спорят об определении и периодизации данного феномена⁴⁴¹. Неопределенность обусловлена тем, что люди Бидермайера не знали, что живут в эпоху Бидермайер. Как и во многих случаях, термин появился позже

⁴³⁸ Engels F. Immermanns "Memorabilien" // Telegraph für Deutschland. Nr. 54. 1841.

⁴³⁹ Glaser H. Industriekultur und Alltagsleben. Vom Biedermeier zur Postmoderne. Frankfurt am Main, 1994. S. 117.

⁴⁴⁰ Heine H. Lutezia. Berichte über Politik, Kunst und Volksleben. Zw. Theil. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Heine,+Heinrich/Essays+II%3A+%C3%9Cber+Frankreich/Lutetia/Zweiter+Teil> (дата обращения: 10.06.2025).

⁴⁴¹ Winters L. Die Wiederentdeckung des Biedermeiers // Biedermeier. Die Erfindung der Einfachheit. Ostfildern, 2006. S. 32.

самого явления. Таким образом, понятие «Бидермайер» охватило достаточно широкое поле, затронувшее интересы историков, филологов, искусствоведов и культурологов, диктовавших свои дефиниции и хронологические рамки в зависимости от характера исследования.

Для нашей работы представляется продуктивным рассмотреть Бидермайер не как узкоспециализированный термин для описания стиля мебели, а как культурно-исторический конструкт, принятый для обозначения определенного периода истории немецкоязычных стран. Хронологические рамки Бидермайера совпадают с Предмартовским периодом, из-за чего многие германисты противопоставляют эти понятия⁴⁴², желая показать дуализм эпохи, которую нельзя свести ни к буржуазному затишью, ни к постоянной подготовке к Мартовской революции.

Первые упоминания Бидермайера в качестве исторической эпохи можно встретить на стыке XIX-XX вв. В вопросах периодизации справочные издания начала XX в. сходились на промежутке между 1815 и 1850 гг.⁴⁴³ Подробное определение можно найти в «Большом разговорном лексиконе Мейера» (1905 г.): «Эпоха Бидермайер — это недавно появившийся термин, обозначающий эпоху в истории Германии с конца наполеоновских военных кампаний и примерно до 1850 г., когда под давлением политической реакции участие в общественных делах угасло, а интерес к изящной литературе стал доминировать во всей интеллектуальной жизни»⁴⁴⁴.

В вышеупомянутом словаре можно найти и краткую историю происхождения самого слова. Своим возникновением «Бидермайер» обязан мюнхенскому еженедельнику «Флигенде Блэттер» ("Fliegende Blätter"), на

⁴⁴² См.: Le Rider J. Vormärz VS Biedermeier //Revue d'histoire du XIXe siècle. Société d'histoire de la révolution de 1848 et des révolutions du XIXe siècle. 2016. №. 52. P. 19-29; Kießling W. Biedermeier und Vormärz //Deutsche Dichtung in Epochen: Ein literaturgeschichtliches Lesebuch. Stuttgart, 1989. S. 391-443; Ростиславлева Н.В. Проблема детерминантов в определении эпох и культурно-исторических категорий истории Германии первой половины XIX века // Новое в Новой истории М., 2023. С. 214-229.

⁴⁴³ См.: Meyers Großes Konversations-Lexikon. Bd 2. Leipzig, 1905. S. 832; Brockhaus' Kleines Konversations-Lexikon. Bd 1. Leipzig, 1911. S. 203.

⁴⁴⁴ Meyers Großes Konversations-Lexikon. Bd 2. Leipzig, 1905. S. 832.

страницах которого с 1855 г. публиковались незатейливые стихотворения от имени некоего сельского учителя — Вайланда Готлиба Бидермайера. За данным псевдонимом скрывались юрист Людвиг Айхродт (1827–1892) и врач Адольф Куссмауль (1822–1902), которые, высмеивая любовь современников к сельской идиллии, пародировали реально существовавшего поэта Самуэля Фридриха Заутера (1766–1846)⁴⁴⁵.

Судя по творчеству, господин Бидермайер обладал довольно простым и наивным нравом, вдохновляясь каждой мелочью, которая попадалась ему на глаза в его незамысловатой повседневности. Большое внимание в его лирике уделялось провинциальному уюту: подчёркивалась размеренность бытия, актуализировались крестьянские сюжеты. Для лучшего понимания приведем несколько строк из самого первого стихотворения, опубликованного в «Флигенде Блэттер»:

И светом ярким день залило,
Когда суп женушка сварила,
С утра он трапезы блюститель
Бедняжка сельский наш учитель⁴⁴⁶.

Популярность сельской эстетики в эпоху Бидермайер обуславливалась не только страхом перед набирающей обороты урбанизацией. Именно в деревне многие немцы углядывали истоки своей национальной идентичности. Окружённые природой, крестьяне рисовались не необразованными невеждами, а хранителями чистого благонравия в его незамутнённой форме⁴⁴⁷.

Подобная точка зрения была укоренена не только в среде бидермайерских «простаков». К примеру, с оглядкой на деревенские традиции предлагал выстраивать национальную культуру немецкий писатель, дипломат и историк-хронист Карл Август Фарнхаген фон Энзе (1785–1858). В одной из своих заметок от 19 февраля 1820 г., посвященной критике Берлинского театра, он сокрушался,

⁴⁴⁵ Ростиславлева Н.В. Идеи Вильгельма фон Гумбольдта в ракурсе понятия «Бидермайер» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 25/1. М., 2008. С. 376.

⁴⁴⁶ Fliegende Blätter. Nr. 511. München, 1855. (перевод – А.М.)

⁴⁴⁷ Biedermeiers Glück und Ende. Die gestörte Idylle 1815-1848 / Hrsg. von H. Ottomeyer. München, 1987. S. 176.

что на сцене в основном ставят оперу на итальянском языке, даже если она абсолютна чужеродна как немецким исполнителям, так берлинской публике.

«Искусство должно быть органичным для нации, т.е. должно зарождаться в низших слоях народа; иначе оно скитается, не имея под собой почвы...»⁴⁴⁸ — отмечал Фарнхаген фон Энзе. В качестве образца он приводил песни Гете, которые, по его наблюдениям, без аккомпанемента представляли собой улучшенные песни буршей и ремесленников. Они идеально подходили, чтобы показать красоту немецкого голоса, который не мог полностью раскрыться в слабом подражании чужому языку. Однако иной общеизвестной народной песни, помимо песен со времен освободительной войны, к сожалению автора, не существовало⁴⁴⁹.

Подобный пример показывает, как национальные идеи, хотя и принявшие более мягкую и безобидную форму, не покидали повседневный дискурс. Городское население первой половины XIX в. не только проявляло интерес к искусству, но и охотно знакомилось с литературой, стимулируя книжный рынок: так если за 1805 г. в свет вышло около 4000 немецких изданий, то к 1843 г. ежегодное количество публикаций увеличилось более чем в три раза⁴⁵⁰. Однако на книжной полке среднестатистического жителя Германского союза едва ли можно было обнаружить научные издания серьезнее энциклопедического словаря. В основном предпочтение отдавалось легкой литературе, романам или поучительным рассказам⁴⁵¹.

Распространенная аполитичность бюргеров способствовала поиску новых форм для пробуждения национального сознания. Одним из выходов стала сатира. Ярким доказательством служит популярность серии иллюстрированных рассказов «Берлин – как есть и пить» («Berlin wie es ist und trinkt»), выходявших с 1832 по 1850 гг. Их автору, Адольфу Гласбрэннеру (1810–1876), демократу по убеждениям,

⁴⁴⁸ Varnhagen K.A. Vermischte Schriften. Cit. ex: Hermann G. (hrsg). Das Biedermeier im Spiegel seiner Zeit: Briefe, Tagebücher, Memoiren, Volksszenen und ähnliche Dokumente. Berlin, 1913. S. 183.

⁴⁴⁹ Ibid.

⁴⁵⁰ Hardtwig W. Vormärz: der monarchische Staat und das Bürgertum. München, 1985. S. 113.

⁴⁵¹ Ibid. S. 114.

писавшему под псевдонимом «Бреннглас», в юмористической форме удавалось как осуждать пороки столицы Пруссии, так и заставлять читателя задуматься о национальной гордости.

Едким словом Гласбреннер высмеивал поклонение перед границей: «В Германии люди ищут малейшие недостатки у отечественных имен и готовы пасть к ногам иностранным». Автор подчеркивал, что подобное отношение формируют нормы высшего общества: «Знатные дамы находят немецкий язык недостаточно поэтичным для большинства понятий и используют его, скорее, как нить, которой сшивают воедино лоскуты итальянского, французского и английского, дополняя шутовской камзол своей беседы»⁴⁵². Такими выпадами Гласбреннер пытался лечить «раковую болезнь, поразившую всю Германию», из-за которой чувство собственной значимости немцев угасло, вытесненное «чуждой чепухой»⁴⁵³.

С другой стороны, Гласбреннер не отрицал прогресс западных соседей, когда дело касалось демократических ценностей. В одном из рассказов он открыто высмеивал консерватизм немецких патриотов: «Черт с этой границей, конституцией, республикой и прочей ерундой, ничего из этого не выйдет! В Германии всё равно лучше всего – мы, немцы, по крайней мере, реже убиваемся!» В противовес этому утверждению рядом приводилась мысль, отражавшая характер бюргерской замкнутости первой половины XIX в.: немец – странное существо, которое может плакать от горя в своих стенах, но, выйдя на улицу, будет радоваться жизни⁴⁵⁴.

Ключевой целью серии «Берлин – как есть и пить» выступало просвещение нации и интеграция в ее ряды средних и низших слоев населения, которые и становились основными героями рассказов⁴⁵⁵. Хотя Гласбреннер и иронизировал над невежеством простого рабочего люда, путающего свободу прессы

⁴⁵² Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. I. Eckensteher. Leipzig, 1845. S.6.

⁴⁵³ Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. XIII. Komische Scenen und Gespräche. Leipzig, 1846. S.40.

⁴⁵⁴ Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. XII. Unterhaltungen. Leipzig, 1837. S.31-32.

⁴⁵⁵ Briese O. Adolf Glaßbrenner als Bewahrer des vorindustriellen Berlin // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. Vol. 35. No. 2. 2010. S.12.

(Pressefreiheit) со свободой пожирания (Fressenfreiheit), его персонажи в своей наивности задавали животрепещущие для эпохи вопросы: о гражданских правах, свободе слова, конституции и т.д. Активно поднималась проблема доступности просветительской литературы: «владеющие грамотой повара, уличные торговцы, слуги и чистильщики сапог Германии» пытались знакомиться «с поэтической литературой своего века», но «за пару грошей» им были доступны лишь плохо оформленные дешевые романы⁴⁵⁶. Таким образом, Гласбрэннер стремился преодолеть классовые предрассудки, показывая, что «немецкая тьма, столь схожая с египетской» являлась общей проблемой всех немцев, и даже маленькому человеку будет достаточно немного света, чтобы её разглядеть⁴⁵⁷.

Критика и призыв, изящно завуалированные в сменяющихся картинах городской повседневности Бидермайера, прослеживаются и в других сатирически ориентированных изданиях. К примеру, на страницах уже упоминавшихся «Флигенде Блэттер» также охотно иронизировали над культом поклонения перед другими странами. В одном из рассказов сатирического журнала приводилась речь французского гостя за немецким столом: «Нам часто характеризовали немцев как грубых, невежливых и бестактных людей, но, познакомившись с ними в их собственной стране, я должен опровергнуть это предубеждение и с радостью признать, что нет более вежливого и дружелюбного к французам народа, чем немцы». В светском обществе повсюду говорят на французском, не позволяя иностранцу вставить и слова на немецком, при этом, речи ведутся только о Руссо и Вольтере, Гете и Шиллер тактично не упоминаются. Рассказ вновь подчеркивал одержимость знатных кругов за границей: чем выше общество, тем больше одежда и обычаи «напоминают столицу европейской цивилизации — Париж». Таким образом, у иностранного гостя не оставалось сомнений, что Германия на самом

⁴⁵⁶ Brennglas Ad. Berlin wie es ist und— trinkt. H. VI. Erste Lieferung. Zirngibler und Guckkästner. S. 4-5.

⁴⁵⁷ Brennglas Ad. Berlin wie es ist und— trinkt. H. VI. Zweite Lieferung. Guckkästner. Leipzig, 1845. S. 26.

деле являлась «департаментом Франции» и, возможно, вскоре «из вежливости» уступит рейнскую границу⁴⁵⁸.

Подобный пример не только служил отголоском Рейнского кризиса, но и критиковал немецкое общество, не выходя за рамки защитно-интегрального патриотизма. Редакция «Флигенде Блэттер» подталкивала читателей задуматься и над иными внутренними проблемами Отечества, но делала это более осторожно, параллельно иронизируя над ограничениями дозволенного слова. Наглядным доказательством служит следующая цитата: «Введение цензуры или инквизиция, или охота на ведьм <...> — все эти прекрасные вещи имеют своих почитателей, как и свобода прессы, о которой мы мечтаем так же, как и о будущем немецком флоте и о том, что невозможно здесь упомянуть»⁴⁵⁹.

Еще одним эффективным инструментом для распространения национальных идей, не подвергавшимся столь строгой цензуре, служила визуализация. В первой половине XIX в. литографии, ксилографии и офорты не только украшали книги, позволяя ознакомиться с репродукциями известных полотен, но и выступали независимыми от текста источниками. Именно этот период принес популярность «циклам», представлявшим собой бестекстовую последовательность иллюстрированных панелей, освещавших наиболее узнаваемые сюжеты истории или литературы⁴⁶⁰.

Визуальное сопровождение становилось константой повседневности, что отразилось и на эволюции форматов периодических изданий. Журналы (в т.ч. и «Флигенде Блэттер») уже давно использовали карикатуры и зарисовки для привлечения аудитории, однако первое ежедневное иллюстрированное издание появилось в германских землях лишь к концу первой половины XIX в.: речь идет о немецкой «Иллюстрирте Цайтунг» («Иллюстрированная газета»), которая стала издаваться в Лейпциге с июля 1843 г.

⁴⁵⁸ Der Zweckesser // Fliegende Blätter. Nr. 18. München, 1844. S.139.

⁴⁵⁹ Ibid.

⁴⁶⁰ Timm R. Zur Einführung // Buchillustration im 19. Jahrhundert. Hannover, 1988. S.9.

Цель данного печатного издания, обозначенная в первом номере, заключалась в том, чтобы «сопроводить историю каждого дня наглядными пояснениями и визуализировать настоящее посредством слияния изображения и слова, благодаря которому, будем надеяться, повысится интерес, облегчится понимание, куда проще и приятнее станет процесс воскрешения в памяти⁴⁶¹». Таким образом, редакция стремилась не только вовлечь читателей в актуальный дискурс путем «обучения» и «приятного развлечения», но и утверждала, что «лишь с помощью визуального ряда сознание постигает полноценное значение»⁴⁶².

На своих страницах «Иллюстрирте Цайтунг» настаивала, что «по лику суждение сердца зачастую читается куда вернее, чем по вкрадчивым словам»⁴⁶³. Не противоречат данному утверждению тенденция Бидермайера к визуализации истории, которая в полной мере раскрылась на примере переосмысления Реформации. Подробнее эта специфика будет рассмотрена в следующем параграфе.

Итак, даже в годы, когда Германский союз был скован цензурой, искры национального подъема не угасали. Большинство немцев с теплотой относились к абстрактной Родине, но их патриотизм ограничивался восхищением природой и романтизацией истории, дававшей новую жизнь традиционным ценностям, служившим оплотом стабильности в стремительно прогрессирующем мире. Несмотря на постоянную критику подобных взглядов, интеллектуалы эпохи прекрасно понимали, что к аполитичным бюргерам необходимо найти свой деликатный подход. Таким образом, хотя германский вопрос и менял свою форму, притупляя острые углы, маскируясь под размеренную и безобидную повседневность Бидермайера, процесс формирования немецкой идентичности не останавливался, расширяя зону своего влияния благодаря популярным форматам, воздействующим на массовое сознание.

⁴⁶¹ *Illustrierte Zeitung*. Nr. 1. Leipzig, 1843 S.1.

⁴⁶² *Ibid.*

⁴⁶³ *Ibid.*

3.2. Мартин Лютер в контексте визуальной рецепции Реформации

Полезь визуального сопровождения для восприятия текста была отмечена Мартином Лютером ещё при жизни. В своих трудах реформатор подчеркивал влияние на мирян, которые, «впечатляясь», с большей легкостью запоминали библейские сюжеты⁴⁶⁴. Однако использоваться иллюстрации могли не только в религиозной практике, но и в идеологической конфронтации. Желая популяризировать свое учение, Лютер нашел верного соратника в художнике Лукасе Кранахе Старшем, мастерская которого не только прижизненно увековечила ключевые лица Реформации, но и расширила зону влияния ее постулатов, придав им визуальную форму.

Эффективность визуализации не утратит важности для образа Лютера и спустя столетия. Однако при сравнении с картинами кисти Кранаха становятся заметны значительные перемены: поменялись запросы времени, а вслед за ними нарисовались и новые сюжеты, подлежащие распространению и сохранению в коллективной памяти. С целью рассмотреть данную трансформацию обратимся к визуальным источникам первой половины XIX в., вновь актуализировавшим образ Лютера и предложившим новые ракурсы в немецкой рецепции исторического наследия Реформации.

Применяя термин «образ» в данном параграфе, мы следуем за определением У. Дж. Т. Митчелла, показывая, как изображение, зародившись на единичном материальном носителе, вышло за его рамки и нашло свое отражение «в нарративе, копиях и других следах»⁴⁶⁵. Представляется продуктивным взглянуть на подобный процесс сквозь призму создания мест памяти в понимании П. Нора⁴⁶⁶, выяснив, таким образом, как Реформация адаптировалась в новых «убежищах» XIX в., создавая новые мифы.

⁴⁶⁴ Luther M. *Wider die himmlischen Propheten, von den Bildern und Sakrament* // D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. Bd. 18. Weimar, 1908. S. 83.

⁴⁶⁵ Митчелл У. Дж. Т. *Иконология. Образ. Текст. Идеология*. М., 2017. С. 10.

⁴⁶⁶ Нора П. *Проблематика мест памяти* // Франция-память. СПб., 1999. С. 17-50.

Поиски консолидирующей основы для немецкой идентичности привели к возникновению новых коммеморативных практик: так в первой половине столетия расцветает идея национального памятника⁴⁶⁷. Можно выделить сразу несколько причин, почему данный источник становится наглядным отражением социальных настроений эпохи.

Во-первых, в создание и освещение памятников были вовлечены обширные слои населения. Несмотря на то, что инициатива по воздвижению монументов, в первую очередь, принадлежала правителям или группам, поддерживающим официальную власть, суждение оппозиции можно зачастую увидеть в альтернативных предложениях или критике утвержденных проектов⁴⁶⁸.

Во-вторых, каждый фундаментальный проект требовал значительных вложений. Хотя фантазия художника, получившего творческий заказ, иногда достигала заоблачных высот, воплотить ее можно было, лишь заручившись поддержкой широкого круга спонсоров. Тогда в действие вступал текст: конкурсы монументов сопровождалась подробными описаниями, которые не только раскрывали виденье творца, но и напрямую обращались к аудитории с целью сплотить ее в едином патриотическом порыве. Таким образом, можно выявить определенные аспекты, затрагиваемые при целенаправленной консолидации общества.

Воздвижение памятника Мартину Лютеру по инициативе Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд стало одним из ярких примеров подобной национальной акции. Примечательно, что идея запечатлеть образ реформатора в камне была выдвинута вовсе не евангелической церковью, а просветительским союзом бюргеров. Функционируя с 1801 г., он сплотил представителей образованных слоев: государственных служащих, духовных лиц, врачей, учителей, ведущих активную публикационную деятельность⁴⁶⁹.

⁴⁶⁷ Nipperdey T. Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 206. No. 1. S. 530.

⁴⁶⁸ Ibid. S. 530-531.

⁴⁶⁹ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge zur richtigen Beurtheilung des Unternehmens diesem großen Manne ein würdiges Denkmal zu errichten. Halle, 1804. S. 5.

Кумиром мансфельдского общества Лютер стал вовсе не случайно. Как уже отмечалось в первой главе: в начале XIX в. локальный патриотизм комфортно сосуществовал с общенациональным. В рассматриваемом кейсе фигура реформатора удачно воплощала в себе как национальную, так и земельную гордость: сын Мансфельда и великий немец⁴⁷⁰.

История мансфельдского проекта и изначальные замыслы его инициаторов отражены в двух публикациях, вышедших в 1804 и 1805 гг. В первом издании под названием «Памятник Мартину Лютеру или предложения для правильной организации предприятия по воздвижению достойного памятника этому великому человеку» четко прослеживались элементы национального нарратива. Цель общества была проста: воздвигнуть реформатору такой монумент, который бы «соответствовал духу современного столетия и значимости немецкой нации»⁴⁷¹.

Уже с первых страниц подчеркивалось, что исторический вклад Лютера представлял собой «революцию», выходящую за конфессиональные рамки. Не только «северные территории Европы, протестантские земли, ощущают благотворные последствия просвещения и свободы совести, привнесенные им». Даже южные и западные земли, некоторые жители которых «до сих пор воспринимают его как врага религии и Бога», чувствуют или начинают понимать, как «благотворна для них была Реформация». Их предки могли отвергать и проклинать Лютера, но для разумных потомков он становится «источником гражданского процветания»⁴⁷².

Текст целенаправленно избегал религиозной полемики, заверяя, что отдать дань уважения Реформации могли и великодушные католики. Доказывалось это на примере Шарля де Виллера, француза-католика, который воспел величие Лютера в одном из свежих эссе⁴⁷³. Таким образом, если вклад реформатора ясен

⁴⁷⁰ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge... Halle, 1804. S. 7.

⁴⁷¹ Ibid. Vorwort.

⁴⁷² Ibid. S. 1-2.

⁴⁷³ Villers Ch. Essai sur l'esprit et l'influence de la R'eformation de Luther. Paris, 1804.

представителям других народов и других конфессий, то сомневаться в нем «соотечественникам Лютера, немцам» было и вовсе «стыдно»⁴⁷⁴.

В столь подробной аргументации легко заметить отголосок католической критики. Однако теперь, по мнению авторов, немецкая нация достаточно «созрела» и очистилась от предрассудков, чтобы открыто выразить свою благодарность Лютеру. Благо повод осуществить данный замысел был уже на носу.

По изначальному плану памятник должен был быть поставлен к 300-летнему юбилею Реформации в 1817 г. Для популяризации задуманного предприятия в 1803 г. был основан «Исторический журнал графства Мансфельд»⁴⁷⁵. Через год мансфельдскому обществу удалось заручиться поддержкой короля Пруссии и других высокопоставленных особ (князей и бургомистров), упоминание имен которых должно было повысить уровень доверия к организации⁴⁷⁶.

Однако с приобретением более широкой известности у проекта нашлись и противники. К примеру, в седьмом томе «Разговорного лексикона» Брокгауза вышло дополнение к биографии Лютера, посвященное сбору пожертвований на памятник «великому и незабвенному реформатору». Хотя публикация в известном словаре была на руку мансфельдскому проекту, его характеристика ставила под сомнение пользу всей затеи: «Не будем судить здесь о том, насколько памятник из камня или железа необходим для увековечивания памяти Лютера, который и так навсегда останется бессмертным для потомков, или о том, насколько лучше было бы направить полученные пожертвования на какое-нибудь благотворительное общественное учреждение»⁴⁷⁷.

Как показывает приведенный пример: критиковалась даже не личность, выбранная для увековечения, а сама идея памятника. В своих отчетах мансфельдцам приходилось неоднократно опровергать точку зрения, что воистину великим людям не нужно каменное изваяние, чтобы обрести историческое

⁴⁷⁴ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge... Halle, 1804. S. 2.

⁴⁷⁵ Ibid. S. 5.

⁴⁷⁶ Ibid. S. 11-12.

⁴⁷⁷ Brockhaus Conversations-Lexikon. Bd. 7. Amsterdam, 1809. S. 570.

бессмертие в своих трудах⁴⁷⁸. Подобные замечания лишней раз показывают, что в начале XIX в. привычная нам мемориальная культура принималась еще не всеми, а древняя борьба с идолопоклонством давала о себе знать.

Несмотря на старания членов Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд развеять всякие сомнения в важности своего дела и заручиться поддержкой авторитетных лиц – следующий отчет под названием «Памятник Мартину Лютеру или эскизы, идеи и предложения к нему»⁴⁷⁹ начинался с горьких слов разочарования. Достижение заданной цели едва ли представлялось возможным в ближайшем будущем. Виной тому назывались два обстоятельства: во-первых, поступившие взносы, «какими бы громкими именами они ни обладали в глазах некоторых», были недостаточно велики для осуществления грандиозной идеи; во-вторых, мансфельдцы все еще надеялись расширить бюджет проекта, чтобы получить больше предложений от известных архитекторов и художников⁴⁸⁰.

Пожутив «соотечественников-немцев», в чьей щедрости они так глубоко «заблуждались», организаторы объявили, что на данный момент они собрали лишь 20 тысяч райхсталлеров, в то время как рассчитывали на сумму в десять раз больше⁴⁸¹. О высоких ожиданиях мансфельдского общества свидетельствуют и первые одобренные проекты, амбициозность которых не вызывает сомнений. Если еще год назад памятник рисовался мансфельдцам «колоссальным обелиском» с надписью «Могучая крепость — наш Бог»⁴⁸², то теперь речь уже шла о мемориальных комплексах, капеллах и даже пирамидах.

Рассмотрим некоторые эскизы, опубликованные в 1805 г. Хотя им было не суждено воплотиться в камне, они наглядно иллюстрируют роль, отводимую Реформации патриотическим дискурсом начала XIX в.

⁴⁷⁸ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge... Halle, 1804. S. 21.

⁴⁷⁹ Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe, Ideen und Vorschläge zu demselben. Eisleben, 1805. 50 S.

⁴⁸⁰ Ibid. S. 3.

⁴⁸¹ Ibid. S. 4.

⁴⁸² D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge... S. 8.

Проект архитектора Леопольда Кленце (1784–1864) предполагал увековечить память Лютера храмом в греческом стиле, возведенным в тиши дубрав близ Айслебена. Для празднований в честь великого реформатора, которые предполагалось проводить регулярно, конструкция строения должна была отличаться просторностью⁴⁸³. Внутри храма всех почитателей Лютера приветствовал бы его огромный памятник, окруженный 12 статуями поменьше.

По одну сторону располагались 6 реформаторов: Меланхтон, Цвингли, Кальвин, Гус, Уиклиф и, «возможно», Цинцендорф. По другую сторону — 6 философов: Сократ, Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц и Кант⁴⁸⁴. Таким образом, выбор «апостолов» Реформации соответствовал интерпретации исторического события в духе просвещения и борьбы за свободу.

Стены храма планировали украсить барельефами, изображающими жизненный путь Лютера. Иллюстрированная биография отражала, однако, не столько историческую точность, сколько мастерство аллегорий. Так сцена рождения реформатора виделась художнику следующим образом: «гений просвещения и истины принимает ребенка и передает его на руки персонифицированной Европе»⁴⁸⁵.

Идея возвести для Лютера «храм в греческом стиле» являлась наглядным отголоском неогуманизма, пробудившего интерес к античности в германских государствах⁴⁸⁶. Однако не все немцы находили уместным подражать греческой эстетике в проекте национального значения. С точки зрения пастора и педагога Христиана Готхильфа Зальцмана (1744–1811), для христианского деятеля следовало построить готическую капеллу, которая бы отвечала духу эпохи. К тому же, по его мнению, готика куда лучше бы отражала тот факт, что «памятник был возведен великому человеку Германии»⁴⁸⁷.

⁴⁸³ Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe ... S. 15.

⁴⁸⁴ Ibid. S. 16-17.

⁴⁸⁵ Ibid. S. 17.

⁴⁸⁶ Ростиславлева Н.В. Вильгельм фон Гумбольдт как историк: лаборатория исследователя // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М., 2022 С. 347.

⁴⁸⁷ Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe ... S. 19.

Публиковалась и иная точка зрения: против всех храмов и обелисков, которые «из-за их высоты легко подвергаются разрушению от малейшего сотрясения почвы». Подчеркивая, что памятник Лютеру должен стоять вечно, господин фон Вихт предлагал не возводить никаких конструкций, а прикрепить памятную табличку на одну из скал близ Вартбурга так, чтобы она бросалась в глаза всем проходящим мимо. По его мнению, краткая надпись «Могучая крепость — наш Бог» передавала бы характер реформатора лучше, чем просторные описания его биографии⁴⁸⁸.

Хотя тяга к гигантизму и необычным геометрическим формам были присущи многим предложенным проектам, наблюдались среди них и памятники в более привычном понимании слова. Обрести материальное воплощение было суждено лишь одному из них — спустя 16 лет от публикации эскизов.

Речь идет о памятнике за авторством Иоганна Готфрида Шадова (1764–1850). Пользуясь большим уважением прусского двора, к моменту конкурса скульптор уже успел прославить свое имя квадригой, украсившей Бранденбургские ворота в Берлине. Однако приводимая информация о его проекте была немногословна. Мансфельдское общество, получившее эскизы без письменного описания, не давало лишних комментариев, отмечая лишь, что работы «господина Шадова и господина Шинкеля без особых объяснений говорят сами за себя»⁴⁸⁹.

На опубликованном эскизе (Приложение 1) была изображена скульптура Мартина Лютера, держащего в руках раскрытую Библию. Под именем реформатора был помещен лебедь – символ, который Лютер «унаследовал» как преемник Яна Гуса⁴⁹⁰. Рельеф на готическом постаменте выделял три ключевые сцены из жизни немецкого реформатора: сжигание папской буллы, Вормсский рейхстаг и перевод Библии.

Уже на ранних этапах видно, что Шадов отдавал приоритет реалистичному портрету реформатора. В своих заметках к творческому процессу архитектор

⁴⁸⁸ Ibid.

⁴⁸⁹ Ibid. S. 15.

⁴⁹⁰ Bugenhagen J. Leichen-Predigt bei der feierlichen Beerdigung unseres unsterblichen Reformators Dr. Martin Luther, gehalten am 22ten Februar 1546. Berlin, 1843. S. 10.

писал, что много читает о «бесценном человеке Мартине Лютере. Народ больше его не узнает! Такая величина! Такая доблесть! Такой герой! Теперь он и мой герой, я преисполнен почитанием»⁴⁹¹. Энтузиазм мастера в желании запечатлеть узнаваемый и аутентичный образ привел к созданию предварительного бюста реформатора в 1806 г., гипсовый слепок которого был направлен Патриотическо-литературному обществу графства Мансфельд. В пользу Шадова играла и относительно низкая цена задумки⁴⁹². Однако стать победителем по итогам изначального конкурса ему так и не удалось: Наполеоновская оккупация прервала сбор средств и работу над памятниками.

О дальнейшей судьбе Мансфельдского проекта узнаем из описания торжественного открытия монумента, которое состоялось в Виттенберге 31 октября 1821 г. Памятная табличка отмечала: «Основанный с помощью собранных Мансфельдским обществом предложений и возведенный королем Фридрихом Вильгельмом III»⁴⁹³.

Мечта Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд поставить памятник к 300-летию Реформации почти сбылась. Основание монумента было заложено 31 октября 1817 г. прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, за чей счет, как подчеркивала табличка, проект и был в основном реализован. Далекий от масштабных предложений начала столетия, в день своего полноценного открытия монумент тем не менее собрал «невообразимую толпу почитателей» со всех «уголков Германии»⁴⁹⁴.

Однако отличия от первоначального эскиза Шадова заметны невооруженным взглядом (Приложение 2). Пропал лебедь, символ унаследованной борьбы за истину, исчезли изображения непреклонного Лютера, а вместо них появились немецкие надписи. В самой Библии, открытой бронзовой рукой, готическим

⁴⁹¹ Cit. ex: Joestel V., Strehle J. *Luthers Bild und Lutherbilder. Ein Rundgang durch die Wirkungsgeschichte*. Wittenberg, 2003. S. 35.

⁴⁹² Ibid.

⁴⁹³ *Doctor Martin Luther's Denkmal zu Wittenberg, und die Feyer zur Einweihung desselben. Magdeburg, 1821. S. 14.*

⁴⁹⁴ Ibid. S. 29.

шрифтом было выведено «Новый Завет, переведенный на немецкий Доктором Мартином Лютером». Таким образом, в фокусе уже была не «революция» реформатора, а его вклад в развитие родного языка.

Привлекает внимание еще одно нововведение: вокруг скульптуры появился железный балдахин работы прусского архитектора Карла Фридриха Шинкеля (1781–1841), визуально помещавший Лютера в замкнутое пространство. Так как это дополнение было сделано по желанию прусской короны, некоторые исследователи предполагают, что данный шаг должен был ограничить «гражданского» Лютера, не дав ему выйти за рамки монархического виденья⁴⁹⁵.

Юбилей 1817 г. дал повод для переосмысления образа Реформации в самых разных формах. Стремление собрать и сохранить «памятники» для потомков послужило толчком для их коллекционирования и публикации иллюстрированных изданий с подробными комментариями. Ярким примером подобной тенденции можно назвать труд Генриха Готлиба Кройсслера (1782–1847) «Память доктора Мартина Лютера в юбилейных монетах»⁴⁹⁶, выпущенный в Лейпциге в 1818 г.

Если монумент Лютеру оставался достаточно спорной идеей в глазах немцев начала XIX в., то традиция чтить его память в металле насчитывала уже три столетия. Так в работе Кройсслера приводятся юбилейные монеты 1617 и 1717 гг., систематизированные по локальному принципу. Несмотря на ограниченные сроки для формирования новой коллекции, публикатор, однако, не желал исключать юбилей, чьим современником он непосредственно являлся.

За год ему удалось собрать и дать характеристику 11 юбилейным монетам и медалям (Приложение 3), приуроченным к 300-летию Реформации. Хотя Кройсслер и сокрушался, что не смог привести больше свежих примеров, по его мнению, в его коллекции отмечены наиболее «значимые» монеты. Преемственность сюжетов, проявляющаяся при сравнении юбилейной чеканки

⁴⁹⁵ Nipperdey T. Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 206, No. 1. S. 557.

⁴⁹⁶ D. Martin Luthers Andenken in Münzen nebst Lebensbeschreibungen merkwürdiger Zeitgenossen desselben. Leipzig, 1818. 350 S.

1817 г. с образцами двух прошлых веков, также должна была компенсировать количество для читателей⁴⁹⁷.

Схожесть, в первую очередь, обнаруживается в используемой символике. Например, изображение Мартина Лютера со свечой и Библией встречается на монетах всех трех юбилеев. Таким образом, на протяжении трехсот лет виттенбергский богослов почитался в качестве героя, руководствовавшегося лишь Писанием, дабы «вновь осветить погрязший во тьме мир»⁴⁹⁸.

Мотив света выступал постоянной константой вокруг юбилейного портрета Лютера: что отражалось как визуально (свеча, солнце, солнечные лучи вокруг имени), так и в надписях. Так на одной из монет 1817 г. выведены на немецком слова: «Народ, бродящий во тьме, увидел великий свет»⁴⁹⁹.

Заметное преобладание немецких надписей можно назвать одним из ключевых изменений: прошлым юбилеям Реформации было более характерно использование латыни. Однако не только язык отдавал должное национальному духу: например, одна из юбилейных медалей изображала памятный камень в виде «старинного германского обелиска» в готическом стиле. Таким образом, идея поставить «памятник Лютеру» от «благодарного немецкого народа» находила свое место и в чеканке⁵⁰⁰.

Несмотря на вкрапление национального пафоса и просветительских интерпретаций, религиозным переосмыслениям Реформации также отводились свои символы. К примеру, сразу на нескольких монетах изображались побеги винограда и колосья пшеницы. Напоминание о том, что, отстаивая присутствие Христа в вине и хлебе во время евхаристии, Лютер «поднял таинство из собственных руин»⁵⁰¹.

Еще одной особенностью трехсотлетнего юбилея можно назвать усиливающуюся тенденцию к персонализации исторического события. Все 11

⁴⁹⁷ D. Martin Luthers Andenken in Münzen... S.81.

⁴⁹⁸ Ibid. S. 79.

⁴⁹⁹ Ibid. S. 81.

⁵⁰⁰ Ibid. S. 79.

⁵⁰¹ D. Martin Luthers Andenken in Münzen... S. 79.

приводимых образцов были украшены портретом Лютера, а на некоторых реформатор был представлен как на аверсе, так и на реверсе. Таким образом, лик виттенбергского богослова представлялся достаточно узнаваемым, чтобы вытеснить более аллегорические изображения Реформации предшествующих веков.

Растущий интерес к фигуре самого Лютера подтверждает и возникновение новых форматов, позволяющих интегрировать память о нем в повседневную жизнь. Речь идет о домашней утвари: портреты реформатора украшали чашки, тарелки, подносы, банки, курительные трубки, музыкальные шкатулки и т.д. Любопытны случаи двойной коммеморации: в честь возведения памятника Лютеру в 1821 г. немцы могли приобрести фарфоровые чашечки, изображавшие монумент на Виттенбергской площади⁵⁰².

Для эффективного закрепления образа Реформации в коллективной памяти требовалось учитывать актуальные интересы немцев Германского союза: копий картин Кранаха было уже недостаточно. Многочисленные жизнеописания реформатора все чаще привлекали фрагменты из «лютеровских» графических циклов первой половины XIX в., снискавших большую популярность у современников. Таким образом, чтобы определить ключевые векторы конструирования национального мифа, представляется продуктивным проанализировать специфику визуализации исторических и биографических эпизодов.

Говоря о визуальной рецепции наследия Лютера в первой половине XIX в., можно выделить три графические серии, ставшие наиболее узнаваемыми в Германском союзе: за авторством Вильгельма фон Лёвенштерна, Карла Августа Швердгембурга и Густава Кёнига. Выбор сюжетов и интерпретация деталей в работах этих творцов наглядно демонстрируют эволюцию творческих подходов в популяризации исторических фигур.

⁵⁰² Joestel V., Strehle J. *Luthers Bild und Lutherbilder. Ein Rundgang durch die Wirkungsgeschichte.* Wittenberg, 2003. S. 31.

Первые метаморфозы заметны в лютеровском цикле барона Вильгельма фон Лёвенштерна, датируемом 1827 г. Лёвенштерн не был профессиональным художником, а иллюстрации из жизни реформатора стали единственным следом, оставленным его литографической мастерской в истории. Это во многом объясняет, почему его работы просты и незатейливы, а выбор сюжетов обусловлен, скорее, общественным спросом нежели творческой фантазией⁵⁰³.

Всего в цикл литографий барона фон Лёвенштерна входило 15 иллюстраций из жизни реформатора. Отбор сюжетов показателен в тяге к мифологизации: художник стремился изобразить житие Лютера в лучших традициях героического эпоса. Мотив избранности открывала сцена смерти Алексиуса (Приложение 4), друга Лютера, сраженного молнией в 1505 г. Единственная литография цикла, изображающая смятение главного героя: юный Лютер напуган, отстранившись от тела; зарницы все еще полыхают в опасной близости. Своими глазами узрев мимолетность жизни, он трактует трагедию как знамение и решает посвятить себя монашеской жизни.

Данная иллюстрация служит наглядным примером конструирования мифа с целью впечатлить зрителя. Путешествуя пешком, Лютер действительно однажды попал в страшную грозу и в дальнейшем вспоминал, что молния ударила совсем рядом, заставив юного студента пересмотреть планы на будущее. Однако в тот день обошлось без жертв. Его друг скоропостижно ушел из жизни незадолго до вступления Лютера в монастырь, что также утвердило будущего реформатора в своем решении. Традиция сознательно объединять два сюжета в дальнейшем найдет свое отражение и в цикле Г. Кенига, который даже оставит предупреждение о том, что «художник сознательно следовал известному мифическому изображению», проиллюстрировав «два самых ярких предостережения Лютера о смерти – труп друга и молнию» в единой картине⁵⁰⁴.

⁵⁰³ Kruse J. Drei graphische Folgen von Lutherlebenbildern des 19 Jahrhunderts // "Er fühlt der Zeiten ungeheuren Bruch und fest umklammert er sein Bibelbuch...": zum Lutherkult im 19 Jahrhundert". Berlin, 1996. S. 43.

⁵⁰⁴ König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg, 1851.

Спасти своего друга удастся уже зрелому Лютеру, обретшему душевный покой в чистоте веры. Лёвенштерн помещает реформатора на передний план литографии, изображая его стоящим на коленях и упорно молящимся о выздоровлении Меланхтона, который неподвижно лежит в кровати позади. На прикроватном столике заметны следы тщетного лечения, а критичность положения подчёркивается песочными часами над изголовьем верного соратника: его время на исходе. Однако сила лютеровской молитвы предотвращает трагедию, не только демонстрируя близость реформатора с Богом, но и вписывая в его биографию мотив чудес, совершаемых святыми (Приложение 5).

Если предыдущие эпизоды из цикла Лёвенштерна имели некоторое историческое основание, то финальный штрих, завершающий биографическую серию, опирается на неподтвержденную народную легенду, которая начинает фигурировать в жизнеописаниях реформатора с начала XVII в.⁵⁰⁵ Литография изображает императора Карла V рядом с надгробием Лютера в Замковой церкви Виттенберга. Хотя при жизни правитель открыто препятствовал Реформации, после Шмалькальденской войны в 1547 г. он решает почтить могилу своего противника.

Симметричность композиции выделяет центральные фигуры действия. Слева на переднем плане в возмущении застыл испанец герцог Альба, легко узнаваемый по костюму и характерной заостренной бороде, который с католическим фанатизмом настаивает на уничтожении могилы реформатора. Справа ему спокойно возражает сам император Карл, указывая на захоронение и заявляя, что не ведет войн с мертвецами (Приложение 6). Положительный образ Карла V, который оставался избранным императором Священной Римской империи, пусть и не удовлетворившим желание германской нации, контрастирует с абсолютно «чужим» отрицательным образом Альбы. Так Лёвенштерн позволяет Лютеру торжествовать даже после смерти, заслужив уважение и одержав моральную победу над своими ярыми врагами.

⁵⁰⁵ Joestel V., Strehle J. *Luthers Bild und Lutherbilder. Ein Rundgang durch die Wirkungsgeschichte.* Wittenberg, 2003. S.53.

Несмотря на обилие героических эпизодов, есть в цикле Лёвенштерна и изображение, приоткрывающее дверь в семейные будни (Приложение 7). Лютер, сидящий за инструментом, окруженный женой и пятью детьми, предстает главой семьи в классическом понимании бидермайерского уюта. Однако стремясь приблизить своего героя к повседневному быту современников, Лёвенштерн допускает заметную вольность. Лютер, музицирующий на клавесине, хотя и существовавшим в XVI в., но в домах более зажиточных, представлял собой, скорее, воплощение идеального досуга среднего класса XIX в., нежели историческую действительность.

Дальнейшие иллюстрированные биографии Лютера стремились избегать подобных анахронизмов, их кредо стала историческая достоверность. Способствовал такому тщательному подходу и иной уровень образования, финансирования и профессионализма творцов. Так Карл Август Швердгебурт (1785–1878) был придворным гравером великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймар-Эйзенахского; за спиной мастера были годы изучения искусства в Дрезденской академии, а затем обучение технике гравировки в Веймаре. Известность Швердгебурт снискал еще до обращения к Реформации, благодаря граверному портрету Гете, который стал последним прижизненным изображением писателя⁵⁰⁶.

Работа над Лютеровским циклом, «узнаваемым во всей Европе», растянулась на несколько десятилетий: 8 офортов создавались Швердгебуртом с 1843 по 1862 гг. Его ученики и последователи объясняли медленный процесс «болезненной добросовестностью», с которой уже слабеющий глазами мастер собирал коллекции исторических документов для изображения Лютера. По их свидетельствам цикл должен был быть даже больше и содержать еще шесть гравюр, которые Швердгебурт не успел закончить⁵⁰⁷.

⁵⁰⁶ Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern, gezeichnet und in Stahl gest. vom Prof. Schwerdgeburth, als Festgruß zur 400-jährigen Geburtstagsfeier des christlichen und nationalen Reformators D. Martin Luther. Leipzig, 1883. S.III.

⁵⁰⁷ Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern... Leipzig, 1883. S. V.

Первый офорт цикла Швердгембурга задал тон всей серии: «Мартин Лютер с семьей в рождественский вечер 1536 г. в Виттенберге». Иллюстрация была настолько популярна, что неоднократно приводилась в разных изданиях, к примеру, вошла в доклад пастора Вильгельма Бесте (1817–1889), с которым он выступил в 1846 г. на вечере, посвященном годовщине смерти реформатора⁵⁰⁸. Наглядное свидетельство тому, что домашний уют Лютера был одной из любимых тем эпохи.

В творчестве Швердгембурга в целом соблюден изящный баланс исторической достоверности и ценностей XIX в. Рождество было центральным семейным событием Бидермайера, которое предписывалось отмечать сугубо в кругу близких. Однако «близкий круг» мог быть достаточно широк: в него входили и дальняя родня, и лучшие друзья, и верные слуги⁵⁰⁹. В связи с этим, на гравюре Швердгембурга представлены Лютер с женой, их дети, Филипп Меланхтон, «тетка Лене» и кантор Иоганн Вальтер. «1536 г.» в названии гравюры тоже не случаен: именно в эту зиму вся большая семья Лютера могла собраться за одним столом, а празднование не было омрачено утратой ребенка (Приложение 8).

Швердгембург, как и его предшественник, подчеркивал любовь реформатора к музыке, столь близкую Бидермайеру, однако на гравюре предпочтение отдано аутентичной лютне, нежели клавесину. Описывая изображение в докладе, пастор Бесте даже отмечал: «Эта картина достоверно передает суть и атмосферу дома Лютера. Рождественский праздник в нем всегда был завершением долгих тосканий и пиком домашней жизни»⁵¹⁰.

Достоверность, в которой уверяли зрителей, все же делала небольшое допущение. Рождественское дерево, вокруг которого собиралась вся семья, являлось символом бидермайерского уюта. Однако впервые в качестве домашнего рождественского декора ель начали использовать лишь в XVII в., сама же традиция

⁵⁰⁸ Beste W. Luther's Kinderzucht, in Lehren und Lebensbildern dargestellt. Ein Vortrag am Abende vor Luther's Todesfeier, den 17. Februar 1846. Braunschweig, 1846. 35 S.

⁵⁰⁹ Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften... Bd. 5. Altona, 1837. S. 386.

⁵¹⁰ Beste W. Luther's Kinderzucht ... S. 17.

была укоренена Бидермайером⁵¹¹. И хотя Мартин Лютер гипотетически мог праздновать Рождество со своими домочадцами — елку в 1536 г. никто из них не украшал.

О широком распространении цикла Швердгемурта свидетельствовала заметка, данная в «Альгемайне Цайтунг», которая не только рекламировала офорты, вышедшие на момент публикации номера, но и делала анонс для следующего творения мастера. В рекламе утверждалось, что гравюры можно приобрести либо в придворном книжном магазине в Веймаре за 20 гутергрошенов, либо сделать заказ в любом германском или швейцарском книжном магазине. Отстаивали полезность приобретения доводы о портретном сходстве всех изображаемых исторических фигур и наблюдение, что картины Швердгемурта радуют глаз на стенах уже многих семейных гостиных Германии⁵¹².

Особый фокус на семейной, бытовой стороне жизни Лютера красной нитью проходил сквозь эпизоды Швердгемуртского цикла. Помимо Рождества гравёр изобразил церемонию венчания Лютера с Катариной фон Бора и прощание с семьей перед предсмертным путешествием в Айслебен. Хотя между событиями прошло более 20 лет, реформатор окружен все теми же людьми: верными друзьями Кранахом и Бугенхагеном и преданной спутницей Катой. В обоих случаях творец помещал действие в камерное пространство комнаты, ощущение уюта усиливалось благодаря присутствию на гравюрах бытовых натюрмортов, детей и домашних питомцев. Трепетная любовь к семье подчеркивалась сквозь прикосновения, таким образом, реформатор предстал не далеким недостижимым героем, а близким мужем и отцом (Приложение 9, Приложение 10).

Единственным изображением цикла, на котором Лютер играл роль героя-борца среди противников, становится классический сюжет: «Доктор Мартин Лютер перед Вормским рейхстагом». Однако Швердгемурт решил дополнить его, показав иную сторону Реформации. Гравюра «Лютер проповедует в деревне Мёра» изображает прибытие реформатора в родные края отца после событий в Вормсе.

⁵¹¹ Krüger R. Biedermeier. Eine Lebenshaltung zwischen 1815-1848. Leipzig, 1979. S. 197.

⁵¹² Allgemeine Zeitung. Augsburg. Nr. 28. 28. Januar, 1846. S. 224.

Один из редких офортов Швердгебурта, изображающий Лютера не в четырех стенах, а на природе: на заднем плане видны старые фахверковые домики и церковная башня в окружении деревьев. Послушать земляка собрались стар и млад: простота в одежде и нравах жителей саксонской деревни напоминает о народном происхождении самого реформатора (Приложение 11). Таким образом, гравюра не только иллюстрировала идеалистический образ старой доброй деревни, тоска по которой была свойственна бидермайерской культуре, но и подчеркивала неразрывную связь реформатора с корнями немецкого народа.

Если Лёвенштерн изобразил жизнь Лютера-героя, если Швердгебурт попытался показать жизнь Лютера-человека, то Густав Кёниг (1808–1869) в своем подробном цикле смог раскрыть обе стороны, сделав упор на духовность. Увлечение Кёнига Лютером началось в середине 1830-х гг., когда он получил заказ написать серию сцен из саксонской истории для дворца Рейнхардсбрунн. Выбор художника пал на историю саксонских князей-реформаторов: так он решил провести собственное исследование, внимательно изучив источники на выбранную тему.

Знакомство с Лютером сделало Кёнига его горячим поклонником: в своем творчестве он возвращался к Реформации вновь и вновь. Самым известным воплощением его интереса стала серия из 48 офортов, над которыми он работал в 1840-е гг. О популярности данного цикла наглядно свидетельствует общий тираж иллюстраций: к XX в. он составлял более 80 тысяч экземпляров⁵¹³.

Полностью данная серия впервые была собрана и опубликована в книге «Доктор Мартин Лютер — немецкий реформатор»⁵¹⁴ в 1851 г. На обложке труда значилось: «в иллюстрациях Густава Кёнига — в исторических очерках Генриха Гелцера». Рефлексируя над результатом совместных усилий, историк Иоганн Генрих Гелцер (1813–1889) объяснял их творческую коллаборацию следующим

⁵¹³ Joestel V., Strehle J. *Luthers Bild und Lutherbilder. Ein Rundgang durch die Wirkungsgeschichte.* Wittenberg, 2003. S.52.

⁵¹⁴ König G.F. L., Gelzer J.H. *Dr. Martin Luther der deutsche Reformator.* Hamburg, 1851.

образом: «Слово историка охотно дополняет картину художника, но оба их виденья сами по себе образуют независимое в своем понимании целое»⁵¹⁵.

Важность визуального ряда подкреплялась и параллелью с тесным сотрудничеством самого Лютера с Лукасом Кранахом. Таким образом, сочетая разные виды исторической рефлексии, авторы ставили перед собой задачу «явить XIX веку живого Лютера XVI столетия — во всей его внутренней глубине и внешней силе», обновить «портрет великого духовного героя»⁵¹⁶.

Цикл Кёнига выделял в жизни реформатора следующие этапы: детство, отрочество, Лютер в Виттенбергском университете, начало борьбы Лютера и ее развитие, новая церковь и ее плоды, конец жизни Лютера. Отдельная вневременная категория отводилась для «приватной жизни Лютера»⁵¹⁷. Таким образом, как и в серии Швердгебурта, «оживляли» виттенбергского богослова не только сцены героических деяний, но и зарисовки уютной повседневности.

Отличительной чертой цикла Кёнига является значительный фокус на «промежуточных» эпизодах. В центре внимания оказывается теологическое становление Лютера до публикации тезисов, которому уделяется более 10 иллюстраций. Кёнигу важно запечатлеть моменты сомнений и откровений в судьбе своего героя. Так одна из самых узнаваемых иллюстраций посвящена обнаружению латинской Библии в библиотеке университета Эрфурта. Пытливый юноша склонился над книгой, полностью погрузившись в ее прочтение, в сторону отброшены другие фолианты, среди которых по подписям можно узнать Фому Аквинского и Аристотеля (Приложение 12). Таким образом, Кёниг изображает истоки принципа «*sola scriptura*», демонстрируя, как Лютер отвернулся от интерпретаций схоластов и обратился к священному оригиналу.

Не меньшее внимание уделяется и поздним событиям в жизни Лютера, демонстрирующим, что его дело не заканчивалось Вормским рейхстагом (основном фокусе иных художников). Реформация продолжается в проповедях

⁵¹⁵ Ibid. Vorwort.

⁵¹⁶ Ibid.

⁵¹⁷ Ibid. S. 142.

против иконоборчества, в беседах с саксонским курфюрстом и т.д. Консервативный взгляд на роль реформатора находит отражение в гравюре, иллюстрирующей выступление Лютера против Крестьянской войны (Приложение 13). С поднятой рукой, призывающей остановиться, виттенбергский богослов бесстрашно застыл в толпе бунтовщиков, окруживших его с вилами и флагами, другая его рука сдерживает грохот барабана. Лютер даже не удостоивается вниманием заблуждения, преподносимые ему крестьянами. Комментируя офорт, Гельцер подчеркивал, что отец Реформации сделал все, чтобы не позволить своему делу перерасти в «политическую революцию» и спасти «свой народ» от «бездонной пропасти» хаоса.

В то же время в цикле присутствует целый раздел, в котором Лютер запечатлен как друг и семьянин. Обилие повседневных сцен объясняется целевой аудиторией книги. В предисловии автор даже отмечает, что биография предназначена в т.ч. и для «отцов семейства, которые могли бы прочитать ее в кругу своих домочадцев»⁵¹⁸. «Очеловечивают» Лютера не только счастливые эпизоды, но и трагические: так Кёнигу удастся передать всю глубину скорби родителя, потерявшего своего ребенка.

Заметно, что сюжеты Кёнига и Швердегебурта, творивших в одно десятилетие, пересекаются. Так у Кёнига тоже есть рождественская зарисовка под названием «Зимние радости Лютера в кругу семьи» (Приложение 14), изображающая праздник почти в том же составе домочадцев: отсутствует только кантор Вальтер, но и семья занята рассматриванием подарков, а не музицированием. Однако Кёниг не остановился на зиме и пошел дальше, параллельно изобразив «Летние радости Лютера в кругу семьи и товарищей по застолью» (Приложение 15). Таким образом, он уже не привязывал изображаемое к конкретному году и изящно вписал быт реформатора в бесконечный круговорот сезонов.

⁵¹⁸ König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther... Vorwort.

Оба сюжета отражают ценности эпохи Бидермайер, для которой была характерна как любовь к зимним праздникам, так и к проведению досуга на свежем воздухе. Несмотря на включение излюбленных тем эпохи, Кёниг очень внимателен к деталям, желая достоверно передать историю. Так на рождественском столе лежат сладости и игрушки, которые Лютер упоминал в своих письмах, а на платье Катарины виднеется типичная сумочка, которая служила и поясом, и карманом для хозяек XVI в. Сад реформатора также изображен по свидетельствам из «Застольных речей», часто упоминавших радушного хозяина, тень листвы и прохладу фонтанов. В правом углу картины можно даже заметить ученика, приготовившегося записать очередной эпизод из повседневной жизни великого учителя⁵¹⁹.

Конструирование и популяризация образа Лютера во многом опирались на визуализацию его жизни в биографических циклах, влияние которых в дальнейшем наглядно отразится в исторической живописи второй половины XIX в.⁵²⁰ Выбор сюжетов отражал консерватизм Бидермайера: национальные мотивы прослеживались в подчеркивании народного происхождения реформатора и героизации его образа, признаваемого даже противниками, при этом демонстрировалось непринятие народных волнений. С другой стороны, во всех популярных циклах обнаруживаются элементы, запускающие процесс самоидентификации: если подвиги Лютера были легендарны и недостижимы, то его домашний быт был близок и дорог большинству немцев XIX в.

Подводя итоги, отметим, что миф о Лютере, создававшийся на протяжении первой половины XIX в., не был однороден. История памятника реформатору показывает разницу между княжеским и гражданским патриотизмом: в результате более вольные интерпретации просветительского союза бюргеров вытесняются прусской консервативной мыслью. Развивающаяся тенденция к персонификации немецкой Реформации находит свое отражение как в юбилейных монетах, так и в

⁵¹⁹ König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther... В. 41-42.

⁵²⁰ Преемственность сюжетов и выстраиваемых композиций можно наблюдать на картинах А.Ф. Тайкса, В.Ф. Паувелса и др.

многочисленных иллюстрированных биографиях данного периода. Стремление художников передать историческую достоверность соседствует с изображением сюжетов, близких современной творцам аудитории. Таким образом, визуальные источники XIX в. выступают не только свидетельством реактуализации наследия Лютера, но и наглядно демонстрирует механизмы конструирования актуального национального символа.

3.3. Семейная идиллия Мартина Лютера как воплощение ценностей Бидермайера

Изучение визуальной рецепции Реформации в германских землях позволяет заключить, что образ Лютера-семьянина пользовался не меньшим спросом, чем образ Лютера-борца. В противовес революционным интерпретациям Бидермайер смещал акценты в биографии реформатора, сосредотачиваясь на более традиционных чертах национального характера. Утоляя интерес к частной жизни «великих», домашний круг Лютера прекрасно подходил для конструирования семейного идеала, близкого всем слоям немецкого населения.

Однако стремление к развитию немецкого гражданского самосознания в первой половине XIX в. не могло не затронуть и интерпретацию семейных уз. В ходе переосмысления социальной значимости семьи одной из главных ее задач было признано формирование моральной личности индивида. От успешности данного процесса зависел нравственный порядок во всем государстве⁵²¹. Осознав данную корреляцию, немецкие интеллектуалы стремились донести важность регулирования семейных отношений до широкой публики

Возвышение роли семейного института можно проследить в определении, зафиксированном в «Государственном лексиконе» К. фон Роттека и К. Велькера. По мнению составителей, семья изначально служила основой «простейшей формы» государства: патриархальное устройство страны во многом базировалось на семейном укладе. Однако эволюция формы государственности не умалила её функций — семья по-прежнему образовывала базис, который служил надёжной опорой гражданской и государственной жизни, «неистощимой почвой, из которой общественные организации тянут питательнейшие соки»⁵²².

С появлением детей ответственность супругов перед Отечеством увеличивалась. На них возлагалась воспитательная функция, включающая в себя как физическое, так и интеллектуальное развитие подрастающего поколения. Лишь

⁵²¹ Biedermeiers Glück und Ende. Die gestörte Idylle 1815-1848 / Hrsg. von H. Ottomeyer. München, 1987. S. 176.

⁵²² Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften... Bd. 5. Altona, 1837. S. 386.

с помощью любящих родителей дети могли «стать людьми, вырасти в достойных граждан государства»⁵²³.

«Хорошая семейная организация», лежащая в основе воспитания цвета нации, должна была стать предметом постоянной заботы власти: «недостаточное внимание к ней грозило тяжелейшими последствиями»⁵²⁴. Схожую идею развивал широко тиражируемый лексикон Брокгауза: «государство обязано устранять всё, что способствует ослаблению семейных уз, стремиться к их поддержке и укреплению». На страницах энциклопедического издания также высказывалась мысль, что семейные отношения в идеальной модели могли бы стать гарантом государственного порядка – формируя его базис, семейная жизнь, «не знающая холодного эгоизма», задавала бы пример для организации и процветания иных институтов⁵²⁵.

В своем устройстве семейная пирамида объединяла представителей знати, горожан, крестьян и рабочих. Закреплённые гендерные роли продолжали отдавать дань традиционализму. Даже в энциклопедическом издании Херлосзона, созданном с целью женского просвещения, отмечалось, что женщина должна оставаться «жрицей очага», погруженной в заботы о домашнем уюте, потому что мужчина, которому предписывается быть активным во внешней жизни, «менее способен сохранить семейный уклад», передавая традиции из поколения в поколение⁵²⁶.

За мужчиной, таким образом, закреплялась привычная роль кормильца, добытчика денег и представителя дома во внешней среде, в то время как жене рекомендовалось сосредоточиться на семейном быту и воспитании детей: дамам стоило держаться подальше от «холодной рациональности», вредной их «впечатлительной натуре». Их досугом могли быть музыка, салон, театр, лёгкая

⁵²³ Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften... Bd. 5. Altona, 1837. S. 389.

⁵²⁴ Ibid. S. 386.

⁵²⁵ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd 2. Leipzig, 1838. S. 6.

⁵²⁶ Damen Conversations Lexikon. Bd. 4. Adorf, 1835. S. 64.

литература, особенно приветствовалось рукоделие, в то время как мысли о науке и работе вне дома не находили поощрения⁵²⁷.

С другой стороны, гендерные роли, предписанные нормами Бидермайера, не были необжалованным приговором. Женщины продолжали пробовать себя в печати, пусть и под мужскими псевдонимами, желая отстаивать свои права на социальную жизнь вне домашних стен. Их требования не оставались незамеченными, о чем свидетельствуют приглашения на Гамбахский праздник, цитируемые в первой главе диссертации. Среди наиболее ярких примеров борьбы за женские права можно назвать деятельность писательницы Луизы Отто, вокруг которой сформировалось женское общество, издававшее собственную газету. В статье Отто «О положении и образовании женщин», написанной в 1842 г., можно найти основные требования этого движения: право на полноценное образование (с допуском в университеты) и работу для женщин. Подобные примеры объясняют, почему в протестах 1848/49 гг. активно принимало участие и новое поколение представительниц женского движения⁵²⁸.

Развенчиванием господствующего патриархального идеала занималась сатира. К примеру, в бидермайерском обществе пользовалась популярностью серия карикатурных картинок типографии Иоганна Бернхарда Кюна (1750–1821) – бильдербоген из города Нойруппин, сюжет которых затрагивал в т.ч. и незадачливые браки. Приведём отрывок из «7 просьб мужей к своим жёнам», чтобы взглянуть на обратную сторону семейного парадиза:

«1. Дорогая жена! Вставай с утра пораньше, чтобы кухарка не кидала в кофе так много цикория! 2. Не читай после обеда одни модные журналы, лучше сделай что-нибудь по хозяйству! 3. Когда ты веселишься в компании других мужчин, не забывай, что у тебя уже есть муж. 4. Не проигрывай в тайне домашние сбережения в лотерее и помни, что 20 серебряных грошей составляют талер. 5. Не выходи без меня в сумерки на улицу — вдруг с тобой что-то случится. 6. Не ревнуй, когда я по

⁵²⁷ Nipperdey T. Deutsche Geschichte: 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. S. 120.

⁵²⁸ Ростиславлева Н.В. От салона к баррикаде. Женщины эпохи Гейне [рецензия] // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. №10. М., 2005. С.242-245.

ошибке целую служанку. 7. Всегда оставляй за твоим мужем последнее слово и будь тем дружелюбнее, чем позже он приходит домой»⁵²⁹.

Подобный формат насмешливых советов не только демонстрировал повседневность эпохи в деталях, но и показывал размытость принятых за основу норм, которые на практике каждый индивид пытался трактовать в свою пользу. Хотя в большинстве случаев семейный очаг негласно продолжал обустроиваться по патриархальным традициям, с точки зрения просветителей, роль семейного института как основы государства требовала проговаривания оптимальных стратегий. Бесспорным примером для многих служила «христианская семья», опора для «реализации человеческого предназначения»⁵³⁰. Таким образом, в первой половине XIX в. семья Лютера, подходящая по всем критериям, вышла в свет, став признанным образцом для подражания.

Социальная заинтересованность в брачно-семейных рекомендациях отразилась в работах, приуроченных к юбилею Реформации 1817 г. В своей книге с говорящим названием «Лютер к нашему времени или слова Лютера, которые наиболее заслуживают внимания нашей эпохи»⁵³¹ протестантский теолог Карл Готлиб Бретшнайдер (1776–1848) поставил цель опубликовать те мысли реформатора, которые могли бы пригодиться в актуальном для читателя настоящем. Выбирая среди многочисленных проповедей и сочинений Лютера, издатель подобрал тексты, затрагивавшие «наиболее спорные теперь» темы и разрешавшие проблемы, которым «его век уделяет особое внимание»⁵³². В список востребованных запросов вошла и глава, посвященная «супружеству и женскому полу».

Краткое изложение проповедей Лютера о секретах счастливого брака сопровождалось примечанием публикатора, которое сообщало, что приводимые

⁵²⁹ Sieben Bitten der Ehemahner an ihre Frauen. Cit. ex: Krüger R. Biedermeier. Eine Lebenshaltung zwischen 1815-1848. Leipzig, 1979. S. 196.

⁵³⁰ Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd 2. Leipzig, 1838. S. 6.

⁵³¹ Bretschneider K.G. Luther an unsere Zeit, oder Worte Luthers, welche von unserm Zeitalter besonders beherzigt zu werden verdienen. Erfurt, 1817.

⁵³² Ibid. S. 3-4.

советы успешно проверены на собственном опыте реформатора: «Лютер жил в очень счастливом браке: если судить по письмам, в которых он весьма часто называет супругу «своим господином Кэте», он был очень хорошим мужем»⁵³³. Основные мысли, отобранные Бретшнайдером, соответствовали реалиям эпохи: наибольший акцент был уделён не столько популяризации брака (в том, что семейная жизнь лучше celibата, читателей XIX в. убеждать было не нужно), сколько регулированию гендерных норм между супругами.

В разных вариациях транслировалась мысль о том, что каждый должен находиться на месте, определённом ему Богом. Мужчина оставался всему главой, когда женщина к правлению совсем не пригодна: зато «рожать детей, кормить их и воспитывать она мастерица»⁵³⁴. Речь не шла о принижении её достоинств, напротив, подчеркивалась важность нежной миссии, с которой под силу справиться лишь матери. В то время как отец, пытающийся убаюкать ребёнка, выглядит как «танцующий верблюд»⁵³⁵. Однако подобная характеристика не означала, что глава семейства должен равнодушно стоять в стороне: «Мужчины обязаны любить своих жён и детей больше чем своё тело и свою жизнь»⁵³⁶. Таким образом, во всех приводимых отрывках красной нитью проходила мысль, что проявление любви и уважения к жене являлось залогом здорового потомства и светлого будущего поколений.

Опубликованные К.Г. Бретшнайдером «актуальные» проповеди Лютера подтверждают, что ключевой причиной для регулирования супружеских отношений оставались дети, от которых напрямую может зависеть будущая судьба нации. Данная мысль прослеживается и в докладе «Воспитание детей по образцу Лютера», с которым пастор Вильгельм Бесте выступил зимой в 1846 г. на вечере, приуроченном к годовщине смерти реформатора. По мнению автора, воспитание

⁵³³ Bretschneider K.G. Luther an unsere Zeit... Erfurt, 1817.S. 259.

⁵³⁴ Ibid. S. 261.

⁵³⁵ Ibid. S. 260.

⁵³⁶ Ibid. S. 259.

народа начиналось непосредственно с воспитания детей⁵³⁷. Таким образом, чтобы наставить юное поколение на путь истинный, стоит вспомнить проверенные советы, т.е. обратиться к примеру знаменитого богослова.

В. Бесте выстраивал четкую аргументацию, почему реформатор может служить наглядным примером для немецкой нации. Во-первых, рефлексируя над проблемами своего времени, автор замечал, что глубокомысленные сочинения нынче не популярны, а популярные сочинения — не достаточно глубокомысленны. Однако стиль наставлений Лютера, в котором наблюдались и содержательность, и ясность, выдерживал необходимый баланс⁵³⁸. Во-вторых, признавался значительный вклад Реформации в развитие семейного института: «низложение ценностей целибата стало великим благом для дома»⁵³⁹. В-третьих, согласно автору, Мартина Лютера можно было величать не только «другом немецкого народа», но и «другом детей»⁵⁴⁰. В своих работах виттенбергский богослов не раз затрагивал проблему диалога между поколениями и лично заявлял, что для родителей воспитать своего ребёнка правильно «куда важнее, чем прослушать мессу»⁵⁴¹.

Образ Лютера раскрывался не только в духовных наставлениях: несмотря на то, что Бесте сам был теологом, он находил важным отметить многогранность подходов реформатора, советы которого были полезны для общего «гражданского преуспевания». В рецепт идеального воспитания входили, к примеру, занятия музыкой, т.к. сам Лютер был достаточно талантлив в этой сфере и утверждал, что музыка исцеляет любые сердечные печали. С другой стороны, отмечалась важность простого сбалансированного питания: «Дети бедных людей, которые едят лишь хлеб с водой, намного красивее, складнее и сильнее богатых детей, которые целыми днями едят вареное и жареное и всё равно выглядят немощными и

⁵³⁷ Beste W. *Luthers Kinderzucht, in Lehren und Lebensbildern dargestellt. Ein Vortrag am Abende vor Luthers Todesfeier, den 17. Februar 1846.* Braunschweig, 1846. S. 32.

⁵³⁸ Beste W. *Luthers Kinderzucht...* Braunschweig, 1846. S. 33.

⁵³⁹ *Ibid.* S. 5.

⁵⁴⁰ *Ibid.* S. 30.

⁵⁴¹ *Ibid.* S. 6.

желтушными»⁵⁴². Отдельное внимание уделялось занятиям физкультурой: особенно Лютер поощрял игровую форму и рекомендовал «поединки рыцарей», во время которых дети много двигались, прыгая и фехтуя⁵⁴³.

Несмотря на то, что Бесте приводил множество цитат самого Лютера о воспитании, он признавал, что ему куда важнее описать семейный очаг реформатора — дать конкретный пример вместо размышлений о теории. Таким образом, автор руководствовался ценностями Бидермайера, пытаясь показать Лютера не столько героем, «известным нам из курса всеобщей истории», а «человеком». Нежным супругом и заботливым отцом⁵⁴⁴.

Ничуть не умаляя «дневную работу» великого реформатора, Бесте предлагал сосредоточиться на его «утренних и вечерних часах», на более близком и знакомом читателю уюте⁵⁴⁵. Неотделимой частью домашней идиллии была супруга Лютера, создававшая все условия, чтобы её муж хоть на миг мог отдохнуть от своей непростой миссии: рядом с ней «сильный человек становился мягким, вспыльчивый человек становился кротким». В качестве доказательства положительного влияния Катарини автор вспоминал ироничное замечание Эразма Роттердамского: «После своей женитьбы Лютер начал смягчаться и больше не свирепствует пером по бумаге»⁵⁴⁶.

Бесте приводил цитату Лютера, подчёркивающую, что в воспитании детей свои силы должны приложить оба родителя: «отец и мать подобны Богу в своих обязанностях», именно их любовь помогает постичь отношение Бога к человечеству⁵⁴⁷. Однако в своём докладе автор почти не затрагивал роль матери. «Воспитание по образцу Лютера» полностью отвечает своему названию и фокусируется только на отце семействе, формируя идеальную модель мужского поведения в быту. Тем не менее В. Бесте сложно упрекнуть в невнимании к

⁵⁴² Ibid. S. 9.

⁵⁴³ Beste W. *Luthers Kinderzucht...* Braunschweig, 1846. S. 10.

⁵⁴⁴ Ibid. S. 12.

⁵⁴⁵ Ibid. S. 11.

⁵⁴⁶ Ibid. S. 12.

⁵⁴⁷ Ibid. S.6.

хранительнице очага: именно из-под его пера за три года до презентации доклада вышла первая полноценная биография Катарины фон Бора, заново открывшая её историю для XIX в.

Бесте с удивлением отмечал временной разрыв, отделяющий его работу 1843 г. от предыдущего жизнеописания спутницы Лютера. Между «Правдивой историей блаженной фрау Катарины фон Бора» (1751 г.) Кристиана Вальха и «Историей Катарины фон Бора: обработанной по источникам» Вильгельма Бесте прошло почти сто лет. Заметная лакуна, образовавшаяся в церковно-исторической литературе, мотивировала автора обновить взгляд на биографию госпожи Лютер и рассмотреть её с позиций исторической науки XIX в.⁵⁴⁸

Рефлексируя над трудами своих предшественников, Бесте подчёркивал, как сильно устарела полемика, сложившаяся вокруг фигуры Катарины. Вместо распутывания спора католических и протестантских авторов он сосредоточился на анализе источников, на которые постоянно ссылался, а часть опубликовал в приложении, систематизировав по хронологическому принципу: среди публикуемых документов можно найти письмо Лютера к Леонарду Коппе с заголовком «Причина и ответ, почему девам разрешено покинуть монастыри свыше», сыгравшее ключевую роль в судьбе Катарины, завещание реформатора и генеалогическое древо семьи.

Бесте первым поднял проблему всех биографий Катарины фон Бора: даже в личном жизнеописании её образ постоянно терялся на фоне яркой и куда более богатой на источники истории мужа. Чтобы создать «самостоятельную, независимую от жизни Лютера» биографию, автор решил осветить все стадии «протестантского пути» Катарины. Таким образом, Бесте делил свою работу на три части, подробно описывая не только брачную жизнь, но и девичество и вдовство героини⁵⁴⁹.

Даже отрекшись от полемики, автор, как и его предшественники, преследовал прежнюю благородную цель — очистить имя жены Мартина Лютера

⁵⁴⁸ Beste W. Die Geschichte Catharina's von Bora: nach den Quellen bearbeitet. Halle, 1843. S.5.

⁵⁴⁹ Ibid. S.8

от клеветы. Оно не должно быть забыто, напротив, должно стать образцом для подражания. Подчёркивая, как трепетно реформатор относился к своей супруге (упоминая всё те же нежные имена, с которыми он к ней обращался), Бесте также объяснял почему «Катарина так сильно заслуживала любовь Лютера». «Во всех источниках она предстаёт преданной спутницей», которая «постоянно поддерживала душевное и телесное состояние» мужа, внимала его речам, а если и отвлекала его «своими наивными мыслями», желая обратить внимание на себя, то Лютер лишь подтрунивал над её «приятными вмешательствами»⁵⁵⁰. Автор стремился доказать, что Катарина не была гордячкой, объясняя эту характеристику предубеждением католических нарративов, напротив, она прекрасно осознавала свою роль и не пыталась руководить мужем⁵⁵¹. Таким образом, рисуя абсолютную супружескую идиллию, Бесте доказывал, что брак Лютера может по-прежнему служить актуальным примером для немецкого общества первой половины XIX в.⁵⁵²

Следующая биография Катарины не заставила себя долго ждать: в 1845 г. в Лейпциге вышла работа пастора Фридриха Готлоба Гофмана под названием «Катарина фон Бора или Мартин Лютер как супруг и отец»⁵⁵³. Полное название конкретизировало цель жизнеописания: «доклад по истории бракосочетания священнослужителей и супружеской и домашней жизни великого Реформатора, составленный по источникам». Хотя автор, по собственным словам, пытался изложить историю Катарины «наиболее полно», основной фокус труда также сосредотачивался не на её личности, а на размышлениях Лютера о браке и его собственном опыте в данном вопросе.

Дух эпохи обнаруживал себя с первых слов, автор задавался вопросом: что вообще может быть интересного в жизни «добродетельной домохозяйки»? «Жена принадлежит тиши дома», поэтому неудивительно, что сведения о её жизни так

⁵⁵⁰ Beste W. Die Geschichte Catharina's von Bora... Halle, 1843. S.54.

⁵⁵¹ Ibid. S. 61.

⁵⁵² Ibid. S.5.

⁵⁵³ Hofmann F.G. Katharina von Bora oder Dr. Martin Luther als Gatte und Vater: ein Beitrag zur Geschichte der Priesterehe sowie des ehelichen und häuslichen Lebens des großen Reformators nach den Quellen bearbeitet. Leipzig, 1845.

немногочисленны. Однако, по мнению Ф.Г. Гофмана, не стоило обделять вниманием женщину, ставшую для Лютера «душевым бальзамом»⁵⁵⁴. Сопровождая свой труд ссылками на многочисленные источники (в основном личную корреспонденцию реформатора и его жены), автор стремился закрепить за Катариной образ «благоговейной монахини, верной супруги и нежной матери». Таким образом, Гофман, как и Бесте, стремился напомнить современникам, что не только сам Лютер, но и его жена может служить образцом для подражания.

Все труды о Катарине фон Бора, вышедшие в первой половине XIX в., принадлежали перу протестантских теологов. Подробно изучая и публикуя источники, авторы пытались популяризировать её образ среди немецкого населения, апеллируя к традиционным ценностям. Образ хранительницы очага, которая счастлива в своём уютном доме и не пытается заниматься тем, что «ей не дано», легко находил отклик в консервативном бидермайерском обществе. Утратив пылкий темперамент, Катарина заняла своё почётное место позади великого мужа. О постепенной популяризации не только в протестантских кругах может служить упоминание имени Катарины в книгах по мировой истории, написанных специально для юного читателя: «Лютер женился на бывшей монахини, Катарине фон Бора, которая вскоре покорила его сердце и стала одной из самых страстных почитательниц его персоны и трудов»⁵⁵⁵.

Возросший интерес к приватной сфере и избегание революционных коннотаций в рамках эпохи Бидермайер актуализировали образ Лютера-семьянина, а вместе с ним – одарили вниманием и его спутницу жизни. Именно в этот период появляются полноценные биографии Катарины фон Бора, в которых она и ее брак предстают идеалом традиционных ценностей. Данная тенденция позволяет заметить, что переосмысление семейного института отражалось не столько в вопросе регулирования супружеских отношений, сколько в описании родительского долга. Таким образом, в национальном контексте семейная идиллия Лютера служила иллюстративным примером для создания идеальных условий

⁵⁵⁴Ibid. S. 4.

⁵⁵⁵ Jerrer G. L. Die Weltgeschichte für Kinder. Bd.2. Nürnberg, 1833. S. 304.

воспитания детей, нового поколения, от которого напрямую зависит будущая судьба Германии.

В Предмартовский период, когда из-за ограничений, введенных системой Меттерниха, народное движение оказалось скованно в действиях и не могло активно проявлять себя в программах и акциях, национальные идеи не угасли, но нашли прибежище в культуре, смягчая свои формы, теряясь на фоне сентиментальной тоски по прошлому, свойственной эпохе Бидермайер. Эффективным подспорьем для пробуждения национальной гордости продолжала служить сатира. Иронизируя над повседневными сюжетами, немецкие писатели заставляли читателя задуматься над актуальными проблемами и переосмыслить свою любовь к абстрактной Родине.

Поиск форм, которые находили бы отклик у большинства населения и способствовали его консолидации, также проявил себя в визуализации истории. Конструирование национального символа в лице Лютера сопровождалось реактуализацией наследия реформатора в монетах, гравюрах, в камне, предметах домашней утвари. История памятника Лютеру наглядно проявила трансформацию представлений о значении Реформации для немцев и столкновение гражданской и монархической интерпретаций. Несмотря на не утихающий конфликт толкований, возведенный монумент и эпизоды, запечатлённые в биографических циклах, свидетельствовали о преобладании культурной национальной традиции в искусстве.

Роль Лютера в качестве образцового семьянина, близкая ценностям Бидермайера и отвечавшая возросшему интересу к частной жизни великих, отразила персонализацию Реформации и укрепление позиций ее главы в качестве национального символа. Таким образом, в национальном контексте домашняя идиллия реформатора становилась эталоном, выстраивая линии преемственности между воспитанием детей и воспитанием нации в традиционных немецких ценностях.

Заключение

На основании проведенного исследования в соответствии с заявленными целью и задачами можно сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ особенностей развития немецкого национального самосознания в первой половине XIX в. подтвердил, что представление о немецкой нации определялось двумя полюсами. С одной стороны, политический курс Германского союза диктовала преимущественно консервативно настроенная властная элита, поддерживающая абстрактное духовное единство и защитно-интегральный патриотизм, но не ставящая в приоритет создание единого национального государства. Сторонники Меттерниха открыто признавали единую Германию опасной утопией и препятствовали национальным акциям и проектам, оспаривающим благотворность итогов Венского конгресса. С другой стороны, несмотря на строгие ограничения и цензуру, не угасал пыл «гражданской» нации, преследовавший цель пересмотреть государственное устройство, расширить политические права и объединить Германию.

Во-вторых, в Предмартовский период предпринимались попытки интеграции более широких слоев населения в актуальный политический дискурс. Немецкие интеллектуалы активно использовали печатные издания для просвещения современников и трансляции консолидирующих национальных идей. Анализ популярных словарей и энциклопедий демонстрирует, что единое национальное государство характеризовалось как наиболее благополучный вариант развития Германии, для достижения которого требуется активная гражданская позиция.

В-третьих, чтобы сформировать базис для самоидентификации немцев и пробудить их к действию в пример приводились яркие исторические личности, воплощавшие лучшие черты «немецкого духа»: смелость, упорство и борьбу за свободу. Таким образом, одним из универсальных образцов для подражания стал Мартин Лютер, что привело к переосмыслению значения Реформации в немецкой истории.

В-четвертых, переосмысление немецкой Реформации сквозь призму национальных ценностей способствовало постепенному вытеснению конфессиональной идентичности. Процесс секуляризации наиболее ярко проявился в контексте празднования 300-летнего юбилея в 1817 г. У стен Вартбургского замка прежний объект конфессиональной полемики был воспет в качестве символа борьбы за свободу и единое Отечество, который в дальнейшем закрепился на страницах демократической и либеральной прессы.

В-пятых, осознанное конструирование иной, прежде нетипичной для рецепции Реформации, идентичности не осталось незамеченным для блюстителей теологического наследия реформатора. Об этом свидетельствуют не только споры вокруг истинного посыла юбилея 1817 г., но и полемика, наблюдаем в периодической печати и справочных изданиях Германского союза. По-разному оценивая вклад Мартина Лютера, консервативно настроенные католические и протестантские ученые сходились в желании вернуть толкование в теологическое русло, выступая против «национализации» деяний реформатора сквозь призму «революционных» ценностей.

В-шестых, востребованность образа Мартина Лютера нашла свое отражение в исторических исследованиях, оказавших влияние на конструирование германского мифа. Несмотря на разные политические взгляды и интерпретацию действий изучаемого героя, основатели Берлинской и Гейдельбергской исторических школ закрепили за Реформацией роль консолидирующего события немецкой истории, охарактеризовав ее как период уникального национального единения и обвинив внешнего противника в последовавшем расколе нации. Подобная положительная характеристика в дальнейшем популяризировалась благодаря широко тиражируемым энциклопедическим изданиям.

В-седьмых, поиск форм, которые находили бы отклик у большинства населения и способствовали консолидации в период, когда национальные акции были под запретом, реактуализировал наследие Мартина Лютера в рамках повседневной культуры эпохи Бидермайер. Задача пробудить национальную гордость в массовом сознании достигалась привлечением новых популярных

форматов, опирающихся на визуализацию истории. Таким образом, коммеморация Реформации нашла отражение в монетах, гравюрах, в камне и в предметах домашней утвари, успешно закрепивших исторический образ в коллективной памяти.

В-осьмых, персонализации Реформации и укреплению позиций Лютера в качестве национального героя способствовала и его роль образцового семьянина. Отвечая бидермайерскому интересу к частной жизни, домашняя идиллия реформатора служила наглядным примером для воспитания нации в традиционных немецких ценностях.

Итак, в Предмартовский период немецкая Реформация обрела новую роль. Конструирование немецкой национальной идентичности как в рамках сдержанного традиционного патриотизма, так в контексте призывающей к действию гражданской нации инструментализировало яркий образ Мартина Лютера, который легко вписывался в национальный пантеон и подхватывался в самых разных идеологических кругах. Данная тенденция подтверждает высокий консолидирующий потенциал исторического образа и позволяет назвать Реформацию одним из ключевых и востребованных конструктов в процессе образования немецкой нации.

Тем не менее преодоление религиозных разногласий нельзя было назвать завершенным процессом. Несмотря на преобладание риторики, примиряющей обе конфессии, выстраиваемая корреляция между Лютером и германством вызывала недоверие у консервативно настроенных католиков. Их опасениям будет суждено подтвердиться во второй половине XIX в., когда господствующие национальные нарративы утратят компромиссную форму и поставят знак равенства между немцем и протестантом, четко обозначив рамки новой национальной идентичности.

Список источников и литературы

Источники

I. Источники официального происхождения

1. Aufruf des Königs von Preußen Friedrich Wilhelm III. "An Mein Volk!". Vom 17. März 1813. URL: http://www.documentarchiv.de/nzjh/preussen/1813/an-mein-volk_friedrich-wilhelmIII-aufruf.html (дата обращения: 10.10.2025).
2. Deutsche Bundesakte vom 8. Juni 1815. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/dtba.html> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Die „Zehn Artikel“ vom 5. Juli 1832. URL: https://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/1_C_NS_Sechs_Artikel_Zehn_Artikel.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
4. Karlsbader Beschlüsse. Universitätsgesetz vom 20. September 1819. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/bduniges.html> (дата обращения: 10.10.2025).

II. Публицистика

5. Arndt M. Des Deutschen Vaterland. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Arndt,+Ernst+Moritz/Gedichte/Gedichte/Des+Deutschen+Vaterland> (дата обращения: 10.10.2025).
6. Ascher S. Die Germanomanie. Skizze zu einem Zeitgemälde. Berlin: Achenwall, 1815. – 70 S.
7. Ascher S. Die Wartburgs-Feier. Mit Hinsicht auf Deutschlands religiöse und politische Stimmung. Leipzig: Achenwall, 1818. – 54 S.
8. Becker N. Der deutsche Rhein // Trierische Zeitung. Nr. 257. 18. September, 1840.
9. Beste W. Luther's Kinderzucht, in Lehren und Lebensbildern dargestellt. Ein Vortrag am Abende vor Luther's Todesfeier, den 17. Februar 1846. Braunschweig: Verlag von G.C.E. Meyer sen., 1846. – 35 S.

10. Bretschneider K.G. Luther an unsere Zeit, oder Worte Luthers, welche von unserm Zeitalter besonders beherzigt zu werden verdienen. Erfurt: G.A. Keysers Buchhandlung, 1817. – 280 S.
11. Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808. – 490 S.
12. Fries J.F. Reformationsfeier auf der Wartburg // Bremer Zeitung. Nr. 305/306. 2. November, 1817.
13. Heine H. Lutezia. Berichte über Politik, Kunst und Volksleben. Zw. Theil. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Heine,+Heinrich/Essays+II%3A+%C3%9Cber+Frankreich/Lutetia/Zweiter+Teil> (дата обращения: 10.10.2025).
14. Jahn F.L. Deutsches Volksthum. Lübeck: Niemann und Comp, 1810. – 460 S.
15. Kayser G.H. Wie feyern wir Luthern und die Reformation am Stiftungstage der letztern am Würdigsten? Augsburg: Bäumer, 1817. – 34 S.
16. Prutz R.E. Der Rhein. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Prutz,+Robert+Eduard/Gedichte/Gedichte/Der+Rhein> (дата обращения: 10.10.2025).
17. Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Dritter Teil. Mannheim: Verlag von Heinrich Hoff, 1839. – 366 S.

III. Отчётные документы

18. D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge zur richtigen Beurtheilung des Unternehmens diesem großen Manne ein würdiges Denkmal zu errichten. Halle: Hemmerde und Schwetschke, 1804. – 90 S.
19. Doctor Martin Luther's Denkmal zu Wittenberg, und die Feyer zur Einweihung desselben. Magdeburg: Wilhelm Heinrichshofen, 1821. – 15 S.
20. Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe, Ideen und Vorschläge zu demselben. Eisleben: O.G. Verdion, 1805. – 48 S.
21. Schreiber C., Veillodter V. K., Hennings W. Allgemeine Chronik der dritten Jubel-Feier der deutschen evangelischen Kirche im Jahre 1817: Nebst einigen Nachrichten von

dieser Feier in auswärtigen Ländern. Bd. 1. Erfurt, Gotha: Henningsssche Buchhandlung, 1819. – 580 S.

IV. Документированные речи и проповеди

22. Bugenhagen J. Leichen-Predigt bei der feierlichen Beerdigung unseres unsterblichen Reformators Dr. Martin Luther, gehalten am 22ten Februar 1546. Berlin, 1843. – 16 S.

23. Die Feier des dreihundertjährigen Jubelfestes der Reformation in der vereinigt-evangelischen Kirche zu Mainz. Mainz: Th. v. Zabern, 1817. – 32 S.

24. Hagen F.H. von der. Beweis, daß Dr Martin Luther nie existiert hat. Berlin, 1837. Cit. ex: Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung. Jg. 62. Nr. 46. Leipzig, 1910. S. 548-550.

25. Luther M. Wider die himmlischen Propheten, von den Bildern und Sakrament // D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. Bd. 18. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1908. Bd. 18. S. 68-85.

26. Kieser D.G. Das Wartburgfest am 18. October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Jena: F. Frommann, 1818. – 146 S.

27. Paulus H.E.G. Auch zu Heidelberg war Doctor Martin Luther. Heidelberg, Heidelberg: A. Oswald, 1817. – 116 S.

V. Периодическая печать

28. Allgemeine Zeitung. Augsburg. 1807-1882.

29. Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. I. Eckensteher. Leipzig: Verlag von Ignaz Jackowitz, 1845. – 32 S.

30. Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. VI. Zweite Lieferung. Guckkästner. Leipzig: Verlag von Ignaz Jackowitz, 1845. – 26 S.

31. Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. VI. Erste Lieferung. Zirngibler und Guckkästner. Leipzig: Verlag von Rostosky und Jackowitz, 1838. – 36 S.

32. Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. XII. Unterhaltungen. Leipzig: Verlag von K.A. Rostosky, 1837. – 34 S.

33. Brennglas Ad. Berlin wie es ist und– trinkt. H. XIII. Komische Scenen und Gespräche. Leipzig: Verlag von Ignaz Jackowitz, 1846. – 43 S.
34. Der Freisinnige. Freiburger politische Blätter. Freiburg im Breisgau, 1832.
35. Deutsche Tribüne. Homburg, 1832.
36. Deutsche Zeitung. Heidelberg, 1847-1850.
37. Evangelische Kirchen-Zeitung. Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Berlin, 1827-1869.
38. Fliegende Blätter. München, 1844-1944.
39. Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland. Hrsg. von G. Görres und G. Phillips. München, 1838-1859.
40. Illustrierte Zeitung. Leipzig, 1843-1944.
41. Kölnische Zeitung. Hrsg. von Joseph DuMont. Köln, 1831-1861.
42. Rheinischer Merkur. Koblenz, 1814-1816.
43. Telegraph für Deutschland. Hamburg, 1838-1848.

VI. *Биографии*

44. Becker G. W. Luther und seine Zeitgenossen: oder Ursachen, Zweck und Folgen der Reformation. Leipzig: W. Engelmann, 1817. – 280 S.
45. Beste W. Die Geschichte Catharina's von Bora: nach den Quellen bearbeitet. Halle: Richard Mühlmann, 1843. – 132 S.
46. Effner A.T. Dr. Martin Luther und seine Zeitgenossen: dargestellt in einer Reihe charakterisirender Züge und Anekdoten: zur würdigen Feyer des III-ten Jahrhunderts der Reformation. Bd.1. Augsburg: Bäumer, 1817. – 344 S.
47. Hofmann F. G. Katharina von Bora oder Dr. Martin Luther als Gatte und Vater: ein Beitrag zur Geschichte der Priesterehe sowie des ehelichen und häuslichen Lebens des großen Reformators nach den Quellen bearbeitet. Leipzig: Julius Klinkhardt, 1845. – 203 S.

VII. *Исторические сочинения*

48. Jerrer G. L. Die Weltgeschichte für Kinder. Bd.2. Nürnberg: Druck und Verlag von Friedrich Campe, 1833. – 662 S.

49. Marheineke P. Geschichte der teutschen Reformation. Erster Teil. Berlin: In der Nicolaischen Buchhandlung, 1816. – 379 S.
50. Michahelles K. F. Literatur der dritten Reformations-Säkularfeier: oder möglichst vollständiges Verzeichniß aller der Schriften welche in näherer oder entfernterer Beziehung auf das im Jahr 1817 gefeierte dritte Reformations-Jubelfest erschienen sind. Nürnberg: Monath und Kußler, 1820. – 88 S.
51. Moser A. Luther oder die Reformationsgeschichte. Leipzig: Kollmann, 1817. – 193 S.
52. Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Bd. 1. Berlin: Duncker und Humblot, 1839. – 492 S.
53. Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Bd. 2. Berlin: Duncker und Humblot, 1839. – 483 S.
54. Ranke L. von. Aus Werk und Nachlass. Bd. 3. Frühe Schriften. München: R. Oldenbourg, 1973. – 664 S.
55. Schlosser F.C. Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 11. Frankfurt am Main: Expedition von Schlosser's Weltgeschichte, 1850. – 480 S.
56. Schlosser F.C. Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 12. Frankfurt am Main: Expedition von Schlosser's Weltgeschichte, 1850. – 486 S.
57. Veillodter V. K. Erinnerungen an die zweite Jubelfeier der Reformation im Jahre 1717: hrsg. bei der Annäherung des dritten Secularfestes. Nürnberg: Riegel und Wießner, 1817. – 35 S.

VIII. *Справочные издания*

58. Allgemeine Realencyclopädie oder Conversationslexicon für das katholische Deutschland. Bd.6. Regensburg: Verlag von Georg Joseph Manz, 1848. – 1150 S.
59. Allgemeine Realencyclopädie oder Conversationslexicon für das katholische Deutschland. Bd.8. Regensburg: Verlag von Georg Joseph Manz, 1848. – 1150 S.
60. Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd 1. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1837. – 714 S.

61. Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd 2. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1838. – 792 S.
62. Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 3. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1839. – 785 S.
63. Brockhaus Bilder-Conversations-Lexikon. Bd. 4. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1841. – 828 S.
64. Brockhaus Conversations-Lexikon. Bd. 1. Amsterdam: Im Kunst- und Industrie-Comptoir, 1809. – 400 S.
65. Brockhaus Conversations-Lexikon Bd 2. Amsterdam: Im Kunst- und Industrie-Comptoir, 1809. – 460 S.
66. Brockhaus Conversations-Lexikon Bd. 4. Amsterdam: Im Kunst- und Industrie-Comptoir, 1809. – 372 S.
67. Brockhaus Conversations-Lexikon. Bd. 7. Amsterdam: Im Kunst- und Industrie-Comptoir, 1809. – 576 S.
68. Damen Conversations Lexikon. Bd. 1. Leipzig: Fr. Volckmar, 1834. – 496 S.
69. Damen Conversations Lexikon. Bd. 3. Adorf: Verlags-Bureau, 1835. – 500 S.
70. Damen Conversations Lexikon. Bd. 4. Adorf: Verlags-Bureau, 1835. – 500 S.
71. Damen Conversations Lexikon. Bd. 10. Adorf: Verlags-Bureau, 1838. – 502 S.
72. Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.1. Altenburg: Literatur-Comptoir, 1822. – 723 S.
73. Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.12. Altenburg: Literatur-Comptoir, 1829. – 766 S.
74. Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.14. Altenburg: Literatur-Comptoir, 1830. – 746 S.
75. Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe: bearbeitet von mehreren Gelehrten. Bd.17. Altenburg: Literatur-Comptoir, 1832. – 718 S.
76. Staats-Lexicon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 15. Altona: J.F. Hammerich. – 987 S.

77. Staats-Lexicon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 4 Altona: J.F. Hammerich, 1837. – 79 S.
78. Staats-Lexicon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 5. Altona: J.F. Hammerich, 1837. – 803 S.
79. Staats-Lexicon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 10. Altona: J.F. Hammerich, 1840. – 796 S.
80. Staats-Lexicon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 13. Altona: J.F. Hammerich, 1842. – 808 S.

IX. Источники личного происхождения

81. Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. Bd. 6. Berlin: Duncker und Humblot, 1834. – 480 S.
82. Goethe J. W. von. Briefwechsel zwischen Goethe und Knebel (1774-1832). Bd. 1. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1851. – 412 S.
83. Varnhagen K.A. Vermischte Schriften. Cit. ex: Hermann G. (hrsg). Das Biedermeier im Spiegel seiner Zeit: Briefe, Tagebücher, Memoiren, Volksszenen und ähnliche Dokumente. Berlin: Deutsches Verlagshaus Bong&Co 1913. S. 182-183.

X. Визуальные источники

84. D. Martin Luthers Andenken in Münzen nebst Lebensbeschreibungen merkwürdiger Zeitgenossen desselben. Leipzig: Benjamin Fleischer, 1818. – 350 S. (иллюстрации)
85. Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe, Ideen und Vorschläge zu demselben. Eisleben: O.G. Verdion, 1805. – 48 S. (иллюстрации)

86. Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern, gezeichnet und in Stahl gest. vom Prof. Schwerdgeburth, als Festgruß zur 400-jährigen Geburtstagsfeier des christlichen und nationalen Reformators D. Martin Luther. Leipzig: Selbstverl. des Hrsg., 1883. – 20 S. (иллюстрации)
87. König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg: Rudolf Besser, 1851. – 406 S. (иллюстрации)
88. Löwenstern W. von. Luther-Zyklus. Stuttgart, 1827 – 18 S. (иллюстрации)
89. Sommer E. Saxonia. Museum für sächsische Vaterlandskunde. Bd. 1. Dresden: Dresden: Edward Pietzsch und Comp, 1835. – 118 S. (иллюстрации)

Литература

90. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. Москва: КАНОН–пресс-Ц, 2001. – 286 с.
91. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва: НЛО, 2014. – 328 с.
92. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
93. Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. Ч. 3. Новое время. Москва: кн. маг. И. Дейбнера, 1896. – 248 с.
94. Вознесенский С.В. Экономический поворот в Западной Европе и Реформация. Ленинград: Прибой, 1925. – 207 с.
95. «Время молчания прошло!»: Пять веков Реформации в меняющемся мире: Сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. – 352 с.
96. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. Москва: Прогресс, 1991. – 320 с.
97. Герье В.И. Лейбниц и его век. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1868. – 612 с.

98. Голубкин Ю.А. Из любви к истине. Историко-биографический очерк // Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения (1520—1526). Харьков: Око, 1992. С. 225-333.
99. Грановский Т.Н. Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья: (записи слушателей с авторской правкой). Москва: Наука, 1971. – 340 с.
100. Гутнер Г.Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. Т. 17. №. 1. С. 94-109.
101. Даценко П.А. Преемственность или разрыв? О конституционных актах Германского союза 1815 и 1820 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 62-70.
102. Данилкова Ю.Ю. Античная культура в эстетике стиля Бидермайер: к вопросу об интеграции // Новый филологический вестник. 2012. №1 (20). С. 103-108.
103. Заиченко О.В. Борьба с “Римом” — I. “Германский миф” как инструмент конструирования немецкой идентичности // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. Москва: Аквилон, 2020. С. 318-357.
104. Ивонин Ю.Е. Был ли Мартин Лютер апологетом авторитарного государства? // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3(47). С. 297-306.
105. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. II. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – 618 с.
106. Костко О.Ю. Метафоричность пространства в контексте феномена Бидермайера // Художественное произведение в современной культуре: творчество - исполнительство - гуманитарное знание. Сборник статей и материалов. Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского, 2025. С. 75-78.

107. Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. Москва: Наука, 1991. – 344 с.
108. Лекции по новой истории профессора В. В. Бауэра, читанные в С.-Петербургском университете. Т.1. Санкт-Петербург: изд. гр. А.А. Мусина-Пушкина, 1886. – 339 с.
109. Лённекер Х. Несовершеннолетние мечтатели – исконно немецкие крепкие мужи – строптивые мятежники – деятели будущего: студенты Германии в XIX и XX вв. / Пер. с нем. П.А. Серковой // Гумбольдтовские чтения: Материалы международной научной конференции, Москва, 24–25 сентября 2009 г. Москва: РГГУ, 2010. С. 57-83.
110. Майер В.Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Ленинград: Наука, 1981. С. 123-130.
111. Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2005. С. 394-459.
112. Медяков А.С. Образ "Германии" на открытках времен Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 167-177.
113. Мигунов С.А., Хренов Н.А. Эстетика и теория искусства XX века. Москва: Прогресс-Традиция, 2008. – 688 с.
114. Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. Москва: Кабинетный учёный, 2017. – 240 с.
115. Некрасов Ю.К. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.) // Вестник МГУ. 1977. № 4. С. 63-79.
116. Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1979. – 167 с.
117. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17-50.
118. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. Санкт-Петербург: ИЦ "Гуманитарная академия", 2002. – 384 с.

119. Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. Москва: Аквилон, 2020. С. 11-36.
120. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва: Кругъ, 2011. – 559 с.
121. Ростиславлева Н.В. Вильгельм фон Гумбольдт как историк: лаборатория исследователя // Профессиональная идентичность и самосознание историка: к юбилею Л. П. Репиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2022. С. 344-354.
122. Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. Москва: РГГУ, 1999. – 141 с.
123. Ростиславлева Н.В. Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2(10). С. 244-254.
124. Ростиславлева Н.В. От салона к баррикаде. Женщины эпохи Гейне [рецензия] / Н.В. Ростиславлева; под ред. Ирины Хундт // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2005. №10. С. 241-247.
125. Ростиславлева Н.В. От Шлоссера к Ранке: истинная или мнимая прерывность исторического знания // Диалог со временем. 2001. №. 4. С. 213-220.
126. Ростиславлева Н.В. Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20–30-е годы XIX века // Европейский альманах 2003. История, традиции, культура. Москва, 2004. С. 93-104.
127. Ростиславлева Н.В. Проблема детерминантов в определении эпох и культурно-исторических категорий истории Германии первой половины XIX века // Новое в Новой истории. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2023. С. 214-229.
128. Ростиславлева Н.В. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью // Res Publica: русский республиканизм

от Средневековья до конца XX века. Москва: Редакция журнала "НЛО", 2021. С. 266-310.

129. Ростиславлева Н.В. Типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX в. Гейдельбергская школа // Диалог со временем. 2003. № 10. С. 311-318.

130. Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Серия: Из истории мировой культуры. Ленинград: Наука, 1991. – 160 с.

131. Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1947. – 533 с.

132. Смирин М.М. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации // Вопросы истории. 1957. №. 6. С. 84-101.

133. Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик. Москва: Молодая гвардия, 1984. - 288 с.

134. Стерхов Д.В. Битва под Лейпцигом 16-19 октября 1813 г. в отражении немецкой патриотической проповеди // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 2(24). С. 72-80.

135. Стерхов Д.В. Король, отечество и прусская нация: государственный патриотизм в Пруссии в годы освободительных войн (1813-1815 годы) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 67-78.

136. Торопыгина М. Ю. Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. Москва: Прогресс-Традиция, 2015. – 368 с.

137. Устюгова Е.Н. Бидермайер как культурно-стилевой феномен // Tempus et Memoria. 2016. Т. 11. №. 2. С. 161-174.

138. Федотова Е.Д. Бидермайер. Москва: Белый город, 2005. – 51 с.

139. Филитов А.М. Германская нация и германское национальное сознание в исторической ретроспективе // Полития. 2005. №2. С. 22-38.

140. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007. – 345 с.
141. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 423 с.
142. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А.А. Васильева. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 305 с.
143. Achtelstetter L.C. Prussian Conservatism 1815–1856: Ecclesiastical Origins and Political Strategies. Springer International Publishing AG, 2021. – 270 p.
144. Bartel H. Der deutsche Bauernkrieg in der Tradition der deutschen Arbeiterbewegung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1975. 23 Jg. S. 133-151.
145. Berger S. The Search for Normality: National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800. Oxford: Berghahn Books, 1997. – 307 p.
146. Biedermeiers Glück und Ende. Die gestörte Idylle 1815-1848 / Hrsg. von H. Ottomeyer. München: Hugendubel, 1987. – 768 S.
147. Brady T.A. German Histories in the Age of Reformations, 1400-1650. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 477 p.
148. Briese O. Adolf Glaßbrenner als Bewahrer des vorindustriellen Berlin // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. Vol. 35. No. 2. 2010. S. 1-36.
149. Brockhaus H.E. Die Firma F.A. Brockhaus von der Begründung bis zum hundertjährigen Jubiläum. 1805–1905. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1905. – 490 S.
150. Brockhaus' Kleines Konversations-Lexikon. Bd 1. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1911. – 1042 S.
151. Brunner O. Das Konfessionelle Zeitalter 1555–1648 // Deutsche Geschichte im Überblick: Ein Handbuch. 1953. S. 284-316.
152. Brunner O., Konze W., Koselleck, R. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd.1. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1972. – 946 S.
153. Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München: Beck, 1993. – 362 S.

154. Di Fabio U., Schilling J. Weltwirkung der Reformation. Wie der Protestantismus unsere Welt verändert hat. München: C.H. Beck, 2017. – 213 S.
155. Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern, gezeichnet und in Stahl gest. vom Prof. Schwerdgeburth, als Festgruß zur 400-jährigen Geburtstagsfeier des christlichen und nationalen Reformators D. Martin Luther. Leipzig: Selbstverl. des Hrsg., 1883. – 20 S.
156. Gervinus G.G. Friedrich Christoph Schlosser: ein Nekrolog. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1861. – 86 S.
157. Glaser H. Industriekultur und Alltagsleben. Vom Biedermeier zur Postmoderne. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. – 285 S.
158. Grunewald E. Friedrich Heinrich von der Hagen 1780-1856: Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Germanistik. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1988. – 423 S.
159. Hardtwig W. Vormärz: der monarchische Staat und das Bürgertum. München: Dt. Taschenbuch Verl., 1985. – 244 S.
160. Hayden-Roy P. The Luther Myth: The Image of Martin Luther from Religious Reformer to Völkisch Icon. Oxford: Oxford University Press, 2024. – 288 p.
161. Heitz G., Laube A. Steinmetz M. Der Bauer im Klassenkampf. Studien zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges und der bäuerlichen Klassenkämpfe im Spätfeudalismus. Berlin: Akademie, 1975. – 608 S.
162. Hermann G. (hrsg). Das Biedermeier im Spiegel seiner Zeit: Briefe, Tagebücher, Memoiren, Volksszenen und ähnliche Dokumente. Berlin: Deutsches Verlagshaus Bong&Co, 1913. – 417 S.
163. Joestel V., Strehle J. Luthers Bild und Lutherbilder. Ein Rundgang durch die Wirkungsgeschichte. Wittenberg, 2003. – 102 S.
164. Kaufmann T. Geschichte der Reformation. Leipzig: Verlag der Weltreligionen, 2009. – 954 S.
165. Kaufmann T. Luthers Juden. Stuttgart: Reclam Philipp Jun., 2014. – 203 S.
166. Kaufmann T. The Saved and the Damned. A History of the Reformation. Oxford: Oxford University Press, 2023. – 378 p.

167. Kißling W. Biedermeier und Vormärz // Deutsche Dichtung in Epochen: Ein literaturgeschichtliches Lesebuch. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 1989. S. 391-443.
168. Krüger R. Biedermeier. Eine Lebenshaltung zwischen 1815-1848. Leipzig: Koehler & Amelang, 1979. – 238 S.
169. Kruse J. Drei graphische Folgen von Lutherlebenbildern des 19 Jahrhunderts // "Er fühlt der Zeiten ungeheuren Bruch und fest umklammert er sein Bibelbuch...": zum Lutherkult im 19 Jahrhundert". Berlin: Schelzky & Jeep, 1996. S. 40-53.
170. Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin: Dietz, 1974. – 414 S.
171. Le Rider J. Vormärz VS Biedermeier //Revue d'histoire du XIXe siècle. Société d'histoire de la révolution de 1848 et des révolutions du XIXe siècle. 2016. №. 52. P. 19-29.
172. Lehmann H. Luther und die Juden. Stolpersteine auf dem Weg zur Fünfhundertjahrfeier der Reformation 2017 // Communio. 2017. R. 37. Nr. 2-3. S. 37-54.
173. Lexutt A. Kernobst auf dem Markt der Möglichkeiten. Das Reformatorische in den Herausforderungen des langen 19. Jahrhunderts // Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin: Duncker & Humblot, 2018. S. 186–196.
174. Meding W. Jubel ohne Glauben? Das Reformationsjubiläum 1817 in Württemberg // Zeitschrift für Kirchengeschichte Stuttgart. 1982. Bd. 93 (1). S. 119–160.
175. Meyers Großes Konversations-Lexikon. 6. Auflage. Bd 2. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1905. – 912 S.
176. Nipperdey T. Deutsche Geschichte: 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: C.H. Beck Verlag, 1983. – 88 S.
177. Nipperdey T. Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 206. No. 1. S. 529-585.
178. Printy M.O.N. Enlightenment's reformation: religion and philosophy in Germany, 1750-1830. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 275 p.
179. Reinhard W. Gegenreformation als Modernisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters //Archiv für Reformationsgeschichte. 1977. Bd. 68. S. 226-252.

180. Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648-1750. Berlin: Siedler, 1988. – 542 S.
181. Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat: die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München: Dt. Taschenbuch Verl., 1985. – 195 S.
182. Sheehan J. J. What is German history? Reflections on the role of the nation in German history and historiography // *The Journal of Modern History*. 1981. Vol. 53. №. 1. P. 2-23.
183. Siemann W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Einheit der Nation und Zwietracht der Nationalitäten // *Die deutsche Nation: Geschichte-Probleme-Perspektiven*. Vierow bei Greifswald:SH-Verl., 1995. S. 24-34.
184. Siemann W. Metternich: Stratege und Visionär. Eine Biografie. München: Beck CH, 2016. – 983 S.
185. Siemann W. Vom Staatenbund zum Nationalstaat: Deutschland 1806–1871. München: Verlag C. H. Beck, 1995. – 488 S.
186. Spree U. Das Streben nach Wissen: eine vergleichende Gattungsgeschichte der populären Enzyklopädie in Deutschland und Großbritannien im 19. Jahrhundert. Tübingen: Niemeyer, 2000. – 372 S.
187. Steinmetz M. Thomas Müntzer in der Forschung der Gegenwart // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1975. 23 Jg. S. 666-685.
188. Timm R. Zur Einführung // *Buchillustration im 19. Jahrhundert*. Hannover: Harrassowitz Verlag, 1988. S. 7-12.
189. Wacker A. Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland (1838–1923) // *Deutsche Zeitschriften des 17. bis 20. Jahrhunderts*. Hrsg. vom Heinz-Dietrich Fischer. Berlin, Boston: De Gruyter, 1973. S. 141-154.
190. Wendebourg D. Die preußische Kirchenunion von 1817 // *Historische Kommission zu Berlin*. 2021. S. 3-10.
191. Wendebourg D. Die Reformationsjubiläen des 19. Jahrhunderts: Bernd Moeller zum 80. Geburtstag // *Zeitschrift für Theologie und Kirche*. 2011. Bd. 108 (3). S. 270-335.

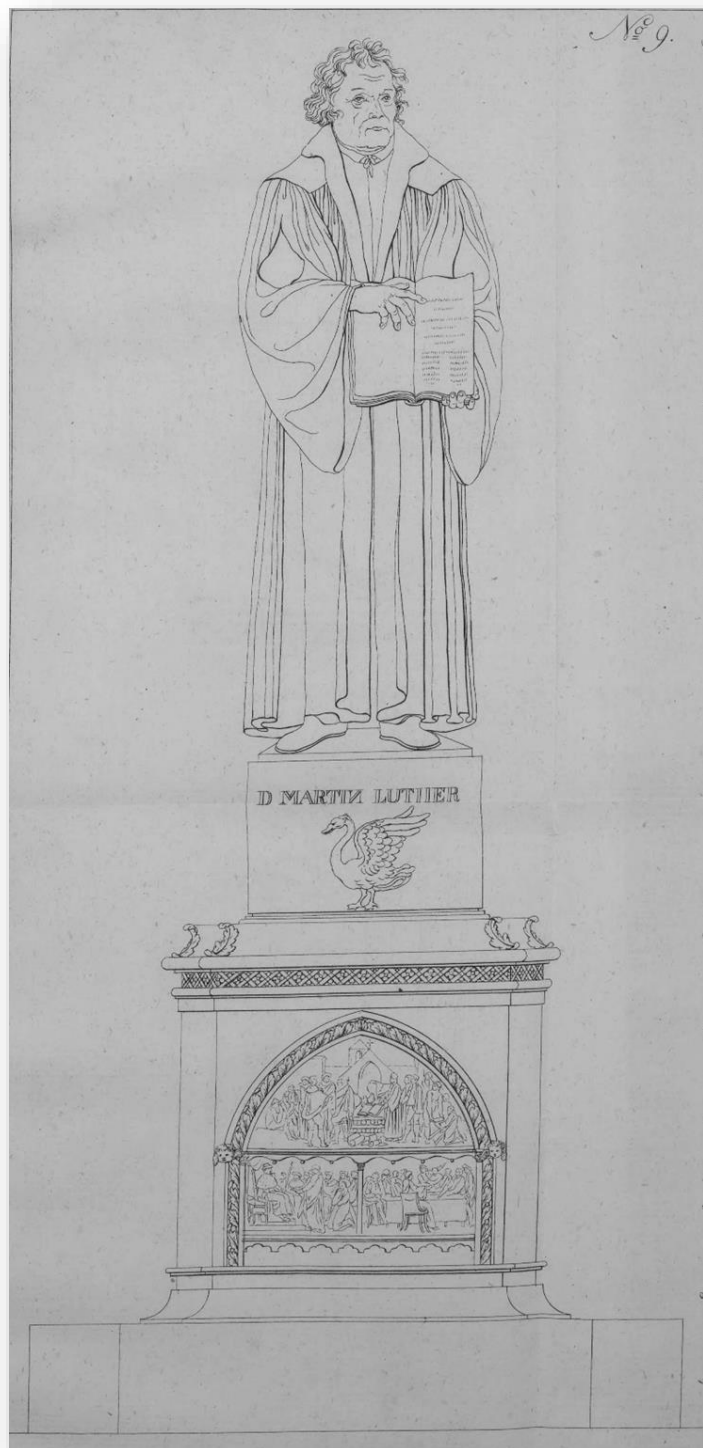
192. Winters L. Die Wiederentdeckung des Biedermeiers // Hans Ottomeyer/Klaus Albrecht Schröder/Laurie Winters (hg.): Biedermeier. Die Erfindung der Einfachheit. Ostfildern: Hatje Cantz, 2006. S. 31-41.
193. Wolgast E. Das Wartburgfest 1817 Reformationsgedenken und Protest gegen das Wiener System // Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin: Duncker & Humblot, 2018. S. 272-280.
194. Zeeden E.W. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe // Historische Zeitschrift. 1958. Bd. 185. №. 1. S. 249-299.

Приложения

Приложение 1

И.Г. Шадов «Эскиз памятника Лютеру», 1805. Офорт по рисунку.

Из: Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe, Ideen und Vorschläge zu demselben. Eisleben, 1805.

«Возведенный памятник Д-ру Мартину Лютеру на рыночной площади в Виттенберге», 1835. Литография.

Из: Sommer E. Saxonia. Museum für sächsische Vaterlandskunde. Bd. 1. Dresden, 1835.

Юбилейные медали и монеты, приуроченные к 300-летию Реформации 1817 г.

Из: D. Martin Luthers Andenken in Münzen nebst Lebensbeschreibungen merkwürdiger Zeitgenossen desselben. Leipzig, 1818.

В. фон Лёвенштерн «Лютер видит смерть своего друга Алексиуса, которого сразила молния в 1505 г., как призыв к монашеской жизни», 1827. Литография.

Из: Löwenstern W. von. Luther-Zyklus. Stuttgart, 1827

В. фон Лёвенштерн «Лютер молитвой спасает от смерти своего друга Меланхтона», 1827. Литография.

Из: Löwenstern W. von. Luther-Zyklus. Stuttgart, 1827.

В. фон Лёвенштерн «Император Карл V на могиле Лютера в Виттенберге 1547 г.», 1827. Литография.

Из: Löwenstern W. von. Luther-Zyklus. Stuttgart, 1827

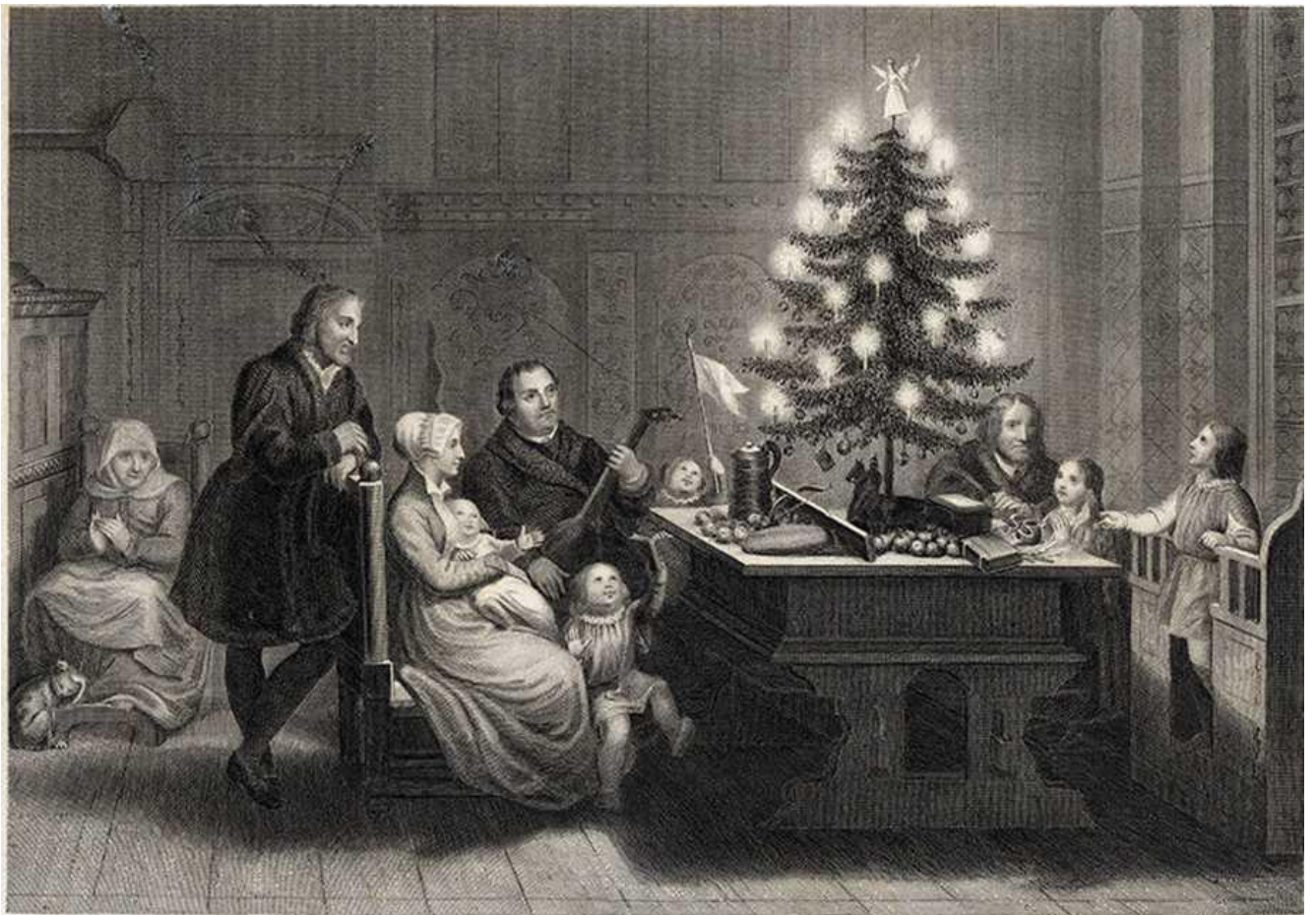
В. фон Лёвенштерн «Лютер как отец семьи», 1827. Литография.

Из: Löwenstern W. von. Luther-Zyklus. Stuttgart, 1827.

К.А. Швердгебурт «Мартин Лютер со своей семьей в рождественский вечер 1536 г. в Виттенберге», 1843. Офорт.

Из: Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern, gezeichnet und in Stahl gest. vom Prof. Schwerdgeburth, als Festgruß zur 400-jährigen Geburtstagsfeier des christlichen und nationalen Reformators D. Martin Luther. Leipzig, 1883.

К.А. Швердгебурт «Венчание Мартина Лютера и Катарины фон Бора», 1849.
Офорт.

Из: Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern, gezeichnet und in Stahl gest. vom Prof.
Schwerdgeburth, als Festgruß zur 400-jährigen Geburtstagsfeier des christlichen und
nationalen Reformators D. Martin Luther. Leipzig, 1883.

К.А. Швердгебурт «Прощание Мартина Лютера с семьей перед его последним путешествием в Айслебен», 1850. Офорт.

Из: Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern, gezeichnet und in Stahl gest. vom Prof. Schwerdgeburth, als Festgruß zur 400-jährigen Geburtstagsfeier des christlichen und nationalen Reformators D. Martin Luther. Leipzig, 1883.

К.А. Швердгебурт «Доктор Мартин Лютер проповедует в деревне Мёра», 1855. Офорт.

Из: Francke C. F. Luther-Cyclus in 7 Bildern, gezeichnet und in Stahl gest. vom Prof. Schwerdgeburth, als Festgruß zur 400-jährigen Geburtstagsfeier des christlichen und nationalen Reformators D. Martin Luther. Leipzig, 1883.

Г. Кёниг «Мартин Лютер находит латинскую Библию в библиотеке университета Эрфурта», 1846-1851. Офорт.

Из: König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg, 1851.

Г. Кёниг «Лютер проповедует в Зеебурге против Крестьянской войны. 1525 г.», 1846-1851. Офорт.

Из: König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg, 1851.

Г. Кёниг «Зимние радости Лютера в кругу семьи», 1846-1851. Офорт.

Из: König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg, 1851.

Г. Кёниг «Летние радости Лютера в кругу семьи и товарищей по застолью», 1846-1851. Офорт.

Из: König G.F. L., Gelzer J.H. Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg, 1851.

